

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 3/99

ISSN 0131—2812

К 275-летию Российской академии наук. Отечественное коресведение

•
Торгово-экономические группировки в АТР

•
Диалог Токио-Пекин

•
Архивы. 1960 год глазами советских и китайских руководителей

•
Пушкин и российская эмиграция в Китае

2016
2 - 213

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

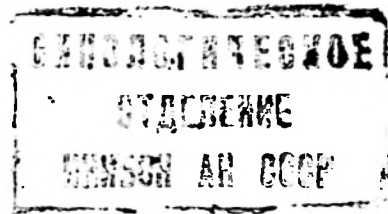
3/99

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 года

К 275-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Ю.Ванин. Российское корееведение в прошлом и настоящем 5

ПОЛИТИКА

С.Гончаренко. Форум "Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество". Торгово-экономические группировки в регионе АТЭС.....20

В.Ткаченко. Проблемы российско-корейского сотрудничества в интересах сохранения мира на Корейском полуострове (окончание).....31

А.Семиш. Токио-Пекин: непростой диалог45

ЭКОНОМИКА

В.Карлусов. Внешнеэкономические связи России и Китая: баланс интересов и совершенствование механизма организации.....50

Чжан Чжаоюй. Экономическая политика открытости и внешнеэкономическая деятельность КНР.....56

О.Иванов. Контроль за экспортом и импортом в Японии.....68

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Ю.Серебряков, А.Коротченков. Ассоциация "Славда": борьба за качество продукции как метод выживания в рыночных условиях.....78

ИСТОРИЯ

- А.Москалев. Национализм в понимании Сунь Ятсена (окончание).....82
- ✓ М.Крюков. Извилистый путь к альянсу: Советская Россия и Сунь Ятсен (1918-1923) (окончание).....92

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

- М.Прозументчиков. 1960 год глазами советских и китайских руководителей.....102
- Г.Тягай. Король Коджон в русской миссии (из истории русско-корейских отношений).....118

ФИЛОСОФИЯ

- А.Мещеряков. Символика числа 8 в японской официальной культуре VII-VIII вв.....125

РУССКИЕ В КИТАЕ

- А.Хисамутдинов. С Пушкиным в сердце (К 200-летию со дня рождения поэта).....134

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Р.Савельев. Россия и Корея на пороге нового столетия. 3-я научная конференция корееведов в ИДВ РАН.....142
- На Ученом Совете ИДВ РАН.....145

РЕЦЕНЗИИ

- В.Портяков. Потапов М.А. Внешнеэкономическая политика Китая: проблемы и противоречия.....147
- М.Кокарев, Г.Степанова. Уилем ван Кеменаде. Китай, Гонконг, Тайвань: объединение.....149
- ✓ Н.Гуреева. Егоров К.А. Представительная система Китая: история и современность.....155
- А.Волохова. Ощепков В.П. Россия и Китай в зеркале региональной политики.....158

Редакционная коллегия

А.М. Григорьев (главный редактор), Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушняц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, А.А. Писарев, В.Я. Портяков, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, Ю.С. Столяров, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко

© Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН, 1999 г.

Статьи этого номера

Ю.Ванин. Российское корееведение в прошлом и настоящем

В статье, приуроченной к 275-летию Российской Академии наук, автор освещает основные этапы развития российского корееведения в связи с историей самой России. Показана роль Академии наук в изучении Кореи, особенно ее истории и различных проблем современности.

С.Гончаренко. Форум "Азиатско-тихоокеанские экономические сотрудничество". Торгово-экономическое группировки в регионе АТЭС

В статье прослеживается процесс формирования и активизации деятельности форума АТЭС, а также региональных торговых группировок в рамках этого форума, двусторонних и многосторонних соглашений по торговым вопросам между отдельными участниками АТЭС.

В.Ткаченко. Проблемы российско-корейского сотрудничества в интересах сохранения мира на Корейском полуострове

В окончании статьи из второго номера ПДВ анализируются плюсы и минусы политики России в отношении двух корейских государств.

А.Семиц. Токио-Пекин: непростой диалог

Современное состояние японо-китайских отношений является темой устойчивого научного интереса автора. В данной статье анализируются некоторые новые моменты в двусторонних связях, ход активизирующегося в последние годы политического диалога, вскрываются причины его торможения.

В.Карлусов. Внешнеэкономические связи России и Китая: баланс интересов и совершенствование механизма организации

В статье рассматриваются внешние и внутренние факторы, влияющие на достижение баланса интересов РФ и КНР во внешнеэкономической области.

Чжан Чжаоюй. Экономическая политика открытости и внешнеэкономическая деятельность КНР

В статье излагается история политики "открытости внешнему миру" и ее результаты за весь период реформ в Китае.

О.Иванов. Контроль за экспортом и импортом в Японии

Автор анализирует систему регулирования экспорта, рассматривает виды экспортного контроля со стороны государства, в том числе финансовый контроль за экспортными сделками. Приводятся примеры применения добровольных ограничений экспорта.

Подробно освещены меры государственного регулирования импорта в рамках международных соглашений, тарифная система, нетарифные торговые-

политические средства, лицензирование импорта. Описана система государственного страхования торговли и инвестиций в Японии.

Ю.Серебряков, А.Коротченков. Ассоциация "Славда": борьба за качество продукции как метод выживания в рыночных условиях

На примере дальневосточной ассоциации "Славда" вскрываются потенциальные возможности для ведения эффективного производства качественной продукции, конкурентоспособной на рынке АТР.

М.Прокуменчиков. 1960 год глазами советских и китайских руководителей

Автором предпринята попытка раскрыть на основании архивных документов позиции советских и китайских руководителей в начале идеологического конфликта между КПСС и КПК.

Г.Тягай. Король Коджон в русской миссии (из истории русско-корейских отношений)

Автор освещает сложный период корейской истории, когда король Кореи, боровшийся с японским влиянием в стране, был вынужден бежать в русскую миссию в Сеуле. Из статьи явствует, что в конце XIX в. Корея уповала на помощь России, сопротивляясь попыткам Японии превратить ее в колонию.

А.Мещеряков. Даосизм и символика числа "восемь" в японской официальной культуре VII-VIII вв.

На примере нумерической символики автор рассматривает направления влияния китайского даосизма на культуру раннего японского государства: от нумерологической организации до религиозной и обрядовой практики.

А.Хисамутдинов. С Пушкиным в сердце

В статье, посвященной 200-летию со дня рождения поэта, рассказывается о том, что значило его имя и творчество в жизни русских эмигрантов в Китае. Для оторванных от Отечества русских людей Пушкин был связующей нитью с Родиной.

К 275-летию Российской Академии наук

Российское корееведение в прошлом и настоящем

© 1999

Ю. Ванин

Корееведение в России – одно из важных направлений востоковедной науки. Ему, по общему признанию, принадлежит видное место в мировом корееведении

Сведения о Корее начали поступать в Россию задолго до того, как сомкнулись границы двух государств. Первыми известиями о ней наша страна обязана своим представителям в Китае, собиравшим информацию о стране пребывания и ее соседях.

Российский посол Н.Г. Спафарий, находившийся в Китае в 1675–1676 гг. и составивший о нем один из первых содержательных очерков, включил в этот очерк небольшую главу «Описание государства Кореи, которое между уездом (Леоатунг) и между Амуром состоит и что при нем и в нем обретается». Завершает главу высокая оценка им Кореи: «Сия страна прехвальная есть».¹

Следует отметить, что отзывы о Корее россиян, посещавших Китай, с самого начала отличала доброжелательность к этой стране и ее народу. Вместе с тем нередко выражалось сочувствие по поводу наблюдавшихся ими проявлений зависимости Кореи от Китая.²

Дальнейшее ознакомление с Кореей в России связано с деятельностью в первой половине XIX в. выдающегося русского востоковеда Н.Я. Бичурина (Иакинфа), ставшего в 1828 г. членом Российской академии. В составленное им фундаментальное описание Китая вошла глава «Королевство Чао-сянь» (китайское наименование Кореи), в которой вкратце изложена история Кореи и ее административное устройство.³ Особую ценность для корееведов в трудах Н.Я. Бичурина представляют касающиеся Кореи извлечения из древнейших китайских летописей.⁴ Без обращения к этим трудам Н.Я. Бичурина не обходится теперь ни один российский исследователь ранней истории Кореи.

Если первичное знакомство с Кореей происходило в рамках российско-китайских отношений и в какой-то мере являлось частью нарождавшегося российского китаеведения, то с утверждением России в середине XIX в. на

Дальнем Востоке, в непосредственном соседстве с Кореей, началось изучение этой страны, как отдельного объекта разносторонних интересов России, и корееведение с тех пор постепенно выделилось в самостоятельную отрасль науки.

Первые работы о Корее появились еще до того, как Россия наладила с ней официальные отношения. Вначале их публикация диктовалась необходимостью больше знать о корейцах, переселявшихся с 1860-х гг. на русский Дальний Восток и содействовать их закреплению на слабо тогда освоенной территории Приморья. Свидетельством предпринимавшихся для этого усилий служит, например, составленный М.Пуцилло (чиновником, много занимавшимся делами корейских поселенцев) «Опыт русско-корейского словаря» (Хабаровск, 1874). Вскоре в центр внимания ученых вошла сама Корея, с которой завязывались контакты на разных уровнях. Начинать приходилось с переводных работ. Над их изданием трудился известный китаевед П.А.Дмитревский, обогативший своими дополнениями и комментариями переведенные им книги.⁵ Одновременно делались попытки создания самостоятельных работ общего характера. Одна из первых – книга Ждан-Пушкина «Корея» (СПБ, 1875).

С установлением в 1884 г. дипломатических отношений между двумя странами масштабы изучения Кореи в России значительно расширились. Увидели свет такие крупные для своего времени труды, как «Очерки Кореи» М.А.Поджио (СПБ, 1882), «Корея и японо-китайские столкновения» Д.Д.Покотилова (СПБ, 1895). Большое количество статей и заметок о Корее публиковалось в «Сборниках географических, топографических и статистических материалов по Азии», «Известиях Императорского Русского географического общества», «Морском сборнике» и других периодических научных изданиях. В этих книгах и статьях описывались географические условия, экономическое и политическое положение Кореи, жизнь и быт ее народа. Уделялось внимание и борьбе держав за господство в этой стране. Россия, как известно, не строила захватнических планов в отношении Кореи и стремилась лишь не допустить ее использования во враждебных целях, что получило соответствующее отражение в литературе.

Уникальной страницей истории российского корееведения справедливо считается ряд экспедиций в Корею, направленных из России в конце XIX в. Их возглавляли ученые, военные и гражданские специалисты В.А.Альфтан, Ф.М.Вебель, А.И. Звегинцев, В.Л.Комаров, А.Г. Лубенцов, И.И. Стрельбицкий и др. Итогом каждой такой экспедиции была публикация подробных материалов об обследованных путешественниками районах, происходивших в стране событиях, встречах с ее людьми. В материалах российских экспедиций содержатся обширные и разнообразные сведения о Корее конца XIX в., аналитические суждения их авторов – опытных и вдумчивых исследователей, которые не утратили научной ценности и до настоящего времени. Часть этих материалов была переиздана в 1958 г. Г.Д.Тягай.⁶

Отдельно следует упомянуть об экспедиции, руководимой известным русским писателем Н.Г.Гариним-Михайловским. Осенью 1898 г. она прошла по северной оконечности Кореи, о чем ее руководитель ярко и интересно поведал в книге «Из дневников кругосветного путешествия (по Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову)», неоднократно переиздававшейся в советский период. Не ограничиваясь практическими целями экспедиции, Н.Г.Гарин-Михайловский сумел собрать и впоследствии опубликовать богатый фольклорный материал, впервые ознакомив российских читателей с творчеством корейского народа.

Активизация российско-корейских связей сделала необходимой подготовку в России специалистов-корееведов. С 1897 г. началось изучение корейского языка на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета. Во Владивостоке в 1899 г. был открыт Восточный институт, в учебной программе которого Корее отводилось значительное место.

Выдающимся событием в российском и мировом корееведении явился выход в свет трехтомного «Описания Кореи» (СПБ, 1900). К его подготовке были привлечены крупнейшие ученые – специалисты по Дальнему Востоку, обобщившие накопленные в России и других странах знания о Корее. Книга содержит обстоятельные очерки географии, истории, экономики, культуры, этнографии Кореи конца XIX в., а также обширные документальные приложения. Как и многим другим российским изданиям, ей присущи уважительное отношение к Корее, стремление добросовестно и объективно рассказать о ее прошлом и настоящем. Не будет преувеличением утверждать, что аналогичного по масштабам и научной глубине обобщающего труда о Корее не было в мировой литературе того времени. Не случайно к «Описанию Кореи» до сих пор обращаются историки не только России, но и других стран, в том числе в самой Корее.⁷

С начала XX в. Корея все явственнее становилась объектом захватнических устремлений Японии. Поражение России в русско-японской войне устранило последнее для Японии внешнее препятствие. Корейский народ мужественно боролся против надвигающегося на него колониального порабощения. Настроения российской общественности, осуждавшей захватнические действия Японии и сочувствовавшей борьбе корейского народа за независимость своей страны отражены в написанных по горячим следам событий и очень содержательных книгах П.Россова «Корея в конце 1905 г. и начале 1906 г.» (Харбин, 1906) и «Национальное самосознание корейцев» (СПБ, 1906), В.Д. Песоцкого «Корея накануне аннексии. Император Кореи и его двор» (СПБ, 1910). Несколько отличалась от них книга В.Серошевского «Корея» (СПБ, 1905), опубликованная после путешествия по Японии и Корее в 1903-1904 гг. Изложив много общих сведений и интересных деталей об увиденной им Корее, автор с безусловным одобрением отзывался о многом из того, что делала Япония в этой стране.

В дореволюционной России плодотворно занимался изучением Кореи видный востоковед Н.В.Кюнер. Его изыскания в области социально-экономического положения Кореи первого десятилетия XX в. подытожены в книге «Статистико-географический и экономический очерк Кореи, ныне японского генерал-губернаторства Циосен» (Ч. I и II, Владивосток, 1912). Хотя Н.В.Кюнер также не избежал тогда излишнего доверия к «цивилизаторской миссии» Японии, его книга безусловно ценна обилием представленного в ней фактического материала о внутренних процессах в Корее на сложном и противоречивом этапе ее истории.

Недавно стала известной не публиковавшаяся ранее работа еще одного выдающегося востоковеда – Н.И.Конрада. В 1914-1915 гг. он путешествовал по Корее, собрав в разных провинциях множество сведений этнографического характера. Из них составились «Очерки социальной организации и духовной культуры корейцев на рубеже XIX – XX вв», вошедшие в книгу Н.И.Конрада «Неопубликованные работы. Письма» (М, 1996). «Очерки» подготовила к печати и добротнo прокомментировала Р.Ш.Джарылгасинова.

Октябрьская революция 1917 г. открыла новый, советский этап истории российского корееведения. Особняком стоят в нем два первых десятиле-

тия. Им присущи некоторые особенности, отличавшие этот период и от предшествующего, и от последующего периодов.

Прежде всего изменилось само содержание корееведения. Внимание науки почти целиком сосредоточилось на актуальных проблемах современности. Главным считалось содействие через печать национально-освободительному, революционному движению в Корее, реализации в этой стране соответствующего курса Коминтерна. Вместе с тем корееведение явилось тогда важной формой выражения солидарности советских людей с борьбой корейского народа за национальное освобождение и социальный прогресс. Одновременно оно участвовало в осуществлении внешнеполитических задач СССР на японском направлении, вскрывая перед всем миром на корейском материале агрессивные планы Японии в отношении Советского Союза и Китая.

Существенно изменился кадровый состав корееведов. Из дореволюционных ученых продолжали преподавательскую работу и изредка публиковались Н.В.Кюнер, Д.М.Позднеев. К ним присоединились выпускники советских вузов — специалисты по Китаю и Японии Х.Т.Эйдус (псевдоним Хаяма), М.И.Лукьянова (Асагири), Г.Н.Войтинский, А.Л.Гальперин, М.Павлович и др. Им принадлежало большое количество работ о Корее, изданных в СССР в 1920-е — 1930-е годы. Совершенно новым было то, что авторами выходявших тогда работ часто выступали советские корейцы. Как правило, они являлись работниками Коминтерна, Профинтерна, других международных и советских организаций, преподавателями вузов, сотрудниками издательств и т.д. Многие участвовали в антияпонской борьбе в самой Корее и в соседних странах. Не будучи профессионалами-корееведами в строгом смысле слова, но владея корейским и другими языками, зная Корею и ее проблемы по собственному опыту, они весьма квалифицированно подходили к анализу положения в колониальной Корее. Особенно активными авторами были Н.Ким, Нам Ман Чхун, Ли Канг, Пак Диншунь (Пак Чин Сун), Цой Шену (Чхве Сон У).

Иным стал и характер научных публикаций. Книг о Корее было мало. Преобладали проблемные статьи и информационные заметки. Публиковались они в разного рода сборниках статей, а также в многочисленных международных («Коммунистический Интернационал», «Красный Интернационал профсоюзов», «Интернационал молодежи») и советских периодических изданиях («Вестник Народного комиссариата иностранных дел», «За рубежом», «Международная жизнь», «Народы Дальнего Востока», «Жизнь национальностей», «Новый Восток», «Революционный Восток», «Международное рабочее движение» и т.д.).

Можно выделить несколько тем, которыми более всего занимались советские корееведы 1920-х — 1930-х гг. В первую очередь это положение Кореи как колонии японского империализма. В большинстве работ того периода содержались данные о состоянии различных сфер корейской экономики, об ограблении Кореи японскими империалистами, особенно в связи с мировым экономическим кризисом (1929-1933) и агрессией Японии против Китая. Ряд работ специально посвящен этой теме.⁸

Во многих брошюрах и статьях анализировалась колониальная политика японских империалистов, разоблачались рекламируемые ими меры по «либерализации» управления Кореей.⁹ Накануне второй мировой войны, когда японская военщина разрабатывала захватнические планы в отношении СССР, в советской литературе неоднократно обсуждался вопрос о возможности использования агрессорами для этой цели Кореи.¹⁰

Значительное место в работах 1920-х — 1930-х гг. занимали социальные проблемы Кореи. Довольно подробно исследовались особенности форми-

рования и положение различных отрядов рабочего класса.¹¹ В еще большей степени объектом изучения являлись аграрные отношения в Корее, грабительская политика японского империализма в корейской деревне.¹² В некоторых работах показаны экономические и политические позиции корейской буржуазии.¹³ Большинство авторов рассматривали корейскую буржуазию как нечто целое, не выделяя имевшихся в ее среде патриотически настроенных слоев.

Советские авторы, насколько было возможно, информировали читателей о стачечной борьбе рабочего класса, о путях развития Коммунистического движения в Корее.¹⁴ Помимо работ непосредственно по аграрному вопросу и в некоторых других сообщалось об арендных конфликтах и более решительном выступлении крестьянства.¹⁵ Уделялось также внимание положению корейской молодежи и ее участию в революционной борьбе.¹⁶

В поле зрения советских корееведов постоянно находились проблемы национально-освободительного движения в Корее. Одна из первых работ советского периода, брошюра В.Виленского-Сибирякова «В когтях японского империализма (Борьба корейского народа за независимость)» (М, 1919), явилась живым откликом на Первоапрельское народное восстание 1919 г. в Корее — одно из самых крупных в Азии. Впоследствии проблемы национально-освободительного движения затрагивались в многих общих работах о положении в Корее. В ряде статей рассматривались основные этапы, формы и методы борьбы корейского народа за независимость, анализировались уроки различных массовых антиколониальных выступлений.¹⁷

Освещались партизанское движение, практически не прекращавшееся после аннексии Кореи в 1910 г., его размах и наносимый японским захватчиком урон, взаимодействие корейских и китайских партизанских сил под руководством Компартии Китая, репрессии властей против партизан.¹⁸ Сообщалось о Корейской народно-революционной армии, упоминались видные партизанские командиры Ян Се Бон, Ким Ни-чэн¹⁹ (автор предполагает, что это один из псевдонимов Ким Ир Сена).

Опубликованным тогда работам были присущи многие свойственные тому времени слабости и недостатки (абсолютизация советского опыта, чрезмерное подчеркивание классовых задач в ущерб национальным, выдвигание в качестве безусловно приоритетных самых радикальных форм и методов борьбы, исключительное внимание к деятельности коммунистов и их сторонников при игнорировании и даже враждебном отношении к националистическому потоку освободительного движения и т.д.). Но это отнюдь не перечеркивает значение всего созданного корееведами в ту пору. Их труды — своеобразные документы эпохи. В них содержится обширный, нередко уже недоступный исследователям фактический материал. Поэтому труды советских корееведов 1920-х — 1930-х гг. не утратили своей ценности и для последующих поколений исследователей.

Сталинские репрессии середины 1930-х гг. больно ударили по советской интеллигенции, в том числе корейской. Погибли многие ветераны корейского коммунистического, национально-освободительного движения, видные общественные деятели, работники культуры. Среди них были и те, чьи труды о Корее упомянуты в данной статье. В 1937 г. корейцы подверглись насильственной депортации с Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию, в ходе которой была утрачена часть накопленной за десятилетия корейской литературы и прессы. Уцелевшие остатки составили корейский фонд центральной библиотеки Алма-Аты (ранее им.Пушкина). В результате репрессий в СССР почти не осталось специалистов по Корее. К концу 1930-х гг. советская печать

практически прекратила публикацию материалов о ней. В развитии корееведения наступила продолжительная пауза.

В августе 1945 г. Корея была освобождена от японского колониального ига. Но уже вскоре она стала объектом советско-американской конфронтации, одним из опасных участков «холодной войны». Ее расчленение на две оккупационные зоны привело к возникновению в 1948 г. на корейском полуострове двух государств – Республики Корея (РК) и Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР), а затем к войне между ними в 1950-1953 гг., закрепившей раскол Кореи. С тех пор и до настоящего времени корейский вопрос принадлежит к числу труднейших в международных отношениях.

Вступление Советской армии и Северную Корею и ее пребывание там до конца 1948 г., разносторонние контакты СССР с Северной Кореей и образовавшейся на ее территории КНДР, противоборство с США по корейским делам на международной арене требовали большого количества специалистов. А их катастрофически не хватало. Попытки возместить кадровый голод за счет практических работников, набранных в новых местах обитания советских корейцев, при всей значимости их вклада в связанную с Кореей работу, не решали проблему. Нужна была целенаправленная профессиональная подготовка новых кадров корееведов.

Уже в конце 1945 г. открылось корейское отделение в Московском институте востоковедения (МИВ). Затем корейские отделения были созданы в 1948 г. на Восточном факультете Ленинградского государственного университета, в 1949 г. – на отделении Востока исторического факультета Московского государственного университета. В 1954 г. МИВ объединили с Московским государственным институтом международных отношений МИД СССР, где с этого времени также начали готовить корееведов. На базе отделения Востока истфака МГУ в 1956 г. возник Институт стран Азии и Африки при МГУ. Помимо этих основных ныне центров подготовки специалистов по Корее, небольшое их количество выпускают некоторые другие вузы Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Владивостока, Хабаровска.

Потребности внешней политики на корейском направлении, растущий интерес общественности к процессам, происходившим в Корее, служили стимулами к возрождению и развитию в СССР научного корееведения. Можно считать, что с 1945 г. начался современный этап его истории.

Первым к корейской тематике обратился действовавший в Москве с 1934 г. Тихоокеанский институт Академии наук. В 1950 г. его влили в переведенный тогда же из Ленинграда в Москву Институт востоковедения АН, ставший с тех пор основным научным центром по изучению в СССР истории, экономики, культуры, современных проблем стран зарубежного Востока, в том числе Кореи. С 1956 г. в нем работает сектор Кореи, который в настоящее время входит в состав отдела Кореи и Монголии. В Ленинградском (Санкт-Петербургском) отделении ИВ РАН также имеется группа корееведов, занимающихся главным образом древней и средневековой корейской литературой, изучением и переводом на русский язык корейской художественной классики, тогда как в Москве исследуются история Кореи, современные политические и экономические проблемы РК и КНДР, советско и российско-корейские отношения.

С 1966 г. в Москве функционирует еще одно востоковедное научное учреждение – Институт Дальнего Востока АН. В начале 1994 г. в нем создан центр корейских исследований. За сравнительно короткий срок он стал одним из ведущих центров российского корееведения, проведя ряд важных научно-практических мероприятий и наладив активные международные научные связи, прежде всего с Республикой Корея. Его сотрудники концентриру-

ют внимание на современном положении на Корейском полуострове, на различных аспектах проблемы мирного объединения Кореи.

Кроме двух названных выше институтов, которые считаются сейчас ведущими в российском корееведении, проблемами Кореи в той или иной мере занимаются и некоторые другие научные учреждения РАН – Институт международных экономических и политических исследований, Институт мировой экономики и международных отношений, Институт этнографии и антропологии и др. Работа по истории, вопросам культуры, языка и различным аспектам положения в Северной и Южной Корее ведется также в вузах, готовящих корееведов.

Первое время после 1945 г. научные изыскания по Корее в основном осуществлялись только в Москве и Ленинграде. Однако впоследствии «география» корееведения расширилась. Небольшие его творческие ячейки имеются теперь также в Иркутске (Иркутский государственный педагогический университет), Новосибирске (Институт истории, филологии и философии СО РАН), Владивостоке (институт истории, археологии и этнологии народов Дальнего Востока ДВО РАН) и некоторых других городах.

В это время в науку о Корее пришли ученые, целиком себя ей посвятившие: М.Н.Пак, Ф.И. Шабшина, Г.Ф.Ким, Г.Д.Тягай. Их с полным основанием можно назвать основоположниками современного советского и российского корееведения. В 1950-х – 1960-х гг. начала работу в корееведении большая группа выпускников корейских отделений упомянутых выше вузов, прошедших специальную научную подготовку в аспирантуре. Затем ряды корееведов пополнили ученые более молодого поколения. Их усилиями было создано главное из того, что к настоящему времени составляет вклад отечественного корееведения в мировую науку о Корее.

Советский Союз содействовал образованию КНДР, помогал ей в экономическом и культурном строительстве, поддерживал с ней достаточно тесные разносторонние связи. Поэтому понятно, что до определенных пор тематика КНДР занимала в корееведении ведущее место. Внутриполитические процессы, происходившие в КНДР, с самого начала были практически изъяты из сферы исследований. Преобладали работы по ее экономике и отчасти культуре.²⁰ В обстановке нараставших противоречий в социалистической системе курс советского руководства на сохранение прежних отношений с КНДР привел к определенной «раздвоенности» корееведения: в открытой печати сообщалось об ее успехах и достижениях, критический анализ и дискуссионные выступления допускались только в специальных закрытых изданиях. Среди закрытых работ наиболее крупной была монография Г.Ф.Кима «Рабочий класс Кореи в революционном движении и социалистическом строительстве» (М, 1965).

Замалчивание или искажение историографией КНДР роли СССР в освобождении Кореи, значения его помощи в становлении и развитии КНДР привели к появлению в корееведении нового для него жанра – сборников воспоминаний и статей участников боев на корейской земле в августе 1945 г., специалистов разного профиля, работавших в корейской экономике и культуре, ученых. Таким образом пытались восстановить историческую правду.²¹ Эта тема получила отражение также в ряде обобщающих трудов о судьбах революций и выбора в пользу социализма в КНДР и некоторых других странах Азии.²²

Южной Корее поначалу посвящались только небольшие статьи и заметки. Первым опытом анализа того, что происходило в Республике Корея, можно считать коллективную монографию «Южная Корея. Экономическое и политическое положение (1945-1958 гг.)» (М., 1959). Отсутствие контактов с

этой частью Кореи вынуждало тогда ученых опираться на северокорейские материалы, что не могло не сказаться на качестве их исследований. Положение несколько улучшилось после того, как с 1960-х гг. стали поступать в СССР южнокорейские издания через корейские центры некоторых университетов США.

Заниматься южнокорейской тематикой в СССР было трудно вследствие существовавших долгое время жестких политических ограничений. Тем не менее советским ученым удалось опубликовать ряд крупных работ по политическим²³ и экономическим проблемам²⁴ развития РК. Делались также попытки сравнительного анализа ситуации в КНДР и РК. Наиболее значительный опыт такого рода – книга «Корея – Север и Юг» (М. 1965). С 1970-х гг., когда Юг начал по некоторым параметрам обгонять Север, сопоставление темпов и уровней их развития велось только в закрытых изданиях.

При всех сложностях и ограничениях, продиктованных условиями времени, советские работы о Южной Корее были чем дальше, тем более содержательными. В них с нарастающей объективностью исследовались противоречивые процессы, происходившие в сферах экономики и политики РК, у читателей создавалось близкое к действительности представление о позитивных изменениях в республике. Серьезным недостатком было и остается отсутствие специальных работ о развитии ее культуры. Не будет преувеличением утверждать, что труды корееведов в известной мере подготовили советское общество к сделанному правительством СССР принципиально важному шагу – нормализации отношений с РК в 1990 г. На эти труды отчасти опирались работники советских ведомств и учреждений, начиная деловые контакты с РК.

Усиленное внимание к актуальным проблемам современности отнюдь не препятствовало обращению к истории Кореи. Напротив, исторические исследования велись в СССР интенсивно и по все более широкому кругу тем. Вряд ли найдется теперь сколько-нибудь значительный период или важное событие корейской истории, которые не были бы в той или иной степени освещены в работах наших ученых. Впервые история Кореи стала самостоятельной и крупномасштабной отраслью российского корееведения.

Изучение корейской истории в СССР началось после 1945 г. с сюжетов, связанных с борьбой держав за господство в Корее на рубеже XIX и XX вв. Советско-американская конфронтация побудила уделить тогда первоочередное внимание разоблачению агрессивного курса США в Корее и на Дальнем Востоке, их потворства захвату Кореи Японией.²⁵ С начала 1950-х гг. сфера научных исследований распространилась на историю Кореи в новейшее (после 1917)²⁶ и новое (с XVII в.)²⁷ время. Главным здесь было выяснение процесса закабаления Кореи и основных черт созданной Японией системы управления колонией и ее эксплуатации, а также подробный показ хода национально-освободительного движения корейского народа, особенно тех его направлений, где лидировали коммунисты (к националистическим течениям относились по-прежнему негативно). Наряду с этим приступили к анализу социально-экономических, политических и идеологических аспектов положения Кореи в эпоху позднего феодализма и происходивших там общественных движений, оценке характера проявлявшихся в них противоречивых тенденций развития, обусловивших в конечном счете утрату страной независимости. Отдельная тема, значимость которой объясняется не прекращающимися с давних пор спекуляциями на ней на Западе – пути установления и сущность российско-корейских отношений.²⁸

Всплеск публикаций о Корее произошел в СССР в период Корейской войны (1950–1953). Самой крупной и наиболее показательной была книга И. В.

Кравцова «Агрессия американского империализма в Корее (1945-1951)» (М., 1951). В ней, как и в других работах, воплощена концепция, надолго установившаяся в советской историографии: КНДР- жертва агрессии США и Южной Кореи, пытавшихся ликвидировать корейское народное государство, избравшее социализм; война закончилась победой КНДР и союзных с ней прогрессивных сил мира во главе с СССР.

С середины 1950-х гг. корееведение двинулось дальше вглубь истории Кореи- в ее древность и средневековье. Фундаментальную базу для этого заложило издание М. Н. Паком в переводе на русский язык древнейшей корейской летописи «Самгук саги» («Исторические записи трех государств») (Т.1. М., 1959; Т.2. М., 1997) и публикация им извлечений из китайской хроники в материале «Описание корейских племен начала нашей эры (по «Саньго чжи»)» («Проблемы востоковедения», 1961 №1). На основе осуществленных в Корее археологических обследований, свидетельств большого количества уникальных источников опубликован ряд интересных работ по древней и средневековой истории Кореи. В них исследуются процессы формирования корейского этноса и его материальной и духовной культуры, возникновения и утверждения сословной структуры общества, укрепления государственности, становления и развития в Корее феодальных отношений, экономического и политического положения страны в разные периоды раннего и зрелого феодализма. Значительное внимание уделено антифеодальным выступлениям народных масс, их борьбе против иноземных завоевателей.²⁹

В своих научных изысканиях советские корееведы старались, насколько это было возможно, учитывать достижения мировой науки о Корее. При их оценке обычно придерживались критического подхода к немарксистским течениям зарубежного корееведения. Многим крупным работам, изданным в СССР, были предпосланы обстоятельные историографические обзоры с анализом существующих по данной теме научных концепций, отдельным публикациям авторов из США, Южной Кореи, Японии посвящались статьи в периодической печати. Взгляды ученых КНДР, отражавшие особые позиции ее руководства по многим принципиальным вопросам истории и современности Кореи, рассматривались с 1960-х гг. только в материалах закрытого характера. Состояние зарубежного корееведения по некоторым его направлениям освещено в нескольких книгах советских ученых.³⁰

Исследовательская деятельность советских корееведов позволила им довольно скоро приступить к созданию коллективных обобщающих трудов об истории и современном состоянии Кореи. Первый из них- «Корейская Народно-Демократическая Республика» (М., 1954), освещавший историю и культуру Кореи с древности до конца Корейской войны. Затем последовало справочное издание «Современная Корея» (М., 1971), содержащее не только обширные сведения по истории, географии, этнографии, культуре всей Кореи, но и впервые сообщавшее подробные данные об экономике, общественно- политическом устройстве, положении в различных сферах культуры КНДР и РК.

Наиболее крупным трудом советских корееведов явилась «История Кореи (с древнейших времен до наших дней)» в двух томах(М., 1974). Многовековой путь, пройденный страной, представлен в ней как восхождение от одного этапа к другому, более высокому, для каждого такого этапа выявлено взаимодействие внутренних и внешних, позитивных и негативных факторов, определявших темпы и своеобразие исторического процесса, показаны формы и конкретные проявления прогресса в экономике, социально- политической системе, в развитии национальной культуры. Основная часть второго тома- это история КНДР и РК на протяжении четверти века после освобождения

Кореи, изложенная достаточно объективно, хотя и с принятым тогда положительным отношением лишь к одному из двух корейских государств. «История Кореи», с ее обилием фактического материала, довольно удачной увязкой важнейших аспектов движения страны от этапа к этапу, аналитическим подходом авторов к затронутым проблемам и аргументированными суждениями по ним, выдержала в целом испытание временем, создав солидный фундамент для дальнейших научных изысканий.

Последнее десятилетие — крайне трудное для российского корееведения. Причины и проявления трудностей — общие для всей востоковедной науки и потому не нуждаются в объяснениях. Вместе с тем, нельзя не отметить и того положительного, что произошло именно в последнее десятилетие. Устранены прежние идеологические и политические ограничители, ликвидирована цензура. Открыта значительная часть архивов, ранее недоступных исследователям. Увеличилось поступление научной литературы из-за рубежа, особенно из Республики Корея, где большую помощь научным центрам России оказывают Корейский фонд международного обмена (Korea Foundation), некоторые университеты и т. д. Расширился приток информации о Корее из разных стран, кроме КНДР. Активизировались научные контакты, опять же прежде всего с учеными РК. Связи с научными учреждениями, входящими в Академию общественных наук КНДР, почти полностью прекратились.

Как ни парадоксально, но тяжелое финансовое положение основных научных центров не остановило издания у нас корееведческой литературы. По приблизительным подсчетам, в России с начала 1990-х гг. вышло не менее 50 книг о Корее (не считая посвященных российским и советским корейцам, что мы вправе отнести к работам по отечественной истории). Сказываются, на наш взгляд, растущий интерес читателей к Корее, ее прошлому и настоящему, а также творческий потенциал российского корееведения, который, при всех трудностях и потерях, пока все же удается сохранить.

Среди публикаций о Корее 1990-х гг. по-прежнему количественно преобладают книги по актуальным проблемам современности. В настоящий период проявилась в полной мере тенденция, возникшая уже давно: увеличение численного перевеса работ о Республике Корея³¹ над работами о КНДР³². Видимо, влияет на это ряд обстоятельств. С одной стороны, естественная потребность больше знать о стране, с которой лишь в 1990 г. начались наши прямые и активные отношения; интерес в России, ищущей для себя пути глубинных реформ, к соответствующему опыту преобразований в РК; наличие в прошлом и нынешнем развитии РК множества сложных и важных для науки проблем, исследование которых в достатке обеспечено источниками и литературой и т. д. С другой стороны, уже долгое время в КНДР не публикуются статистические данные, отсутствует достоверная информация о внутренней политике правительства и ее результатах, о реальном положении дел в республике. Следует учитывать также происшедшее к началу 1990-х гг. резкое снижение внимания в российском обществе к теории и практике социализма, тем более к его модели в КНДР. Не прошло бесследно и то, что пришедшие к власти в России политические силы заняли поначалу откровенно недружественную позицию в отношении КНДР.

Усилилось внимание ученых к проблемам международных отношений по поводу Кореи, к корейской политике ведущих держав мира. Ранее по этой теме публиковались только отдельные статьи и главы в трудах общего плана, теперь начали выходить книги.³³ Разумеется, более всего привлекают история формирования связей России и СССР с Кореей, современные взаимоотношения России с двумя корейскими государствами.³⁴

Важнейшая для Кореи проблема мирного объединения страны в прошлом многократно освещалась советскими корееведами; делалось это весьма схематично и, главное, односторонне: в самых общих чертах излагалась позиция КНДР, которая оценивалась как единственно правильная; политика же противоположной стороны категорически отвергалась без серьезного рассмотрения ее по существу. Крупных специальных работ по этой теме не было. В 1990-х гг. ситуация иная. Издано уже несколько солидных по объему книг³⁵, в которых выясняются внутренние и внешние причины раскола Кореи, анализируются предложения КНДР и РК по вопросам мирного объединения и их конкретные шаги в этом направлении, показаны соответствующие позиции заинтересованных в корейском урегулировании держав. Авторы книг с разной долей симпатии и доверия относятся к объединительным программам и реальной практике КНДР и РК, но их информация и суждения, вместе взятые, позволяют более глубоко и объективно судить о современном состоянии, тенденциях процесса национального воссоединения Кореи.

Попытка комплексного рассмотрения проблем экономики и политики РК и КНДР на нынешнем этапе, взаимосвязи ситуации в Корее с задачами упрочения безопасности в Северо-Восточной Азии, отношений России с двумя корейскими государствами предпринята в содержательном и интересном сборнике статей «Актуальные проблемы Корейского полуострова» (М., 1996). С этой же целью в Институте Дальнего Востока РАН, других научных центрах проведен ряд конференций, опубликованные материалы которых существенно пополняют аналитическую базу изучения сегодняшней Кореи и возможных перспектив ее развития.³⁶

Наряду с проблемами современности продолжается, хотя и в меньших размерах, исследование истории Кореи.³⁷ Следует особо отметить начавшееся объективное изучение вопросов зарождения и развития коммунистического движения в Корее. Прежде эта тема считалась исключительной прерогативой партийной науки КНДР и в СССР ею не занимались. Первой обратилась к ней Ф. И. Шабшина, опубликовав в 1988 г. «Историю корейского коммунистического движения (1918-1945 гг.)». Работа вышла в закрытом издании, но довольно скоро получила широкую известность. Ее дополнила затем книга Л. А. Усовой «Корейское коммунистическое движение 1918-1945 гг. Американская историография и документы Коминтерна» (М., 1997).

Новая задача, встающая перед российским корееведением, как, вероятно, и перед другими отраслями востоковедения-пересмотр и уточнение существующих научных концепций. В наибольшей степени это относится к новейшей истории Кореи. Проводимая время от времени «переоценка ценностей»- обычное явление для всякой развивающейся науки. У нас она особенно необходима, учитывая изменения, произошедшие в стране за последние десять лет. Можно полагать, что большинство из созданного в прошлом по новейшей истории Кореи выдержит самую придирчивую ревизию. Но, наверное, есть и такое, что ее не выдержит. Как известно, ученым нередко приходилось подчиняться требованиям официальной политики, далеко не всегда соответствовавшим объективной действительности. Многого они просто не знали, лишённые доступа к важнейшей информации.

Преодолевать наслоения прошлого- нелегкая работа, но она у нас уже началась. Первой к ней приступила все та же Ф. И. Шабшина. В последней многоплановой книге «В колониальной Корее (1940-1945). Записки очевидца» (М., 1992) она критически переосмыслила ряд прежних своих взглядов и оценок. Небольшой шаг в этом же направлении, касаясь истории Кореи и корейской политики СССР в первое десятилетие после 1945 г., попытался сделать и

автор данной статьи.³⁸ Однако основная работа на этом участке отечественного корееведения, требующая новых больших знаний, ответственного и бережного отношения к труду предшественников, еще впереди.

Корееведение, как и российская наука, вступает в XXI век в очень трудных условиях, но то, что и в таких условиях оно не только выжило, но и по некоторым направлениям даже продвинулось вперед, вселяет надежду его на лучшее будущее. Залогом его дальнейшего подъема служит прочный фундамент, созданный нынешним и предшествующими поколениями ученых.

1. Слэфарий Н.Г. Описание первая части вселенной именуемой Азии, в ней же состоит Китайское Государство с прочими его города и провинции. Казань, 1910, с.198.
2. Поденная записка пребывания Г.Лоренца Ланга, агента его величества императора российского, при китайском дворе, 1721 года. — «Северный архив», 1822 №18, с.428.
3. Иакинф (Бичурин). Статистическое описание Китайской империи. СПб. 1842. Ч.II
4. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.2. М.-Л. 1950.
5. Дмитриевский П.А. Географичкое описание Кореи. Пер. с кит. Ханькоу, 1889; его же: Записки переводчика, составленные переводчиком при Окружном управлении на острове Цусима Отано Кигоро. — «Записки Императорского Русскоого географического общества», 1884. Т.XII, вып.4.
6. По Корею Путешествия 1885-1896 гг. М. 1958.
7. Издательством восточной литературы осуществлено в 1960 г. сокращенное (в одном томе) переиздание «Описания Кореи».
8. Пак Диншунь. Экономическое положение Кореи. — «Народное хозяйство», 1922 №2; Ким Н. Под гнетом японского империализма. Очерк современной Кореи. Владивосток, 1926; Лукьянова М.И. Корея под пятой японского империализма. «Красный Интернационал профсоюзов», 1929 №8-9; ее же. К характеристике экономического кризиса в Корею (1931-1932 гг.). — «Конъюнктура мирового хозяйства», 1933 №4; Ли Канг. Маньчжурские события и Корея. «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1932 №3, 1933 №5; Раппопорт В. Японская агрессия в Китае и экономика Кореи. — «Тихий Океан», 1938 кн.3.
9. Нам-Ман-Чун. Угнетенная Корея (Корея под игом японского империализма) М, 1925; Асагири. Колониальная политика Японии в Корею. — «Международное рабочее движение», 1929 №32-33; Ким Н. Эволюция японской политики в Корею (1910-1928 гг.). — «Новый Восток», 1929 №25; Мин Чан. Колониальный режим японского империализма в Корею.— «Тихий Океан», 1935 №4.
10. Ли Канг. Корея как плацдарм подготовки войны. — «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1934 №6; Раппопорт В. Корейский плацдарм японского империализма. — «Тихий Океан», 1937 №1; Яровой В. Корея — военный плацдарм японского империализма. , 1939.
11. Рабочий вопрос в Корею. — «Международное рабочее движение», 1929 №32-33. Ли Канг. Положение корейского рабочего класса в условиях японского колониального режима. — «Материалы по национально-колониальным проблемам» 1933 №8-9; Е.Т. Положение неиндустриального пролетариата Кореи в условиях кризиса и войны. — «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1934 №3.
12. Плетнер О. К аграрному кризису в Корею. — «На аграрном фронте» 1926 №1; Ким Н. Обзор аграрных отношений в Корею. — «Аграрные проблемы» 1928 №4; его же. Японский капитал в сельском хозяйстве Кореи. — «Новый Восток», 1930 №29; Ли-Канг. Аграрный кризис в Корею. — «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1933 №2,3; Мин Чан. Итоги хозяйничанья японского империализма в корейской деревне. — «Тихий Океан», 1935 №2; Масленников В. Проблема аренды в Корею. — «Тихий Океан», 1936, №2.
13. Ли-Канг. О национал-реформизме в Корею. — «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1933 №1; его же. Экономический кризис и национальная буржуазия в Корею. — «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1934 №9.

14. Эйбус Х. Рабоче-крестьянское движение в Корее. — «Красный Интернационал профсоюзов», 1927 №1; Рубинштейн Д. Пробуждающаяся Корея (к процессу корейской компартии). М. 1927; Асагири. Борьба революционных элементов в Корее. — «Международное рабочее движение», 1930 №1; Ли-Канг. Рабочее движение в Корее. — «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1933 №7; Цой-Шену В. Война японских империалистов в Китае и революционное движение в Корее. — «Революционный Восток» 1934 №5; его же. Проблема гегемонии пролетариата в корейской революции (к изучению Платформы действия КП Кореи). — «Революционный Восток» 1934 №4
15. Нам-Ман-Чун. Положение крестьянства и его движение в Корее. — «Крестьянский Интернационал», 1925 №8-9; Д.А. Голод в Корее и задачи революционного крестьянского движения. — «Аграрные проблемы», 1932 №5-6; Крестьянское движение в Корее. — «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1933 №5.
16. Далин С.А. Молодежь в революционном движении в Корее. М, 1924; Гензан. Комсомол колониальной Кореи. — «Интернационал молодежи», 1930 №11-12; Ли-Сеул. Вопросы юношеского движения в Корее. — «Революционный Восток», 1932 №3-4; К. Положение и борьба трудящейся молодежи в Корее. — «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1934, №3.
17. Сперанский А.Ф. Национальное движение в Корее. — «новый Восток» 1923 №3; Пак Диншунь. К 7-й годовщине революции в Корее. — «Крестьянский Интернационал», 1926 №3-5; Ким Монтаги и Цой-Шену. Июньские события в 1926 г. в Корее. — «Революционный Восток», 1927 №1; Войтинский Г. К десятилетию мартовских событий в Корее. — «Революционный Восток» 1929 №7; Асагири. Новый подъем национально-освободительного движения в Корее. — «Международное рабочее движение», 1930 №8; Антияпонская борьба корейского народа. — «Мировое хозяйство и мировая политика», 1938 №10.
18. Партизанское движение в Корее. — «Бюллетень Дальневосточного секретариата Коминтерна», 1921 №2; Замятин Н. Корея как плацдарм японской экспансии на азиатском материке. — «Война и революция», 1926 №4; Бедеров А. Партизанская война в Маньчжурии. — «Аграрные проблемы», 1934 №5-6; Антияпонская борьба героических партизан Маньчжурии и Кореи. — «Тихий Океан», 1937 №1; Пльшевский И., Крутлов С. Колониальный тыл японского империализма «Тихий Океан», 1937 №3-4.
19. У-Пи. Вооруженная оккупация и национально-революционное движение в Маньчжурии. — «Тихий Океан», 1934 №1; Ян Сун. Об антиимпериалистическом едином фронте в Маньчжурии. — «Коммунистический Интернационал», 1935 №33-34; Раппопорт В. Партизанское движение в районах Северной Кореи. — «Тихий Океан», 1937 «2.
20. Корейская Народно-Демократическая Республика. М. 1954; Ким В.А. Государственный строй Корейской Народно-Демократической Республики. М. 1955; Ким Г.Ф. Рабочий класс новой Кореи. М. 1960; Очерки социалистического строительства в Корейской Народно-Демократической Республике. М. 1969; Шабшина Ф.И. Социалистическая Корея (о формах проявления в КНДР общих закономерностей строительства социализма). М. 1963; Грязнов Г.В. Социалистическая индустриализация в КНДР. М. 1966; его же. Строительство материально-технической базы социализма в КНДР. М.1979; Тригубенко М.Е. Сельское хозяйство КНДР. Путь социалистического развития. М. 1973; Корейская Народно-Демократическая Республика. М. 1975; Корейская Народно-Демократическая Республика. М. 1985; Нам С.Г. Формирование народной интеллигенции в КНДР. М. 1970; ее же. Образование и наука КНДР в условиях научно-технической революции. М. 1975.
21. Во имя дружбы с народом Кореи. М.1965; Нерушимая дружба. М. 1972; Освобождение Кореи. М. 1976; За мир на земле Кореи. М. 1985.
22. Ким Г.Ф., Шабшина Ф.И. Пролетарский интернационализм и революции в странах Востока. М. 1967; Пролетарский интернационализм и развитие социалистических стран Азии. М. 1983.
23. Мазуров В.М. Создание антинародного режима в Южной Корее (1948-1950 гг.). М. 1963; Мазуров В.М., Синицын Б.В. Южная Корея. Драматическое перепутье. М. 1963; Мазуров В.М. Южная Корея и США. М.1971; Шабшина Ф.И. Южная Корея

- 1945-1946 гг. Записки очевидца. М. 1974; Шипаев В.И. Япония и Южная Корея. М. 1981; Прошин А.А., Тимошин А.А. Неоколониализм США и Южная Корея. М., 1985.
24. Сеницын Б.В. Промышленность и положение рабочего класса Южной Кореи 1945-1959 гг.). М. 1961; его же. Очерки экономики Южной Кореи (1953-1964). М. 1967; Казакевич И.С. Аграрный вопрос в Южной Корее. М. 1964; его же. Аграрные отношения в Южной Корее 1945-1976. М. 1980; Суслина С.С. Экспансия иностранного капитала в промышленности Южной Кореи. М. 1979; ее же. Промышленность Южной Кореи (экономическое развитие и социальные последствия). М. 1988; Бучкин А.А. Социальная эволюция современной Южной Кореи. М.1987; Шипаев В.И. Южная Корея в системе мирового капиталистического хозяйства. М. 1986.
25. Добрынин А. Ф. США и независимость Кореи (1904-1905 гг.) - «Известия АН СССР». Серия истории и философии. 1947 № 4; Нарочницкий А. Л. Соединенные Штаты Америки и Японская агрессия в Корее и Китае в 1894-1895 гг. - «Известия АН СССР». Серия истории и философии. 1950 № 7; Гальперин А. Л. Корейский вопрос в международных отношениях накануне аннексии Кореи Японией (1905-1910 гг.) - «Вопросы истории», 1951 № 2; Ганелин Р.Ш. Из истории агрессии США против Кореи и Китая (1866-1871) - «Вестник Ленинградского университета», 1951 №8; его же. Давний враг корейского народа (из истории американско-корейских отношений 2-й половины XIX-XX в. - «Дальний Восток», 1952 №4.
26. Шабшина Ф. И. Народное восстание 1919 года в Корее. М., 1952, 1958; ее же. Очерки новейшей истории Кореи (1945- 1953 гг.) М., 1958; ее же. Очерки новейшей истории Кореи (1917-1945 гг.). М., 1959; Пигулевская Е. А. Корейский народ в борьбе за независимость и демократию (1876-1952). М., 1952; Мазуров В. М. Азияпонская вооруженная борьба корейского народа (1931- 1940). М., 1958; Казакевич И.С. Аграрные отношения в Корее накануне второй мировой войны. М., 1958; Шипаев В. И. Корейская буржуазия в национально- освободительном движении. М., 1966.
27. Тягай Г. Д. Крестьянское восстание в Корее 1893-1895 гг. М., 1953; ее же. Очерки истории Кореи во второй половине XIX в. М., 1960; ее же. Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма. М., 1971; ее же. Формирование идеологии национально- освободительного движения в Корее. М., 1983; Шипаев В. И. Колониальное закабаление Кореи японским империализмом. М., 1964; Пак Б. Д. Освободительная борьба корейского народа накануне первой мировой войны. М., 1967; Ванин Ю. В. Экономическое развитие Кореи в XVII-XVIII веках. М., 1968; Забровская Л. В. Политика Цинской империи в Корее 1876-1910 гг. М., 1987.
28. Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860-1895. М., 1956; Пак Б. Д. Россия и Корея. М., 1979; Отношения Советского Союза с народной Кореей. 1945-1980. Документы и материалы. М., 1981; СССР и Корея. М., 1988.
29. Пак М. Н. О характере социально- экономических отношений в государстве Силла (III-VI вв.)- «Вопросы истории», 1956 № 7; его же. Очерки ранней истории Кореи. М., 1979; Воробьев М. В. Древняя Корея. Историко- археологический очерк. М., 1961; Ванин Ю. В. Феодальная Корея в XIII-XIV веках. М., 1962; его же. Аграрный строй феодальной Кореи XV-XVI вв. М., 1981; Джарылгасинова Р. Ш. Древние когуресцы (к этнической истории корейцев). М., 1972; ее же. Этногенез и этническая история корейцев («стела Квангэтхо-вана»). М., 1979; Бутин Ю. М. Древний Чосон (историко- археологический очерк). Новосибирск, 1982; его же. Корея: от Чосона к Трех Государствам (II в. до н. э. - IV в.). Новосибирск, 1984; Волков С. В. Ранняя история буддизма в Корее (сангха и государство). М., 1988; его же. Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. М., 1987; Глухарева О. Н. Искусство Кореи древнейших времен до конца XIX века. М., 1982.
30. Рю Хакку. Проблемы ранней истории Кореи в японской историографии. М., 1975; его же. История Кореи в буржуазной историографии. М., 1976; Пак М. Н. Очерки по историографии Кореи. М., 1987.
31. Толорая Г. Д., Дийков С. А., Войтоловский Г. К. Республика Корея. М., 1991; Тригубенко М. Е., Толорая Г. Д. Очерки экономики Республики Корея. М., 1993; Аносова Л. А., Матвеева Г. С. Южная Корея: взгляд из России. М., 1996; Республика Корея. Становление современного общества. М., 1996; Мазуров В. М. От авторитаризма к демократии (практика Южной Кореи и Филиппин). М., 1996; Воронцов А. В. Рес-

- публика Корея: социально-экономическая структура и торгово-экономические отношения с СНГ (2-е издание, исправленное и дополненное). М., 1998; Суслина С. С. Республика Корея на постиндустриальной стадии развития (конец 80-х - начало 90-х годов). М., 1998.
32. Бажанова Н. Е. Внешнеэкономические связи КНДР. В поисках выхода из тупика. М., 1993; Перемены в КНДР. Взгляд из Южной Кореи и России. М., 1994; Ланьков А. Н. Северная Корея: вчера и сегодня. М., 1995.
 33. Воронцов А. В. «Треугольник» США-Япония-Южная Корея. Миф или реальность. М., 1991; Шин В. А. Китай и корейские государства во второй половине XX столетия. М., 1998.
 34. Воронцов А. А., Кам Бен Хи, Россия и Корея (1945-1992). М., 1993; Забровская Л. В. Россия и Республика Корея: от конфронтации к сотрудничеству (1970-1990-е гг.). Владивосток, 1996; ее же. Россия и КНДР: опыт прошлого и перспективы будущего (1990-е годы). Владивосток, 1998; Пак Б. Б. Российская дипломатия и Корея (1860-1888). Кн. Первая. Москва-Иркутск-Санкт-Петербург, 1998.
 35. Торкунов А. В., Уфимцев Е. П. Корейская проблема: новый взгляд. М., 1995; Корея: расчленение, война, объединение. М., 1995; Горелый И. О. Корея. Концепции объединения; Тихомиров В. Д. Корейская проблема и международные факторы (1945- начало 80-х годов). М., 1998.
 36. Мирное сотрудничество в Северо-Восточной Азии и проблемы объединения на Корейском полуострове. М., 1995; Россия и Корея в меняющемся мире. М., 1997; Политические, экономические и культурные аспекты объединения Кореи. Ч. I II. М., 1997; Россия и Корея. Модернизация, реформы, международные отношения. М., 1997; Проблемы корейского полуострова и интересы России. М., 1998;
 37. Ланьков А. Н. Политическая борьба в Корее XVI- XVIII вв. Санкт-Петербург, 1995; Тягай Г. Д., Пак В. П. Национальная идея и просветительство в Корее в начале XX века. М., 1996; Тихонов В. М. История протокайских государств (2-я половина VI в.). М., 1998; Пак Б. Д., Пак Тхэ Гын. Первоапрельское движение 1919 года в Корее глазами российского дипломата. Москва-Иркутск, 1998; Полное собрание Деклараций независимости Кореи. М., 1999.
 38. Ванин Ю. В. Некоторые аспекты корректировки исследований по новой истории Кореи (1945-1955). - «Проблемы Дальнего Востока», 1996 №5.

**Форум "Азиатско-тихоокеанское
экономическое сотрудничество"
Торгово-экономические группировки
в регионе АТЭС**

© 1999

С. Гончаренко

Во второй половине 90-х гг. заметно активизировалась деятельность форума АТЭС, объединяющего 21 участника - практически все государства и территории, имеющие выход к восточному и западному побережьям Тихого океана. В 1997 г. совокупный ВВП, произведенный участниками АТЭС, составил 16,8 трлн.долл., или почти 55 процентов мирового ВВП, а объем их торговли достиг 5,2 трлн.долл., или почти 54 процента мировой торговли¹.

С ноября 1998 г., когда в столице Малайзии Куала-Лумпуре состоялся очередной саммит АТЭС, полноправным его участником стала и Россия, и поэтому те процессы, которые имеют место в рамках АТЭС, отныне приобретают для нее особое значение. К их числу относятся и договоренности о торгово-экономическом сотрудничестве, заключенные между странами и территориями в регионе АТЭС.

Региональные группировки, создававшиеся главным образом для того, чтобы экономическое взаимодействие между ними было более эффективным, начали формироваться в рамках АТР еще в начале 80-х гг. Эти неполитические союзы, отвечавшие экономическим интересам их участников (обычно это были соседние государства), представляли собой замкнутые торговые группировки (зоны) или территории, находившиеся в сфере экономических интересов нескольких государств и территорий и предоставлявшие их участникам определенные экономические преимущества во взаимной торговле.

Участники этих группировок в той или иной форме декларировали, что их деятельность не носит дискриминационного характера по отношению к другим участникам международных экономических отношений. В процессе формирования таких группировок, как правило, учитывались положения ГАТТ / ВТО, допускавшие создание зоны свободной торговли как группировки, целью которой является содействие внутрорегиональной торговле и торговле со странами, находящимися вне региона; также рекомендовалось устра-

нять пошлины и другие ограничительные предписания в отношении товаров, производимых на этих территориях.

Позитивные оценки деятельности зон свободной торговли высказывались в документах ВТО (один из важных документов такого рода был принят в ходе министерской встречи стран-участниц ВТО в Сингапуре в декабре 1996 г.), и это обстоятельство тоже сыграло свою роль в формировании в странах АТР подхода к этим зонам. В рекомендациях ВТО подчеркивалось, что следует составлять четкий план действий по формированию зоны свободной торговли и график его выполнения (как правило, в течение десяти лет); высказывалась рекомендация и о том, что участникам соглашения, которые получают привилегии от уменьшения пошлин в результате создания зоны свободной торговли, не следует нести обязательств по возмещению убытков другим участникам, и др.

Во второй половине 90-х гг. в регионе АТЭС действовало несколько межгосударственных договоренностей (союзов), которые можно отнести к региональным торговым группировкам. Наиболее масштабными из них являются Соглашение о создании Северо-Американской зоны свободной торговли (НАФТА), Соглашение о создании зоны свободной торговли АСЕАН (АФТА), двусторонние и многосторонние соглашения по торговым вопросам между отдельными участниками АТЭС (Соглашение между Австралией и Новой Зеландией о более тесных экономических отношениях, создание "зон роста" Южной Китай-Гонконг и Китай-Тайвань и "треугольника развития" Индонезия-Малайзия-Сингапур, Соглашение о свободной торговле между Чили и Мексикой, Соглашение о свободной торговле между Канадой и Чили). Все они действуют в рамках географического пространства АТЭС и не имеют формальных, то есть договорно-правовых связей с АТЭС (форум АТЭС не уполномочен заключать такого рода договоренности). В то же время участвующие в этих договоренностях страны и территории являются одновременно и участниками АТЭС, и это обстоятельство накладывает определенный отпечаток на деятельность форума.

В числе преимуществ, которые региональные группировки, как правило, приносят своим участникам, - возможность концентрации производства, увеличения за счет этого конкурентоспособности своих товаров на внутреннем и внешнем рынках; повышение эффективности экономики за счет возрастающей конкуренции на конкретных товарных рынках; ускоренное вложение капиталов и передача технологий, содействующих модернизации экономики; увеличение занятости и потребления и др. Все эти факторы в той или иной степени присущи рассматриваемым нами региональным группировкам.

Принимая к сведению и выполняя положения ГАТТ / ВТО, определяющие основные параметры деятельности субрегиональных торговых группировок, США и некоторые другие участники АТЭС нередко высказывают соображения о том, что субрегиональные торговые группировки и прежде всего те, в работе которых они сами заинтересованы, могли бы внести больший вклад в либерализацию торговли. Так, в американских академических кругах прорабатывается предложение о том, чтобы распространить сферу деятельности субрегиональных торговых группировок на все сектора экономики; рекомендуется установить транспарентные правила происхождения товаров, либерализовать правила доступа на рынки и ужесточить антидемпинговые меры в отношении третьих стран². В той или иной степени такие подходы находят отражение и в некоторых мероприятиях, осуществляемых в рамках АТЭС.

Соглашение о создании Северо-Американской зоны свободной торговли (НАФТА).

Соглашение о создании Северо-Американской зоны свободной торговли (North America Free Trade Agreement, НАФТА) между США, Канадой и Мексикой вступило в силу 1 января 1994 г. Первым этапом НАФТА было соглашение о свободной торговле между США и Канадой, заключенное в 1988 г.; Мексика подключилась к нему позднее (в 1993 г.), после трехсторонних переговоров. Вступая в НАФТА, эти страны руководствовались разными соображениями.

Для США как главного и наиболее значительного участника этого соглашения создание НАФТА было реакцией на широко обсуждавшиеся в середине 80-х гг. планы создания единого европейского рынка, предоставлявшего компаниям Западной Европы преимущества при реализации своей продукции в европейских странах (компании США надеялись получить аналогичные преимущества в отношении американских товаров на рынке участников НАФТА). *Для Канады* создание НАФТА означало переориентацию ее экономической политики и стратегии. Долгое время Канада рассматривала тарифные барьеры в отношении товаров, произведенных в США, как важный источник доходов бюджета (то есть фактически как средство содействия собственному экономическому росту), и довольно осторожно относилась к прямым иностранным инвестициям. Отношение переменялось, когда в результате отмены тарифных барьеров в Канаду хлынул поток иностранных, главным образом американских инвестиций, и предприятия стали выпускать продукцию не только для местного рынка, но и на экспорт (прежде всего в США), увеличивая доходы бюджета. *Для Мексики* вступление в НАФТА в значительной мере объяснялось намерением ориентировать экономику на выпуск экспортной продукции (по типу того, как это было сделано в странах Юго-Восточной Азии). В известной степени это означало изменение приоритетов в экономической политике Мексики и в конечном итоге способствовало закреплению мексиканских товаров на американском рынке, хотя на первых порах и достаточно болезненно воспринималось в самой Мексике³.

В Соглашении о создании НАФТА декларировалось, что главная цель этого объединения состоит в том, чтобы устранить в этом регионе препятствия развитию торговли, поддерживать дух здоровой конкуренции, расширять возможности для привлечения инвестиций, обеспечивать необходимую защиту в регионе интеллектуальной собственности, создавать благоприятные правовые и другие гарантии для выполнения соглашений и решения споров, создать структуру для диверсифицированного регионального сотрудничества между тремя странами⁴.

Соглашение о создании НАФТА стало одним из наиболее всеобъемлющих региональных торговых соглашений в регионе АТЭС. Сфера его действия, будучи гораздо шире по охвату, чем другие торговые соглашения, не ограничивается договоренностями о предоставлении доступа к рынкам товаров, услуг и инвестиций. К сфере действия Соглашения отнесены положения, определяющие правила происхождения товаров (с тем, чтобы предоставлять таким товарам тарифные преференции), и положения, устанавливающие особые правила торговли текстилем, продукцией сельского хозяйства и некоторыми другими товарами, регулирующие применение санитарных правил и норм. Имеются договоренности об унификации стандартов, введении антидемпинговых мер и компенсационных пошлин, режима инвестиций и гармонизации таможенных процедур, защиты прав интеллектуальной собственностью.

сти, о политике в вопросах конкурентной борьбы, охраны окружающей среды, вопросов законодательства о труде и перемещения деловых людей и др.

В рамках НАФТА определены две основные группы товаров. В первую группу вошли товары, импорт которых не подпадал под нетарифные ограничения (в список включены почти 25 тысяч позиций товарной номенклатуры). В отношении этих товаров были установлены 4 этапа отмены таможенных пошлин: к 1 января 1994 г., к 1 января 1999 г., к 1 января 2003 г. и к 1 января 2009 г. При определении темпов либерализации учитывались различия в уровне экономического развития США и Канады, с одной стороны, и Мексики – с другой. Во вторую группу вошли товары, импорт которых традиционно подпадал под нетарифные ограничения (закупки товаров по государственной (правительственной) линии и др.).

В данном Соглашении придается большое значение действиям правительств участвующих в нем государств по охране окружающей среды и устанавливается приоритетность таких действий по отношению к выполнению торговых обязательств, взятых на себя этими правительствами (за исключением принятия дискриминационных запретительных мер в торговле); допускается, что обязательства по отдельным международным соглашениям в вопросах охраны окружающей среды могут превалировать над другими обязательствами по данному Соглашению. С учетом особой важности вопросов охраны окружающей среды участники НАФТА решили создать специальную организацию с целью регулирования этих вопросов, - Северо-Американскую комиссию по вопросам охраны окружающей среды. Заключенное участниками НАФТА соглашение Северо-Американских стран по вопросам сотрудничества в области охраны окружающей среды наметило широкую программу взаимодействия в этом вопросе с учетом действующего в этих странах законодательства и политических интересов каждой из них⁵.

По мнению экспертов, значительный урон окружающей среде наносится в местностях, находящихся в районе американо-мексиканской границы. За последние 25 лет в этих районах (со стороны Мексики) имел место рост числа промышленных предприятий, в результате которого уже произошло загрязнение прибрежных вод Калифорнийского залива и прилегающей части Тихого океана. Установлено также, что только в 1989 г. около 6,9 млн. тонн токсичных химических веществ - побочных продуктов производственной деятельности промышленных предприятий г.Сан-Диего (Калифорния, США) - попали в воздух, водную среду и в почву. Вот почему все шире высказываются предложения создать в районе этой границы "зону защиты здоровья и экосистем"⁶.

Участники НАФТА признают существование различий в условиях торговли друг с другом. В то же время в рамках НАФТА заключено несколько двусторонних соглашений по отдельным видам товаров (автомобили, одежда и текстиль, телекоммуникации и продукция сельского хозяйства); участники НАФТА могут устанавливать собственный "график движения" в вопросах ликвидации тарифов и мер нетарифного регулирования. Это обстоятельство уже привело к сокращению среднего уровня тарифов в рамках НАФТА с 6,4 процента в 1988 г. до 4,9 процента в 1996 г⁷.

У стран-участниц НАФТА наблюдается самый высокий в регионе АТЭС уровень зависимости от внутрорегиональной торговли. Более 30 процентов экспорта стран-участниц НАФТА распределяется между самими этими странами, а более 30 процентов импорта в страны НАФТА поступает от других стран-партнеров НАФТА.

Более 70 процентов экспорта стран-участниц НАФТА направляется в страны АТЭС (учитывается их реэкспорт и в сами страны НАФТА), а 70 процентов своего импорта страны НАФТА также получают из региона АТЭС. Тенденцией последних лет стал рост доли торговли Гонконга и Тайваня в общем объеме внешней торговли стран НАФТА и некоторое снижение (по сравнению с периодом конца 70-х годов) доли торговли с Китаем.

В первые же годы существования НАФТА произошло довольно заметное увеличение общего объема внешней торговли входящих в нее государств. В 1994 г. экспорт стран НАФТА составил 787 млрд. долл., а в 1995 г. – 916,6 млрд. долл.; импорт, соответственно, – 929 млрд. долл. и 1027 млрд. долл. Пока не произошло значительных изменений в географической направленности торговли, хотя некоторое перераспределение торговых потоков уже наметилось. Так, в экспорте стран НАФТА немного увеличилась доля стран АСЕАН, Гонконга и Тайваня, Австралии и Новой Зеландии, а доля самих стран НАФТА и стран ЕС несколько уменьшилась. В импорте стран НАФТА возросла доля самих стран НАФТА и стран АСЕАН и уменьшилась доля Гонконга, Тайваня, Австралии и Новой Зеландии и стран ЕС.

Пока, видимо, все-таки преждевременно говорить о том, какое влияние оказало создание НАФТА на отдельных участников этого соглашения. В то же время к концу 90-х гг. стало ясно, что деятельность НАФТА достаточно масштабна и затрагивает многие сферы прежде всего американской экономики. В этой связи в США стали высказываться сомнения в целесообразности распространения этого опыта на все отрасли американской промышленности и в особенности на такие, продукция которых оказалась затронутой договоренностями по НАФТА. Довольно широкий резонанс получило, например, имевшее место в июне 1998 г. обращение в окружной суд США профсоюза рабочих сталелитейной промышленности США с требованием признать НАФТА не соответствующим конституции США. Причиной обращения стало снижение цен на эту продукцию вследствие расширившегося импорта аналогичной, но более дешевой продукции из Мексики. Свою позицию профсоюз аргументировал тем, что НАФТА якобы представляет собой не торговое соглашение, а договор, и что в таком случае необходимо его утверждение сенатом США (подразумевалось, что под влиянием мощного сталелитейного лобби сенат отклонит этот документ как договор, и участие США в НАФТА будет прекращено). Ш.Баршевски, торговый представитель (министр) США, сразу заявила, что данная аргументация неубедительна и что американский суд не примет ее⁸.

Хотя всеобъемлющая оценка НАФТА пока вряд ли правомерна (да мы и не ставили перед собой такой задачи), однако уже сейчас очевидно, что главным результатом действия этого соглашения является рост доли региональной торговли во внешней торговле всех участников НАФТА. Значительно возросла торговля США с другими участниками НАФТА и прежде всего с Мексикой: рост экспорта из США в Мексику составляет около 17 млрд. долл. в год, а импорта – около 8 млрд. долл.; в США и в Мексике создаются дополнительные рабочие места и др. С другой стороны, следует учитывать, что после образования НАФТА произошла и девальвация мексиканской денежной единицы (песо), в Мексике сократилась безработица, повысилась производительность труда предприятий, работающих на экспорт, и др. Поэтому, видимо, при оценке НАФТА следует учитывать не только показатели взаимной торговли, но и факторы социально-экономического характера и некоторые другие обстоятельства.

Соглашение о создании зоны свободной торговли АСЕАН.

Соглашение о создании зоны свободной торговли АСЕАН (ASEAN Free Trade Arrangement, AFTA) было заключено в 1992 г. и с 1993 г. вступило в силу. Его участниками стали страны-участницы Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) – одной из ведущих организаций стран ЮВА, которая была образована в 1967 г. в составе Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда, Филиппин (в 1984 г. участником АСЕАН стал Бруней, а в 1996 году – Вьетнам, Лаос и Мьянма). Вьетнам, Лаос и Мьянма пока не присоединились к АФТА.

Создавая АСЕАН, лидеры стран Юго-Восточной Азии надеялись с ее помощью регулировать вопросы региональной безопасности и политических взаимоотношений, содействовать экономическому, социальному и культурному развитию этих стран, обеспечению политической, социальной и экономической стабильности региона. Это было особенно важно в условиях сходной хозяйственной ориентации экономик этих стран, слабой экономической кооперации и взаимодействия между ними. Сходная структура экспорта (производство бытовой электроники, некоторых видов продовольственных товаров и сырья) вело к конкуренции этих стран на внешних рынках, и в этих условиях создание в рамках Ассоциации зоны свободной торговли предполагало налаживание экономического сотрудничества в регионе.

Первоначальные усилия по созданию АФТА относятся к 1977 г., когда в странах АСЕАН были заключены первые соглашения о торговых преференциях и было намечено в пятилетний срок (до 1982 г.) отменить нетарифные меры, препятствующие развитию взаимной торговли. Однако достигнутые договоренности затронули небольшое количество тарифных позиций и потому имели ограниченные возможности воздействия на либерализацию региональной торговли, в особенности в 80-90-е гг., когда динамичное экономическое развитие стран АСЕАН содействовало росту торговли между странами АСЕАН и поставило вопрос о расширении доступа на эти рынки.

В 1992 г. страны АСЕАН договорились о создании в течение 15 лет (к 2008 г.) зоны свободной торговли АСЕАН, в рамках которой могли бы действовать низкие импортные таможенные тарифы. В качестве механизма формирования предполагалось использовать Общий эффективный преференциальный тариф (Common Effective Preferential Tariff; соответствующее соглашение было подписано в Сингапуре в 1992 г.), включавший гораздо больше тарифных позиций, чем предыдущие договоренности между странами АСЕАН.

Соглашение об АФТА не носило всеобъемлющего характера, поскольку меры либерализации не затронули таких важных сфер, как необработанная продукция сельского хозяйства, ликвидация нетарифных барьеров и др.; соглашением не гарантировалось прекращение действия новых запретительных мер, страны-участницы АФТА могли сами определять размер ежегодного сокращения тарифов и др.

Создавая АФТА, страны АСЕАН рассчитывали, что формирование такой зоны свободной торговли обеспечит доступ к региональному рынку всех участников и привлечет в регион прямые иностранные инвестиции, поднимет авторитет АСЕАН в ходе переговорного процесса в регионе и в мире, расширит внутриазиатское экономическое сотрудничество, позволит уменьшить или отменить торговые и нетарифные барьеры. Главным средством достижения поставленных целей должно было стать сокращение существующих тарифов до 5 процентов и ликвидация нетарифных барьеров.

В известной мере создание АФТА было ускорено проведением в 1993 г. переговоров по Уругвайскому раунду ГАТТ и последовавшим в 1994 г. заявлением участников АТЭС о готовности либерализовать торговлю и инвестиции в регионе АТЭС к 2010-2020 гг. В 1994 году страны АСЕАН приняли решение ввести АФТА не через 15 лет, как это первоначально предполагалось, а через 10 лет, к 1 января 2003 г. (эта договоренность была зафиксирована в подписанном в 1995 г. протоколе к соглашению 1992 г.). В сферу действия АФТА были включены услуги, вопросы интеллектуальной собственности и инвестиций.

Страны АСЕАН взяли на себя обязательство ускорить процесс создания АФТА, подготовить план ликвидации нетарифных барьеров, начиная с 1 января 1996 г., сделать транспарентными (прозрачными) решения о стандартах и соответствии, гармонизировать тарифную номенклатуру, укрепить экономическое взаимодействие АФТА с региональными группировками (ЕС, НАФТА и др.), работать над созданием в рамках АСЕАН "инвестиционного региона", сотрудничать по торговым вопросам в международных организациях (ВТО, АТЭС и др.). Все это свидетельствовало о достаточно быстрой реакции стран АСЕАН на изменения, происходящие в мировой торговле, их готовности провести либерализацию торговли и усилить внутрирегиональные связи.

Исходя из планов тарифного регулирования каждой из стран АСЕАН, эксперты этих стран (как правило, сотрудники министерств торговли и развития или сходных ведомств) предполагают, что к 2000 г. тарифы на 88 процентов товаров будут взиматься в пределах от 0 до 5 процентов. В ходе проводимых консультаций высказываются рекомендации ускорить работу по снижению тарифов на остальные товары к 2000 г., в особенности на продукцию тех секторов, которые в этих странах относят к ключевым секторам экономики (производство электрооборудования, металлоизделий, изделий из пластмасс) и которые составляют 60 процентов внутрирегионального импорта.

Определенные усилия в рамках АФТА предпринимаются в плане улучшения условий торговли, результатом чего являются соглашения по таможенным вопросам (разработка единых таможенных деклараций, снижение таможенных сборов и др.).

Один из важных документов, принятых участниками АФТА, - Механизм урегулирования общих споров (General Dispute Settlement Mechanism), в основу которого в значительной степени положена практика, действующая в рамках ВТО, - в частности, Договоренность участников ВТО о разрешении конфликтов (WTO Dispute Settlement Understanding). Участники АФТА предполагают применять Механизм урегулирования общих споров при разрешении всех спорных вопросов экономического характера, возникающих в рамках АСЕАН.

Хотя либерализация в АФТА продвигается медленнее, чем ожидалось, процесс интеграции в регионе идет довольно активно. Растет уровень внутрирегиональной торговли, часть которой направляется через Сингапур и Малайзию.

Темпы роста торговли между участниками АСЕАН и другими регионами обгоняют темпы роста мировой торговли (в 1988-95 гг. темпы роста внешней торговли стран АСЕАН в 1,6 раза превышали темпы роста мировой торговли). В 1980-92 гг. в регионе АСЕАН резко возросло влияние "новых индустриальных стран" (в особенности Тайваня), что активизировало поток прямых иностранных инвестиций в регион.

Поскольку АФТА существует только с 1993 г., пока, видимо, преждевременно говорить и о том, что перемещение торговли и инвестиций в регионе

уже обнаруживает какую-либо устойчивую тенденцию, хотя определенные закономерности в налаживании этой региональной группировкой торгово-экономического сотрудничества с внешним миром и начали просматриваться.

В торговле стран АФТА с внешним миром наметился устойчивый дефицит (импорт превышает экспорт). Так, в 1993 г. экспорт стран АФТА составил 213,1 млрд. долл., а импорт - 215,7 млрд. долл.; в 1994 г., соответственно, 256 млрд. долл. и 266,6 млрд. долл.; в 1995 г. - 314,2 млрд. долл. и 339,9 млрд. долл. Основными потребителями экспортной продукции стран АФТА являются сами эти страны (в 1995 г. туда поступало 22,4 процента этой продукции) и страны НАФТА (20,4 процента). Дефицит сохраняется главным образом вследствие увеличивающегося импорта товаров странами АФТА. Основная часть внутриасеановской торговли приходится на Сингапур (до 50 процентов), Малайзию (до 25 процентов), а также на Таиланд.

В области привлечения иностранных инвестиций в страны АСЕАН наметилось снижение доли европейских стран - с 26,1 процента в 1980 г. до 12,2 процента в 1992 г. (от общего объема инвестиций, поступающих в регион). Увеличились инвестиции из "новых индустриальных стран" (особенно из Тайваня) и Японии; к середине 90-х годов они составляли почти половину прямых иностранных инвестиций в страны АФТА. Как представляется, одной из причин такого положения может быть рост спроса на предметы роскоши, несмотря на осложнившееся финансовое положение в регионе.

В известной степени характеристику АФТА дополняет и то обстоятельство, что 7 из 9 участников АСЕАН (все, кроме Лаоса и Мьянмы) входят в АТЭС; 6 участников АСЕАН (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд и Филиппины, инициировавшие создание АСЕАН в 1967 г., и примкнувший к ним в 1984 г. Бруней) вместе с Австралией, Японией, США и другими странами стояли у истоков создания АТЭС в 1989 г. Несмотря на сохраняющиеся разногласия внутри АСЕАН, по многим внешнеполитическим вопросам Ассоциация выступает, как правило, с согласованных позиций. Известны многочисленные высказывания видных азиатских политиков - лидеров Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда, которые в целом в позитивном тоне, хотя и критически, оценивают деятельность АТЭС. К таким мнениям, как правило, прислушиваются в странах Юго-Восточной Азии.

Эти и некоторые другие факторы способствовали тому, что изначально, в канун создания АТЭС и в первые годы существования форума, складывался корпоративный асеановский подход к АТЭС. Наглядным примером такого подхода стали оценки, прозвучавшие в ходе Регионального форума АСЕАН в июле 1998 года в Маниле.

В частности, в коммюнике о встрече министров иностранных дел стран АСЕАН в Маниле было заявлено о поддержке продолжающихся усилий по либерализации торговли и инвестиций АТЭС, высказана надежда на то, что АТЭС сможет уже к концу 1998 года достичь конкретных договоренностей по "ранней добровольной секторальной либерализации"⁹; были поддержаны усилия по дальнейшему развитию процесса АТЭС, а также инициатива создания подкомитета старших должностных лиц АТЭС по экономическому и техническому сотрудничеству. Положительную оценку министров иностранных дел стран АСЕАН получило решение участников саммита АТЭС в Ванкувере в ноябре 1997 г. принять Вьетнам, Перу и Россию в состав АТЭС. Министры АСЕАН согласились расширить сферу консультаций в рамках АСЕАН за счет обсуждения таких вопросов, как развитие малых и средних предприятий, меры доверия, развитие людских ресурсов, экономическое и техниче-

ское сотрудничество¹⁰ – то есть по кругу вопросов, составляющих важный элемент деятельности АТЭС.

Двусторонние и многосторонние соглашения по торговым вопросам между отдельными участниками АТЭС.

На протяжении двух последних десятилетий экономическая интеграция в АТР (в особенности это касается азиатской части региона) и в некоторых других районах мира осуществляется через т.н. “треугольники роста”. Под этим термином подразумевается район, находящийся на стыке границ двух или нескольких государств, в рамках которого имеются или могут быть созданы благоприятные условия для производства определенного количества товаров и услуг, которые могут найти или уже находят спрос на региональном рынке. Ряд “треугольников роста” создан по инициативе заинтересованных правительств, некоторые – частным бизнесом. Успех их деятельности предопределяется экономической взаимодополняемостью, географической близостью, сходными политическими интересами и общей заинтересованностью в развитии инфраструктуры. Важной особенностью “треугольников роста” является, как правило, вертикальная экономическая интеграция.

К 1999 г. в регионе АТЭС сформировалось три наиболее известных “треугольника роста”, в рамках которых осуществляется взаимодействие экономических интересов двух и более стран и территорий региона (в оригинальном варианте названия не всегда употребляется словосочетание “треугольник роста”, что, впрочем, не сказывается на содержании данного понятия).

а) Соглашение между Австралией и Новой Зеландией о более тесных экономических отношениях.

Соглашение между Австралией и Новой Зеландией о более тесных экономических отношениях (Australia-New Zealand Closer Economic Relations Agreement) действует с 1 января 1983 г. взамен соглашения о создании зоны свободной торговли между этими же странами, которое было заключено в 1965 г. и касалось только продукции деревообработки и ограниченного перечня товаров промышленного производства.

Целью соглашения 1983 г. является укрепление двустороннего сотрудничества, развитие свободной торговли, ликвидация препятствий в торговле по согласованному графику и развитие торговли на условиях здоровой конкуренции.

В соответствии с этим соглашением первоначально предполагалось полностью отменить тарифы к 1 января 1988 г., а импортные квоты – к 30 июня 1995 г. В 1988 г. был подписан двусторонний протокол об ускорении свободной торговли товарами, в соответствии с которым с 1 июля 1990 г. отменялись все тарифы, импортное лицензирование и количественные ограничения практически по всем видам товаров, а конкуренция заменяла антидемпинговые меры. Этот протокол также предоставлял компаниям двух стран национальный режим в торговле услугами (кроме услуг в авиа и морских перевозках, телекоммуникациях и в финансовой сфере, где взаимоотношения сторон регулировались дополнительно).

Данное соглашение является наглядным примером торговой либерализации. Положительная оценка этого документа дается в официальных материалах ВТО, где говорится, что “достойным примером является всеобъемлющее сокращение тарифного регулирования и нетарифных мер, осуществлен-

ных Австралией и Новой Зеландией после того, как соглашение между Австралией и Новой Зеландией о более тесных экономических отношениях вступило в силу"¹¹.

В 80-90-е гг. географическое распределение внешней торговли региона Австралии и Новой Зеландии имело следующий характер. Основная часть *экспорта* двух стран (около трети) приходилась на страны региона АТЭС, около 10 процентов (максимально – 14,1 процента в 1987 г.) – на страны НАФТА, с 7,8 до 14,7 процента за этот же период увеличилась доля в экспорте стран АФТА и с 6,7 до 11,7 процента – доля Гонконга и Тайваня. Менее значительной была доля в экспорте стран ЕС и нерегиональных (для АТЭС) стран мира: она снизилась с 1980 по 1995 г., соответственно, с 16,4 до 11,7 процента и с 23,6 до 11,9 процента. Основная часть *импорта* этих стран (около четверти) поступала из стран ЕС, приблизительно по одной пятой объема импорта приходилось на долю НАФТА и стран региона АТЭС, менее 10 процентов – на страны АФТА, и от 5,7 процента в 1980 г. до 9,8 процента в 1995 г. – на Гонконг и Тайвань. С 14,9 процента в 1980 г. до 7,4 процента в 1995 г. снизилась доля в импорте нерегиональных (для АТЭС) стран мира.

б) "Зоны роста" Южный Китай-Гонконг и Китай-Тайвань

Особенностью "зон роста" Южный Китай-Гонконг и Китай-Тайвань (Southern China-Hong Kong, China – Chinese Taipei Growth Areas) является устойчивое экономическое развитие всех их участников на протяжении довольно длительного времени. На это повлияли два фактора. Во-первых, районы Южного Китая сумели эффективно использовать проводимую Китаем "политику открытых дверей"; во-вторых, рост стоимости рабочей силы и стоимости земельных участков в Гонконге и на Тайване сделали выгодным для частного капитала размещение в Китае своих предприятий.

Другой особенностью данных "зон роста" является неформальный характер их возникновения (переговоры между участниками по вопросу создания таких зон не проводились), хотя со стороны государственных органов и был предпринят ряд шагов, обозначивших параметры экономической интеграции именно в данном месте. В частности, в Китае после начала экономических реформ и перехода к "политике открытых дверей" (1978 г.) южные провинции Гуандун и Фуцзянь получили разрешение создавать на своей территории специальные экономические зоны, что, по сути, означало возможность проведения ими самостоятельной экономической политики и привлечения инвестиций. В Гонконге британская администрация проводила достаточно либеральную экономическую политику, фактически не запрещая гонконгским предпринимателям размещать свои производственные мощности в Китае. На Тайване контроль государством торговли и инвестиций был существенно либерализован в 1987 г.

Получилось так, что в условиях географической близости, языковой и культурной общности и делового интереса к взаимному сотрудничеству произошло известное взаимодополнение этих трех регионов. Немаловажным было и то, что провинции Гуандун и Фуцзянь имеют избыток рабочей силы и располагают богатыми природными ресурсами, а Гонконг и Тайвань имеют развитую промышленность, сформировавшиеся финансовые рынки, высокотехнологичные предприятия, квалифицированных менеджеров среднего и высшего звена и значительный капитал. Именно это обстоятельство главным образом и способствовало переносу многих промышленных мощностей из Гонконга и Тайваня на территорию Китая. Этот процесс сопровождался также поступлением в Китай прямых иностранных инвестиций и современных тех-

нологий. По некоторым подсчетам, к концу 1996 г. почти 2/3 общего объема иностранных инвестиций поступили в Китай именно из Гонконга и Тайваня; а содействие компаний из Гонконга и Тайваня сыграло решающую роль в обеспечении перехода китайской экономики от плановой к рыночной системе хозяйства.

Торговля Китая с Тайванем (через третьи страны) увеличилась с почти 50 млн. долл. в 1978 г. до 11,5 млрд. долл. в 1995 г. Торговый баланс складывается в пользу Тайваня, поскольку тайваньское законодательство разрешает импортировать из КНР только сырьевые материалы; доля товаров КНР составляет всего 12,5 процента в общем объеме импорта Тайваня. Определенные возможности для развития торговли открываются после проведения осенью 1998 года прямых двусторонних переговоров между представителями КНР и Тайваня.

Гонконгу принадлежит первое место по объему прямых иностранных инвестиций в Китае (около 130 млрд. долл.). В 1997 г. инвестиции из Гонконга составили почти половину всех инвестиций, поступивших в Китай (около 23 млрд. долл.); общий объем инвестиций, поступивших в этом году в Китай составил 45,3 млрд. долл.¹². Инвестиции из Гонконга оседают, главным образом, в провинции Гуандун, где в компаниях, принадлежащих гонконгскому капиталу, занято около 5 млн. чел.

Следующими (после Гонконга) значительными инвесторами в Китае являются Япония, Тайвань и США, на долю которых приходится примерно по 9 процентов всех прямых иностранных инвестиций в экономику КНР. Только в провинции Гуандун тайваньские инвестиции составляют около 1,5 млрд. долл. Эффективность инвестирования могла бы, видимо, быть и большей, если бы процесс инвестирования был более сбалансированным.

КНР, со своей, стороны, является одним из главных (вслед за Великобританией) инвесторов в Гонконге. К концу 1995 г. прямые иностранные инвестиции КНР в Гонконге составляли 14 млрд. долл. (инвестиции США и Японии равнялись, соответственно, 11 млрд. долл. и 9 млрд. долл.). На Тайване запрещено размещение прямых инвестиций из КНР.

Важным элементом взаимодействия КНР, Гонконга и Тайваня в рамках данного "треугольника роста" является интенсивный рост внешней торговли всех трех его участников. В 1978-96 гг. ежегодный рост внешней торговли Китая составлял 15,8 процента; Тайваня 13,1 процента; Гонконга 19,6 процента, что гораздо выше среднемирового прироста торговли (около 7 процентов ежегодно).

в) "Треугольник развития" Индонезия-Малайзия-Сингапур.

Предложение о создании "треугольника развития Индонезия - Малайзия - Сингапур

(Indonesia-Malaysia-Singapore Growth Triangle) выдвинул в декабре 1989 г. тогдашний заместитель премьер-министра Сингапура Го Чок Тонг (сейчас он является премьер-министром этой страны). По его мнению, эта новая организация субрегионального экономического сотрудничества должна использовать имеющиеся в данном регионе экономические преимущества.

Еще на начальном этапе становления этого "треугольника развития" наибольшую заинтересованность в его создании проявлял Сингапур. Сильной стороной Сингапура было наличие развитой инфраструктуры, развитого финансового рынка, удобное географическое положение и наличие многочисленных морских и воздушных коммуникаций. Сингапур обеспечивает удобный

для инвесторов доступ к мировым рынкам и является важным деловым центром региона. В то же время быстрая индустриализация Сингапура привела к значительному увеличению стоимости земли и воды и, соответственно, повышению цены производства товаров.

У других участников этого "треугольника" (малайзийский штат Джохор и индонезийский остров Риау) сравнительно низкая стоимость земли; избыток рабочей силы. Значительная часть товаров, произведенных в Джохоре и на Риау, реализуется в Сингапуре.

В рамках этого "треугольника развития" прослеживается два главных типа взаимоотношений - между Сингапуром и Джохором (в их основе лежит взаимодействие рыночных интересов) и отношения между Сингапуром и Риау которые выстраиваются главным образом по межгосударственной линии.

В августе 1990 г. между Сингапуром и Индонезией было подписано соглашение об экономическом развитии Риау, а в июне 1991 г. - соглашение о совместном использовании водных ресурсов Риау. Экономическое взаимодействие между Джохором и Риау практически отсутствовало до 1993 г., до тех пор, пока малайзийские инвесторы - владельцы плантационных хозяйств не начали направлять инвестиции в этот район Индонезии. В декабре 1994 г. Индонезия, Малайзия и Сингапур подписали трехстороннее соглашение о создании этого "треугольника развития", которое ставило целью содействие развитию и интеграции в вопросах торговли и транспорта, туризма, морских перевозок и коммуникаций, сельского хозяйства, лесоводства, развития промышленной инфраструктуры и т.д.

Предполагалось, что в рамках этого "треугольника" будут использоваться благоприятные возможности, имеющиеся в каждой из этих стран (прежде всего для привлечения иностранных инвестиций из этих стран и капитала из-за рубежа). Государственные организации трех стран-участниц уделяют внимание вложению средств в развитие инфраструктуры и водных ресурсов, началась работа по гармонизации и упрощению инвестиционных правил, упорядочению налоговых сборов, земельного законодательства, политики регулирования рынка трудовых ресурсов, правил иммиграции и таможенных процедур.

К другим двусторонним договоренностям между отдельными участниками АТЭС относится Соглашение о свободной торговле между Чили и Мексикой и Соглашение о свободной торговле между Канадой и Чили

Непосредственное отношение к торгово-экономическим отношениям участников АТЭС имеют и другие субрегиональные торговые группировки - такие, как МЕРКОСУР (в нем участвуют Аргентина, Бразилия, Парагвай, Уругвай), Андский пакт (Венесуэла, Колумбия, Эквадор, Перу, Чили), Карибский общий рынок (Антигуа и Барбуда, Ангилья, Багамы, Барбадос, Белиз, Британские Виргинские острова, Гаити, Гайяна, Гренадины, Доминика, Монтсеррат, Сент-Винсент, Сент-Китс, Сент-Люсия, Суринам, Тринидад и Тобаго, Теркси и Кайкос, Ямайка), Центрально-Американский общий рынок (Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Никарагуа, Сальвадор, а также, как ассоциированные члены, - Боливия и Чили) и некоторые другие.

Наличие в регионе АТЭС торгово-экономических группировок, в которых участвуют отдельные участники форума, является объективным процессом, в развитии которого заинтересованы все его участники. Значение этих договоренностей для форума АТЭС в целом будет возрастать по мере подключения к этим договоренностям других участников форума. Россия в силу своей географической удаленности от этих субрегионов, а также из-за ряда других факторов не принимает участия в их деятельности.

В то же время для России вряд ли целесообразно теперь, после вступления в АТЭС, полностью игнорировать участие в субрегиональных связях в рамках АТЭС. Поэтому, видимо, правомерно предположить, что интересам российских регионов, в особенности Сибири и Дальнего Востока, отвечало бы более тесное взаимодействие с близлежащими регионами и областями США и Канады, западными префектурами Японии, районами Северо-Восточного Китая и Южной Кореи, а также Тайваня. Такое взаимодействие могло бы осуществляться на комплексной основе. Следует, конечно, всесторонне осмыслить целесообразность создания в этом регионе такого "многоугольника роста", не ограничиваясь при этом рациональным подсчетом положительных и отрицательных факторов, вытекающих из этого.

1. 1998 APEC Economic Outlook. Economic Trends and Prospects in the APEC Region. APEC Economic Committee. APEC Secretariat. November 1998. Singapore, 1998. P.5.
2. Harmsen R., Leidy M. Regional Trading Arrangements. IMF, Washington D.C., 1994. P. 28.
3. Интересные свидетельства этого приведены в работе одного из участников переговоров, представлявшего на переговорах о создании НАФТА Мексику. Hermann Von Bertrab. Negotiating NAFTA: A Mexican Envoy's Account. Westport: Praeger, 1997. P.28-62.
4. Regionalism and the Multilateral Trading System. Paris, OECD. P.6.
5. Garber P. The Mexico-US Free Trade Agreement. Mexico. 1993. P.2.
6. Gutierrez-Galindo E.A. Environmental Protection in the Mexico-USA Border Coastal Waters. Transboundary Resources Report. The University of New Mexico, Summer 1998. Vol. 11. No.1. P.3-4.
7. Milestones in APEC Liberalization: A Map of Market Opening Measures by APEC Economies. Singapore, 1995. P.32.
8. Fidler S. Barshevsky Dismisses Lawsuit. // Financial Times. July 17, 1998. P..5
9. В АТЭС под термином "ранняя добровольная секторальная либерализация" (Early Voluntary Sectoral Liberalization) подразумевается принятие комплекса мер, обеспечивающих открытие рынков отдельных товаров и экономическое и техническое сотрудничество в торговле ими. Понятием "ранняя" обозначается реализация этих мер до срока, установленного для принятия таких мер в декларации саммита АТЭС в Богоре (2010 год для развитых стран и 2020 год – для развивающихся участников АТЭС). Договоренность об осуществлении комплекса мер по ранней добровольной секторальной либерализации достигнута на саммите АТЭС в Осаке и утверждена на саммите АТЭС в Маниле.
10. The 31 st ASEAN Ministerial Meeting. Manila, Philippines, 24-25 July 1998. Joint Communiqué. Manila, 1998. P.8.
11. Regionalism and the World Trade System. Geneva. WTO Secretariat, 1995. P.16
12. 1998 APEC Economic Outlook. Economic Trends and Prospects in the APEC Region. APEC Economic Committee. APEC Secretariat. November 1998. Singapore, 1998. P.17, 137.

Проблемы российско-корейского сотрудничества в интересах сохранения мира на Корейском полуострове

© 1999

В. Ткаченко

(Окончание. Начало в ПДВ №2, 1999)

6. Отношения России с Республикой Корея

Как утверждают официальные лица из российского МИД, отношения между нашими странами строятся на основе "взаимодополняющего партнерства", что и было зафиксировано в совместном заявлении по итогам визита в Москву южнокорейского президента в 1994 году. Когда эти отношения были на подъеме, мало кто задавался вопросом, в чем, собственно, заключается "взаимодополняющее партнерство". Между Москвой и Сеулом регулярно поддерживались политические контакты, товарооборот увеличивался на 30-40% ежегодно, активно развивались связи на уровне общественности.

Сегодня, когда обе стороны переживают тяжелые последствия экономического и финансового кризиса, когда между ними возникли проблемы взаимопонимания по целому ряду внешнеполитических проблем, когда еще не забыта горечь внезапно разразившегося дипломатического скандала осенью 1998 г., исследователи пытаются объективно оценить, что же происходит в наших отношениях, в чем заключается российско-корейское партнерство.

Признаки завышенных ожиданий в отношении перспектив двустороннего сотрудничества проявлялись в Москве давно, еще в пору горбачевской перестройки. Эти тенденции унаследовали российские власти, обогатив их практикой "широких жестов" и "неожиданных подарков". Не удивительно, что все это не способствовало гармоничному развитию отношений. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к итогам визита президента Республики Корея Ким Ен Сама в Россию в июне 1994 года.

Судя по опубликованной в печати информации, российская сторона: 1) передала секретные документы из российских архивов времен корейской войны, 2) заявила об отказе пролонгировать союзный договор с КНДР 1961 г. на следующий пятилетний срок, 3) объявила о решении не продавать КНДР оружие, 4) поддержала идею принятия санкций против КНДР, если она откажется сотрудничать с МАГАТЭ, 5) согласилась передавать южнокорейской стороне граждан КНДР, работающих на лесозаготовках в России и отказавшихся возвращаться на родину.

Чем же ответила корейская сторона на "подарки" Москвы? Она только обещала передать на рассмотрение экспертов вопрос о переносе сроков выплаты российской задолженности Южной Корее в сумме 1,4 млрд. долларов. Стороны подписали весьма скромное коммюнике об итогах визита корейского

президента, а также ряд соглашений, среди которых запомнилась договоренность об охране перелетных птиц. Таким образом, планы Москвы развернуть широкомасштабное сотрудничество России и Республики Корея (около 40 совместных проектов в экономике и науке), о которых говорил российский президент во время своего визита в Сеул в 1992 г., оказались несбыточными.

Товарооборот между нашими странами вначале увеличивался сравнительно быстро, в 1993 г. он составил 1,6 млрд. долларов, в 1994 г. - 2,2 млрд. долларов, в 1997 г. - 3,3 млрд. долларов. В российском экспорте преобладают черные и цветные металлы, нефть, уголь, лес, химические товары, морепродукты, закупает Россия потребительские товары, одежду, электронику.

Однако достигнутый уровень торговли незначительно превышает объем товарооборота между СССР и КНДР в 80-х годах и занимает весьма скромное место в торговых связях Южной Кореи и стран региона.

Размер южнокорейских инвестиций в российскую экономику невелик, на конец 1996 г. он достиг 116,3 млн. долларов, причем и эта более чем скромная сумма расплывлена в 30 совместных проектах. Сеул проявляет осторожность в вопросах приобретения российского оружия. Еще в августе 1993 г. начались переговоры о поставках из России современных противоракетных систем и других видов оборонительного оружия, превосходящих по эффективности аналогичную американскую технику. Но в Сеуле посчитали, что стратегические соображения союзных отношений с США более важны, чем цена и качество оружия.¹ Если что и интересует южнокорейскую сторону в этой области сотрудничества, то это российские технологии в производстве оружия, а также образцы российской военной техники.

Итоги первых пяти лет сотрудничества России и Республики Корея показывают, что стороны располагают большим потенциалом для развития взаимовыгодных отношений. Однако указанные возможности остаются в значительной мере не реализованными. Очевидно, что обеим странам предстоит кропотливая и долгая работа по созданию собственного позитивного опыта сотрудничества.

В перспективе Россия, вероятно, будет представлять для Южной Кореи интерес как страна, способная влиять на развитие военно-политической ситуации в регионе и в меньшей мере как партнер в экономическом сотрудничестве. Поэтому значение и ценность российской политики в регионе в значительной мере будет зависеть от того, насколько ей удастся сохранить свое влияние в обеих частях Корейского полуострова.

7. Политика "солнечного тепла" президента Ким Дэ Чжуна

Вряд ли кто-либо может поставить под сомнение тезис о том, что объединение Кореи зависит прежде всего от воли и способности самих корейцев. Никто не может заставить их объединиться или помешать сделать это.

Тем не менее для соседей Кореи вовсе не безразлично то, когда и как будет достигнуто единство страны и к чему это приведет. У них, естественно, могут быть сомнения в том, что мирно начавшийся процесс объединения также мирно и закончится, что единая Корея окажется вполне стабильным и безопасным образованием.

И эти сомнения понятны: одно дело - иметь отношения с 22-миллионной Северной Кореей и 44-миллионной Южной Кореей, которые соперничают между собой, другое дело - интересы государства, численность населения которого составит около половины количества жителей России или Японии, а

его экономический потенциал будет сопоставим с уровнем развития десяти ведущих государств мира.

По нашим расчетам, реальное сближение Севера и Юга Кореи лежит за пределами ближайших 15-20 лет, если, разумеется, речь будет идти о добровольном объединении, исключающем всякое давление на партнера. Процесс сближения обещает быть довольно трудным и продолжительным, поскольку предстоит преодолеть сопротивление и несовпадение интересов на всех уровнях.

На уровне властей Севера и Юга: использование проблемы воссоединения главным образом для упрочения своих политических позиций в стране.

На уровне большинства населения: сдержанное, осторожное отношение к объединению, которое для многих обернется лишениями и страданиями.

На международном уровне: вероятность неконтролируемого развития ситуации на полуострове в процессе объединения может осложнить обстановку в регионе, где присутствуют интересы других государств.

Объединенная "любой ценой" Корея несомненно станет миной замедленного действия, способной серьезно подорвать стабильность на дальневосточных рубежах России. И аналогичная ситуация может там сложиться, если объединившаяся Корея будет вовлечена в военный союз или блок, независимо от того, с кем он будет заключен и против кого направлен.

Сегодня, обращая свой взгляд в недавнее прошлое, можно более точно оценить политику Сеула в отношении Севера. В частности, мы имеем основания оценить "северную политику" президента Ро Дэ У как наиболее успешную и результативную. Южная Корея нормализовала отношения с СССР и Китаем, вступила в ООН, успешно провела впервые в ее истории Олимпийские Игры, достигла договоренности с Севером о примирении, сотрудничестве и обменах, а также соглашения о безъядерном статусе полуострова.

Администрация Ким Ен Сама имела большие планы в отношении разрывания контактов с Севером, в том числе и на высшем уровне. Ожидались сенсационные, исторические договоренности на встрече двух Кимов. К сожалению, она не состоялась, а отношение Пхеньяна к демократу Ким Ен Саму оказалось хуже, чем оно было во времена нахождения у власти в Сеуле южнокорейских генералов.

Не сумели в Сеуле договориться с Пхеньяном по ядерным программам, в итоге Юг оказался устранившимся от переговорного процесса в Корее, а главным менеджером в делах с Севером стали американцы.

В этой связи определенный оптимизм вселяет новый курс президента Республики Корея-Ким Дэ Чжуна в отношении КНДР, получивший название политики "солнечного тепла". Президент Ким Дэ Чжун полагает, что в отношении Северной Кореи следует проводить политику примирения и сосуществования, осуществлять прежде всего контакты и обмены.²

Политика президента Ким Дэ Чжуна построена с учетом ошибок прежней администраций, проводится в соответствии с реальной ситуацией. Отличительной особенностью новой политики является то, что она напрямую не затрагивает проблему объединения Севера и Юга, где противоречия настолько остры, что способны лишь обострить межкорейские отношения. В Сеуле понимают, что сейчас объединение страны не актуально. Поэтому президент Ким Дэ Чжун отчетливо декларирует намерения Юга в отношении Севера: Юг не собирается поглощать Север; Юг строит отношения с Севером по принципу отделения политики от экономики. И это самое главное, что хотел бы услышать Пхеньян в нынешних условиях.

Новый курс Ким Дэ Чжуна в отношении Севера поначалу воспринимался некоторыми наблюдателями как своеобразный вариант религиозной дог-

мы всепрощения и терпимости. На самом деле эта политика не столь уж примитивна. Прежде всего она не догматична, достаточно гибка, имеет резервы к приспособлению к разным ситуациям, которые могут возникнуть на полуострове в будущем.

Ее достоинством является также и то, что она не акцентирует внимание на возможности возврата к жесткой политике, оставляя Северу свободу выбора: примирение или конфронтация. Предупреждение о том, что Сеул не потерпит провокационных действий со стороны Севера, не воспринимается как условие для установления отношений сотрудничества.

Однако смысл политики "солнечного тепла", как выясняется, не все понимают одинаково. Одни считают, что если Север не готов к сотрудничеству, то это его дело, Юг может и подождать. Другие же полагают, что эта политика делает Северу слишком большие уступки и что с ее реализацией стоит подождать, пока Север не стал открытым обществом.

Вероятно, новой политике суждено выдержать немало испытаний на прочность, так как Север, скорее всего, и не думает играть в игру, предложенную Югом. Его подводные лодки с диверсантами на борту вблизи берегов Южной Кореи, запуск спутника 31 августа 1998 г. напоминают, что там существуют другие планы в отношении Юга, и их не собираются менять на атомную электростанцию, на бычков господина Чон Чу Ена или его туристов в горах Кымгансан.

Надо полагать, что дестабилизация южнокорейского общества остается актуальной и неизменной задачей Северной Кореи, и, наверное, придется платить большую цену за отказ от этих приоритетов в политике. Платить придется также и за замораживание ракетных программ Северной Кореи. В Пхеньяне с определенной тревогой ожидают реакции Вашингтона на создание в КНДР ракет большой дальности, но они уже не боятся, что США применят санкции: отношения США - КНДР зашли настолько далеко, что вряд ли американцы решатся сорвать с таким трудом достигнутые соглашения, и в первую очередь проект КЕДО, созданный для перепрофилирования ядерной энергетики КНДР в безопасное русло развития.

Существует еще один аспект политики "солнечного тепла", который остается как бы "за кадром", но неизменно учитывается обеими сторонами, это эффект морального воздействия межкорейских контактов на широкие слои населения. Предлагая деловые, взаимовыгодные связи, Сеул, фактически, приносит в дар Пхеньяну "Троянского коня". По имеющимся у нас сведениям, определенная часть населения Севера испытывает своеобразный шок от демонстрации экономического могущества Республики Корея, ее технических достижений и уровня жизни народа.

Северокорейские власти хорошо осознают опасность влияния Южной Кореи на настроения людей, но у них нет выбора. Они вынуждены принимать предложения Юга, рассчитывая нейтрализовать нежелательное южнокорейское влияние путем усиления своей "социалистической пропаганды". Насколько такая пропаганда окажется эффективной, покажет время. А пока власти дают добро на реализацию таких проектов двустороннего сотрудничества, где не предусматриваются широкие контакты на уровне населения Севера и Юга Кореи. В частности, это относится и к проекту туристического освоения Кымгансана, где численность северокорейского населения незначительна.

Что же касается интересов третьих государств, то для них прежде всего важно, чтобы Пхеньян и Сеул не только на словах, но и на деле отказались от мессианских идей освобождения или поглощения друг друга. Впоследствии, когда Север и Юг приступят к обсуждению мер доверия в военной

области, им придется уточнить свое отношение к существующим военным альянсам: КНДР с Китаем, а Республики Корея с США. Нейтрализация Корейского полуострова могла бы стать благоприятным фоном для установления атмосферы доверия между Севером и Югом.

Геополитическое положение Кореи таково, что реальные гарантии ее безопасности могут быть обеспечены, если она будет независимым и нейтральным государством. Сильная единая Корея заметно повлияет на баланс сил в регионе. Возможно, ей предстоит сыграть роль буфера в отношениях между Китаем и Японией, возможно, она станет центром зарождения структур многостороннего сотрудничества в регионе.

Предстоящие перемены в балансе сил побуждают государства региона занимать более осторожные позиции в отношении перемен в Корее. Провозглашаемые политическими деятелями разных стран декларации о поддержке ими дела объединения не должны вводить в заблуждение. На самом деле соседи Кореи, например, предпочитают сохранение статус-кво на полуострове. Если же объединение все же произойдет, то одних устраивала бы единая Корея, сохраняющая существующие сегодня союзнические отношения, других — нейтральная или, по крайней мере, независимая в политическом и военном отношении.

Во всяком случае, как полагают некоторые аналитики в странах региона, единая Корея не должна стать сферой безраздельного господства интересов одного государства. Разумеется, степень вовлеченности других государств региона в дела Корейского полуострова неодинакова. У них также разный уровень понимания зависимости собственной безопасности от безопасности в Корее.

Для Соединенных Штатов Америки военный союз с Республикой Корея является производным их стратегического альянса с Японией. Вашингтон стремится проводить в Корее собственную, более независимую от Сеула политику, о чем свидетельствует нормализация отношений между США и КНДР. Американцев устраивает статус-кво в Корее или, в крайнем случае, объединение на условиях Сеула.

Американское военное присутствие в Корее со временем все больше теряет свой смысл. Далеко не все в регионе воспринимают американские войска как стабилизирующий фактор, потому что они являются прежде всего рычагом политического давления. Рано или поздно США вновь станут перед выбором: сохранять или сокращать свое военное присутствие в Корее. Однако окончательный ответ на этот вопрос будет зависеть не только от обстановки в Корее.

Японская политика в Корее продиктована интересами сохранения статус-кво на полуострове и поддержания отношений с двумя корейскими государствами. Единая Корея, как полагают некоторые японские ученые, может стать серьезным соперником Японии, экономическим конкурентом, вторым после Китая военным государством в регионе. Вряд ли будет устраивать Японию единая Корея, находящаяся под влиянием одного какого-либо государства. По этим соображениям для Японии неприемлема односторонняя ориентация Кореи на США, Россию или Китай. Сегодня, когда Токио играет все более значительную роль в мировой политике, было бы ошибкой рассматривать проблемы обеспечения безопасности в Корее без учета интересов Японии.

Китайская Народная Республика укрепила свои позиции в Корее, став, фактически, единственным гарантом безопасности КНДР, миротворцем и посредником в отношениях Севера и Юга Кореи, а также между США и Северной Кореей. Китай способен оказать Северной Корее любую помощь и

поддержку в различных критических ситуациях, что нередко упускается из виду в исследованиях и прогнозах зарубежных наблюдателей. У Китая есть свои стратегические интересы в Азии, и пока он не реализовал главные задачи своей политики, он не заинтересован в нарушении статус-кво в Корее.

Создание на Корейском полуострове единого государства выгодно для России, поскольку устраняет очаг напряженности вблизи российских границ и стратегически важных военно-морских баз России на Тихом океане. Однако все эти расчеты и прогнозы могут оказаться достоверными только в том случае, если единая Корея не станет враждебным по отношению к России государством или участницей военно-политического альянса с каким-либо третьим государством или базой для размещения иностранных вооруженных сил и оружия массового поражения.

Нам нет смысла без особой на то надобности осложнять, а тем более портить отношения с любым из корейских государств, поскольку это неизбежно скажется на наших отношениях с единой Кореей. Об этом необходимо заботиться уже сегодня и проводить открытую, беспристрастную политику, ни пропхеньянскую, ни просеульскую. Это должна быть новая долговременная политика, ориентированная, с одной стороны, на российские интересы в регионе, а с другой - на общенациональные интересы корейского народа.

Представления о России как о государстве, интересы которого не должны приниматься в расчет и которому суждено играть роль "постороннего наблюдателя" за процессами, которые происходят или будут разворачиваться в Корее, кажется уходит в прошлое.

В Москве полагают, что будет Корея единой или же останется разделенной, она будет стремиться к сотрудничеству с Россией в интересах обеспечения собственной безопасности. В то же время доминирование на полуострове интересов одного государства неизбежно приведет к разрушению исторически сложившегося в регионе представления о безопасности и стабильности.

Указанные выше обстоятельства предопределяют осторожное отношение к проблеме объединения Кореи со стороны отдельных российских исследователей. Они считают, что для России было бы неприемлемо такое развитие событий на полуострове, которое будет сопровождаться насилием, нарушением суверенитета, принципов демократии, свободы выбора, прав человека.

8. Международные гарантии безопасности в Корее

Среди многочисленных проблем региональной безопасности в наше время на первое место выдвигается замена соглашения о перемирии в Корее мирным договором. Необычность корейского перемирия состоит в том, что 45 лет спустя после окончания войны проблема заключения мирного договора в практическом плане никогда не рассматривалась участвовавшими в войне сторонами.

Здесь кроется немало сложностей юридического порядка, прежде всего в определении государств-участников мирного договора. Война в Корее началась как вооруженный конфликт между Севером и Югом. Затем на стороне Юга в войне принимали участие войска ООН, 16 государств-членов ООН, включая США, а на стороне Севера - подразделения китайских народных добровольцев. Надо полагать, что сегодня КНДР не находится в состоянии военного перемирия с войсками ООН, тем более, что она сама стала членом ООН.

По логике сегодняшних реалий, мир должны заключить Северная и Южная Корея. Однако Пхеньян считает, что воюющей стороной в Корее были США и мирный договор следует подписать между США и КНДР. Вначале

американцы такую возможность категорически исключали, хотя эта их позиция была не безупречна.

Дело в том, что существующее соглашение о перемирии в Корее подписали со стороны Севера представители КНДР и Китая, а со стороны Юга - только США. В то время власти Южной Кореи полагали, что войну следует продолжать, и на этом основании отказались участвовать в подписании Соглашения о перемирии. Таким образом, если строго следовать букве закона, то за стол переговоров должны сесть американцы, северные корейцы и китайцы.

Однако великие державы не считали подписание мирного договора в Корее актуальной задачей, а тем более не собирались фиксировать в документе свою причастность к корейской войне, а следовательно, и к ее результатам. Кроме того, было неясно, какое значение мог бы иметь такой договор для обоих корейских государств. Ведь в первую очередь им бы пришлось реализовать на деле условия мирного договора. Какие принципиальные различия могли бы иметь указанный Мирный договор и подписанное 13 декабря 1991 г. Соглашение о примирении, взаимном ненападении, сотрудничестве и обменах между КНДР РК?

Если мы попытаемся проанализировать содержание названного выше Соглашения, то обнаружим в нем практически все составляющие типичного мирного договора. В частности, статья 5 зафиксировала, что Север и Юг совместно прилагают усилия к прекращению нынешнего состояния перемирия и перехода его в состояние прочного мира в стране. Статья 11 определяет границы между Севером и Югом, статья 12 - меры доверия в военной деятельности и разоружении, статьи 17-20 - гарантируют свободное передвижение людей, почтовую и телефонную связь, восстановление путей сообщения, осуществление экономического и культурного обмена.

Указанное соглашение определяет обширный комплекс договоренностей, характерных для отношений государств в мирное время. Оно подписано главами правительств и по своему содержанию вполне отвечает тем требованиям, которые обычно предъявляются к мирному договору.

В мировой практике известны разные способы документального закрепления окончания военных действий, не всегда это делается в форме договоров и далеко не всегда такие договоры подписываются своевременно. Основой договоров, как правило, являлось урегулирование взаимных претензий, возникших в результате военных действий. В Корее, насколько нам известно, ни одна из сторон до сих пор не выдвигала территориальных или имущественных претензий к другой стороне, не требовала возвращения военнопленных. Следовательно у Севера и Юга нет взаимных претензий или они не столь значимы, чтобы требовать подписания соглашения.

Выбор путей перехода Кореи из состояния перемирия к миру довольно широк, причем каждый из них имеет свои преимущества и недостатки.

Первый состоит в том, чтобы попытаться одновременно решить проблему перехода к прочному миру и проблему обеспечения международных гарантий безопасности Корейского полуострова на встрече трех участников (две Кореи и США), четырех (две Кореи, США и Китай), шести (две Кореи, США, Китай, Россия и Япония), двадцати участников (в соответствии с принципами Женевского совещания по Корее 1954 г.).

При всей привлекательности такого подхода, обещающего всестороннее и комплексное решение проблем с учетом интересов ряда причастных государств, шанс на достижение эффективных договоренностей невелик, но существует опасность навязывания корейцам решений, которые их не устраивают.

Второй вариант предусматривает отдельный подход, который подразумевает, что все договоренности достигаются между двумя корейскими государствами, а международные гарантии обеспечиваются великими державами отдельно.

Такой подход может быть реализован по формуле 2+2 (две Кореи + США и Китай), 2+4 (к США и Китаю присоединяются Россия и Япония), 2+ООН и т.д. Раздельный подход отдает приоритет интересам корейцев, но ослабляет международные гарантии при формуле 2+2, поскольку исключается участие России и Японии. Эффективность договоренностей в составе 2+4 была бы выше, но участие России и Японии в мирном договоре недостаточно обосновано с юридических позиций.

Существует также компромиссный вариант состава участников переговорного процесса 2+2+2, который предполагает поэтапное расширение состава участников по мере достижения согласия на предшествующем уровне. Но такой вариант ставит участников в неравные условия и создает предпосылки для блокирования процесса переговоров.

В условиях, когда перспективы заключения мирного договора оставались весьма неопределенными, в Корею все же началась ломка механизма перемирия, который на протяжении сорока с лишним лет после окончания войны являлся единственным проверенным на деле способом урегулирования возникающих недоразумений, инцидентов и конфликтных ситуаций между Севером и Югом.

28 апреля 1994 г. министерство иностранных дел КНДР объявило Соглашение о перемирии в Корею недействующим. Поводом для отказа выполнять условия перемирия стала замена в марте 1991 г. американского генерала в качестве главного делегата на южнокорейского.

Перемены в военной комиссии по перемирию не устраивали Пхеньян, поскольку тот терял канал для поддержания прямых связей с американцами. Многолетний опыт работы этой комиссии показывал, что северным корейцам было удобнее иметь дело с американцами, а не с южнокорейцами, которые отличались более жесткими и непримиримыми позициями на переговорах. И все же в течение трех лет КНДР мирилась с тем обстоятельством, что южнокорейский генерал сменил американского в комиссии.

С конца 1994 г. КНДР приступила к прекращению выполнения своих функций в органах перемирия. Под давлением Пхеньяна представитель Китая 15 декабря 1994 г. был вынужден покинуть военную комиссию по перемирию. 8 марта 1995 г. власти КНДР заставили представителя Польши в комиссии нейтральных государств по наблюдению за перемирием прекратить выполнение своих функций. Чехословацкий представитель в этой же комиссии покинул Северную Корею раньше. Затем северокорейская сторона учредила в зоне совместной охраны новый орган, получивший название "Представительство Корейской народной армии в Пханмунчжоме". Прежний механизм перемирия оказался полностью разрушенным, тогда как нового еще не существовало.

Мировая общественность в целом сдержанно восприняла новации на линии перемирия в Корею, для появления которых, казалось бы, не было особых причин. В научных публикациях северокорейских авторов по этому поводу рассматриваются прежде всего международно-правовые аспекты соглашения о перемирии с точки зрения их соответствия современным условиям. При этом отмечается, что за истекшие после корейской войны десятилетия изменился юридический статус сторон, участвовавших в этой войне. КНДР вступила в ООН и установила нормальные отношения практически со всеми государствами, воевавшими в Корею на стороне сил ООН. Следовательно, полага-

ют ученые КНДР, существует необходимость окончательного отмежевания ООН от наследия корейской войны.³ Приведенные аргументы можно понять, тем не менее нельзя не заметить, что методы для пересмотра соглашения о перемирии были выбраны не самые лучшие.

Наблюдатели обратили внимание на то, что Северная Корея демонстративно отказалась выполнять международное соглашение, под которым стоят подписи представителей США и Китая. Пойдя на шаги, граничащие с риском спровоцировать обострение напряженности в регионе, Пхеньян тем самым игнорировал интересы не только Вашингтона, но и Пекина, с которым у Северной Кореи сохранился военный союз.

Существует мнение, что угрозы Пхеньяна сорвать перемирие преследуют одновременно ряд целей: отвлечь внимание общественности от проблем своей ядерной деятельности; добиться уступок на переговорах с Вашингтоном по вопросам нормализации двусторонних отношений; завязать еще один узел проблем, где американцы оказались бы надолго втянутыми в переговоры с КНДР; удерживать Сеул в стороне от решения актуальных задач безопасности в Корее.

Очередная попытка придать переговорам о мире в Корее формат межкорейского диалога и вернуть Сеул к этому диалогу была предпринята президентами США и Республики Корея во время их встречи на острове Чечжудо в апреле 1996 года. Клинтон и Ким Ен Сам предложили Пхеньяну реализовать переход к миру на четырехсторонней встрече по формуле 2+2, т.е. с участием КНДР, РК, а также США и Китая.

В Пекине спокойно отреагировали на предложение Сеула и Вашингтона, полагая, что дело прежде всего за согласием самих корейцев сесть за стол переговоров. Для достижения такого согласия, как полагают в КНР, сторонам потребуется немало времени.

Переговоры по формуле 2+2 Пхеньян не устраивают, но, судя по всему, у них нет выбора. Северокорейский лидер не прочь поиграть в переговоры с США, рассчитывая максимально затянуть процесс обсуждения мирного договора и, по возможности, извлечь из переговорного марафона определенную выгоду.

Что же касается Москвы, то это предложение для нее было неожиданным и она увидела в нем продолжение наметившейся ранее тенденции к игнорированию интересов России на Дальнем Востоке.

Одновременно в Москве обнаружили, что вопреки ожиданиям Россия и Республика Корея пока еще не стали политическими партнерами в полном смысле этого слова. В тех ситуациях, когда обстановка в Корее обострялась и проблемы вырастали до уровня международных, Москва и Сеул не реализовали возможности, заложенные в Договоре об основах отношений от 19 ноября 1992г., в частности, в статьях 3 и 4, где речь идет о сотрудничестве в целях укрепления стабильности в АТР и проведении консультаций по региональным проблемам, представляющим взаимный интерес.

В свою очередь и Пхеньян не выразил никакого интереса к привлечению России к переговорному процессу даже в косвенной форме - путем двусторонних консультаций между Россией и КНДР. Вряд ли такой подход укрепит позиции Северной Кореи на четырехсторонних переговорах, поскольку, на наш взгляд, российское видение безопасности на Корейском полуострове не противоречит интересам ни Пхеньяна, ни Сеула.

В его основу положен принцип многостороннего и двустороннего сотрудничества, который должен прийти на смену традиционному балансу сил и военных потенциалов. Для достижения указанной цели Россия выдвинула в 1992 г. идею создания механизма многосторонних консультаций в Северо-Вос-

точной Азии. Ее основные компоненты предусматривают следующие конкретные меры:

а/ создание механизма многостороннего диалога по вопросам безопасности в масштабах всего региона АТР и субрегионов и, прежде всего, по вопросам нераспространения ядерного оружия;

б/ создание центра по урегулированию конфликтов, в том числе и на Корейском полуострове;

в/ создание регионального центра стратегических исследований для анализа военной ситуации, военных доктрин и бюджетов стран АТР.

Тем не менее, следует иметь в виду и такую перспективу, когда корейцы Севера и Юга не сочтут для себя приемлемым консультацию с Россией и на последующих этапах переговоров по мирному урегулированию в Корее. В этом случае Москве, вероятно, придется искать другие возможности для обеспечения своих интересов в регионе.

Заключение

Проблемы безопасности на глобальном уровне продолжают оставаться в состоянии неопределенности. Современный мир в своем развитии сохраняет высокую степень зависимости от инерции движения прежних лет, и вряд ли у нас есть достаточно оснований полагать, что мы уже покончили с холодной войной и приобрели стойкий иммунитет к блоковой конфронтации. Скорее всего, мировое сообщество задержалось на переходном этапе, где носители старых представлений о мировом порядке не желают уступать место тем, кто возлагает надежды на торжество демократических принципов в международных отношениях.

Пока ученые и дипломаты спорят о преимуществах той или иной концепции безопасности, практические проблемы войны и мира решаются старыми методами времен холодной войны. Убедиться в этом нетрудно на примерах политики продвижения НАТО на Восток и тех событий, которые происходили в последние годы в Персидском заливе, в Ираке, Югославии и в Корее.

Стратегическое значение Кореи как узла противоборства внешних сил заметно ослабло. Великие державы в значительной мере утратили интерес к использованию Корейского полуострова в целях оказания давления друг на друга. Они не заинтересованы также в нарушении сложившегося там баланса сил и предпочитают избегать радикальных перемен. Скорее всего, до конца столетия завершится затянувшийся процесс "перекрестного признания" двух корейских государств, и КНДР нормализует свои отношения с США и Японией.

Основным фактором нестабильности на полуострове были и остаются межкорейские противоречия, разобщенность, взаимная подозрительность и враждебность сторон. Безопасность в Корее стала по сути дела проблемой отношений двух корейских государств. Они сумели в 1991 г. удивить мир тем, что быстро договорились о примирении и сотрудничестве, а затем привели межкорейский диалог к полному провалу.

Надо полагать, что нестабильность в Корее сохранится и в новом столетии как в случае раздельного существования двух государств, так и после их объединения в единое государство. Такая перспектива увеличивает уязвимость соседних с Кореей государств, прямо затрагивает интересы их безопасности. В этом смысле корейская проблема, пути и способы ее решения являются не только внутренним делом корейцев.

Приводимые в данном исследовании прогнозы основаны на анализе преимущественно внутренних корейских процессов, собственных корейских

политических реалий, а также тенденций мирового развития. Выполненный по данной методике краткосрочный прогноз событий в Корее на ближайшие 5-7 лет выглядит следующим образом:

- сохранится статус-кво на Корейском полуострове;
- вероятно экономическая и политическая стабилизация на Севере;
- возможен прогресс в урегулировании проблемы ядерной безопасности;
- возможно возобновление межкорейского диалога;
- сохранится военное и политическое преобладание США в регионе;
- произойдет нормализация отношений между США и КНДР, а также между Японией и КНДР;
- вероятно углубление сотрудничества России с Китаем;
- вероятно расширение в какой-то мере экономических и политических контактов между Россией и КНДР;

Прогнозы на более длительные сроки - 10-12 лет не дают оснований ожидать крупных изменений в Корее и вокруг нее. Скорее всего ситуация будет выглядеть следующим образом:

- Корея будет оставаться не объединенной;
- межкорейский диалог не будет отличаться высокой эффективностью;
- активизируются экономические связи между Севером и Югом;
- Вашингтон сохранит систему военных альянсов в регионе;
- возрастет влияние Японии на развитие региона;
- ожидается дальнейший рост экономического и военного могущества Китая;
- постепенно усилится влияние России в регионе;

Нельзя не отметить в этой связи заблуждения ряда зарубежных исследователей относительно того, что у России, погрязшей в своих внутренних проблемах, нет сил и возможностей влиять на ситуацию в Северо-Восточной Азии. Выше мы анализировали баланс сил региона, отмечая значительное сокращение вооруженных сил на Дальнем Востоке России. Но из этого было бы ошибочным делать вывод, что у России нет возможности влиять на ситуацию, если она приобретет угрожающий для ее интересов характер.

Из всего сказанного выше можно сделать вывод о том, что основным фактором, определяющим политику Москвы в Корее, являются интересы безопасности России на Дальнем Востоке. Всякий раз, задумываясь над тем, какую политику целесообразно избрать для Кореи, следует принимать во внимание, что этот полуостров был и остается полигоном, где оценивается и испытывается российская политика в целом. Способность позитивно влиять на развитие событий в Корее имеет прямое отношение к тому, чтобы с Россией считались как с державой на региональном и глобальном уровнях.

Другой вывод, который напрашивается из опыта минувших лет, состоит в том, что позитивная роль Москвы в качестве гаранта безопасности в Северо-Восточной Азии возможна при условии поддержания добрососедских отношений с двумя корейскими государствами. России нет смысла ослаблять свои связи с Севером или Югом, пытаться балансировать между ними или проводить курс "равноудаленности". Север и Юг Кореи - это разные государства, с каждым из которых у нас сложились свои отношения. Их невозможно уравнивать или сбалансировать. Другое дело - ориентация на общекорейские интересы, когда речь идет о принципиальных вопросах обеспечения мира и безопасности на полуострове.

На протяжении всей истории российско-корейских отношений события, которые происходили на полуострове, не раз ставили Москву перед нелегким выбором. Так было в период российско-японской войны 1905 г., когда

Россия оказалась не в состоянии защитить Корею от аннексии. Так было в годы второй мировой войны, когда наша страна взяла на себя миссию освобождения Кореи от колониального ига и вместе с американцами ввела туда свои войска. Впоследствии Россия не по своей воле оказалась причастной к корейской войне 1950-1953 гг., а затем прилагала немало усилий для ее прекращения. Россия вместе с другими государствами пыталась примирить Север и Юг Кореи на международном совещании в Женеве в 1954 году. И сегодня, независимо от уровня своих отношений с Севером и Югом Кореи, Москве не удастся остаться в стороне от решения проблем безопасности на полуострове.

Российская политика в Корею в историческом разрезе оценивается многими наблюдателями как политика позитивного нейтралитета, предпочитающая видеть Корею независимым государством, партнером по сотрудничеству. Вероятно России и впредь нет смысла отказываться от тех позиций в Корею, которые принадлежат ей в соответствии с ходом и логикой развития истории, от той стабилизирующей роли, которую она играла и может выполнять на полуострове и в регионе.

1. Miasnikov S.Vladimir. Russian-South Korean Security Cooperation // The Korean Journal of Defense Analysis, 1994. P.319.Vol. VI, No. 2.
2. Kim Dae-jung. Address delivered in the 50th anniversary of the Republic of Korea // Newsreview. August 22, 1998. P. 7.
3. Ким Бйон Хон. Корейский полуостров остро нуждается в новом мировом урегулировании // Проблемы Дальнего Востока, 1994. С17-20. № 6.

Токио - Пекин: непростой диалог

© 1999

А.Семин

Прошедший 1998 год в японо-китайских отношениях обещал стать переломным. Ожидалось, что, подойдя к рубежу двадцатилетия заключения договора о мире и дружбе, стороны, наконец преодолев разногласия, откроют новую страницу взаимодействия, устремленного в XXI век. В условиях наметившейся в последнее время тенденции координировать внешнеполитические интересы при создании нового мирового порядка, между Токио и Пекином активизировался политический диалог, участились взаимные визиты официальных лиц, делались многообещающие заявления, согласовывались подходы к сотрудничеству на региональном уровне. Итог этой дипломатической деятельности должен был подвести японо-китайский саммит осенью 1998 года в Токио.

Токийская встреча в верхах была третьей, завершающей, ступенью согласованной между сторонами "трехступенчатой программы" переговоров. Первой ступенью были переговоры в верхах во время визита в Китай в сентябре 1997 г. премьер-министра Японии Р.Хасимото, второй - японо-китайские переговоры в ноябре 1997 г. в ходе поездки в Японию премьера Госсовета КНР Ли Пэна. Токийский саммит был приурочен к 20-й годовщине подписания договора о мире и дружбе между двумя странами. Праздничный фон, по замыслу организаторов встречи, должен был способствовать созданию благоприятной атмосферы на переговорах. Этому соответствовал и тон, взятый японскими средствами массовой информации в период подготовки саммита. В большинстве публикаций подчеркивалось, что договор имеет не только важное историческое, но большое практическое значение. Ряд его положений в изменившейся международной ситуации приобрел, как писалось, возросшую актуальность. Подобная точка зрения, к примеру, отстаивалась в статье политолога Е.Накаэ "Три урока, вытекающие из 20-летия японо-китайского договора"¹, основные положения которой сводились к следующему:

1. Японо-китайский договор является своеобразным прецедентом для периода холодной войны, если учесть, что он заключался между государствами различных социально-политических систем и ценностей. Стороны словно ориентировались на тот мир, где отсутствует односторонняя привязанность к системе и ценностям, на многополярный мир, который тогда еще не создавался.

2. Важнейшее положение договора - тезис о неприемлемости установления гегемонии какой-либо группой стран. С утратой актуальности распространяемого в период подписания договора представления об "антисоветской направленности" этого положения, сегодня оно обретает новое значение. Оно применимо, например, с точки зрения японцев, в ситуации, когда МВФ пошел бы на применение жестких санкций в процессе преодоления финансового

кризиса в странах Восточной Азии, либо в случае военного вмешательства в ходе развития конфликта между Китаем и Тайванем.

3. Договор соответствует стабильным интересам обеих стран. Это подтверждается тем, что за 20 лет ни одна из них не решилась прекратить его действие. При том, что договор заключался изначально на 10-летний срок и мог быть после этого не продлен по требованию какой-либо стороны, заявившей об этом за год до расторжения договорных отношений.

На встрече в Токио предусматривалось расширение взаимных обязательств с учетом перспективы развития отношений в XXI веке. В период подготовки саммита высказывались предположения, что стороны могут пойти на принятие нового дипломатического документа, который по значимости станет в ряд с договором о мире и дружбе. Уже на этапе работы над проектом совместного документа, подлежавшего подписанию в Токио, выявились серьезные разногласия. Они, очевидно, стали причиной отсрочки официального визита в Японию председателя КНР, первоначально намечавшегося на начало сентября. Китайская сторона свое решение объясняла исключительно занятостью лидера КНР в связи с ликвидацией последствий наводнения, происшедшего в августе в ряде провинций Китая. Разногласия не были преодолены, несмотря на то, что в этих целях активно использовались контакты на официальном и рабочем уровнях.

В апреле 1998 г. в Лондоне состоялась встреча глав правительств двух стран, заявивших о стремлении сделать 1998 год "плодотворным в деле укрепления двусторонних связей"². В том же месяце Токио посетил заместитель председателя КНР Ху Цзиньтао. В Пекине дважды за год встречали японского министра иностранных дел. Интенсивный обмен происходил по линии военных ведомств. В феврале состоялась поездка в Японию министра обороны КНР Чи Хаотяня. В марте в Китае побывал начальник штаба японских сухопутных войск Юдзи Фудзинага, в мае - начальник Управления национальной обороны Фумио Кюма. Проведенные сторонами беседы в первую очередь служили подготовке взаимопонимания на встрече в верхах. Обеспечение ее успеха скорее всего призваны были служить и японские финансовые средства. В период подготовки токийского саммита правительство Японии, очевидно, не случайно, четырежды выделяло КНР безвозмездную помощь на общую сумму 750 млн. иен для работ по ликвидации последствий стихийного бедствия³.

Несмотря на очевидные усилия в подготовке японо-китайских переговоров на высшем уровне, во многом скрытой от наблюдателей, с самого начала ощущались трудности. Об этом можно судить по публикациям в японских газетах. В них, в частности, говорилось о том, что двусторонние отношения продолжительное время усложняются из-за целого ряда проблем, что между странами сохраняется взаимная подозрительность. Под заголовком "Японо-китайские отношения требуют терпения" газета "Дейли Йомиури" опубликовала редакционную статью по итогам визита в Японию Ху Цзиньтао. В ней подчеркивалось: "Фразеология, использующая термины "конструктивный и стратегический" (намек на "конструктивное и стратегическое партнерство" Китая с США. - прим. авт.), не обязательно ведет к настоящей дружбе двух стран (Японии и Китая. - Прим. авт.), если реальность их дружбы основывается скорее на взаимной подозрительности.... Проблема в том, что истинные намерения Пекина остаются неясными"⁴. За три недели до окончательного согласования срока визита Цзян Цзэминя в Японию в печать просочился слух о том, что переговоры вокруг формулирования совместного документа, который предполагалось подписать на двусторонней встрече в Токио, "зашли в

тупик⁵. Договориться стороны не смогли вплоть до вылета китайского лидера из Пекина, чем и предопределен был ход, а также и исход встречи.

Визит в Японию председателя КНР Цзян Цзэминя проходил с 25 по 30 ноября 1998 г. Японскую делегацию на состоявшихся в ходе визита переговорах на высшем уровне возглавлял премьер-министр Кэйдзо Обути. Характерно, что еще до начала переговоров стало известно: руководители делегаций не намерены подписывать итогового документа, каким должна была стать Совместная декларация. Работа над ее проектом шла трудно, что и было причиной возникновения тупика в переговорном процессе накануне саммита. Трудности согласования подходов продолжались и в ходе него. Декларация так и не была подписана, а текст документа к опубликованию был подготовлен уже после завершения встречи в верхах.

Камнем преткновения стало формулирование в тексте Совместной декларации положения об ответственности Японии за агрессию против Китая. Для Китая, как подчеркнул во время токийской встречи Цзян Цзэминь, в двусторонних отношениях с Японией «вопросы военной истории и Тайваня являются базисными и не могут быть проигнорированы». ⁶ Именно по этим вопросам китайская позиция на переговорах была особенно жесткой. И наткнулась на неменьшую неуступчивость со стороны Японии. Существенно то, что японская сторона соглашалась признать факт агрессии и выразить по этому поводу «глубокое сожаление», однако отказалась от внесения в текст четкого извинения за содеянное, на чем настаивали китайцы. Цзян Цзэминь во время пребывания в Токио неоднократно подчеркивал, что «Японии следует честно пересмотреть события войны и усвоить их уроки»⁷. После этого у японских наблюдателей появился повод утверждать, что на переговорах в Токио была разыграна «историческая карта». Делались попытки объяснить занятую Цзянь Цзэминем позицию внутривосточными причинами - «непрочностью положения нынешнего политического руководства страны»⁸.

Не менее тяжелым был диспут вокруг тайваньской проблемы. От Японии ожидалось недвусмысленное заявление, что она не поддерживает независимость Тайваня. К этому, в частности, накануне саммита призывал посол КНР в Японии Чэнь Цзянь⁹. Но японская сторона в Совместной декларации не пожелала дополнительно уточнить свою позицию, зафиксировать, подобно США, «три нет» в отношении Тайваня, настояла на включении в текст почти без изменения пункта из Совместного коммюнике 1972 г., где выражено понимание и уважение подхода Китая, но не содержится обязательств поддерживать его политику. В токийской декларации сохранено замечание о том, что за Японией остается право на неправительственные связи с островом.

Следует указать, в устных разъяснениях позиция Японии выглядела иной. Так, в ходе саммита премьер-министр К.Обути достаточно определенно заявлял: «Наша страна руководствуется пониманием, что «Китай - один» и строго придерживается такого подхода. И в дальнейшем в позиции не поддерживать независимость Тайваня изменений не произойдет. Надеемся, что тайваньская проблема будет разрешена мирными средствами, через диалог между заинтересованными сторонами»¹⁰. Но не менее определенно звучат и слова Цзян Цзэминя: «Китай не может отказаться от права на использование силы против Тайваня. Объектом применения силы в этом случае был бы не народ Тайваня, а тамошние сепаратисты»¹¹.

Существовал и еще один вопрос, являющийся источником серьезных разногласий, которые остались за рамками формулировок совместного документа. Этим вопросом был японо-американский договор безопасности, в его связи с тайваньской проблемой. Китайская сторона предостерегала Японию от

распространения действия договора на Тайваньский пролив. Как подчеркивал Цзян Цзэминь, это было бы "вмешательством во внутренние дела Китая"¹².

Некоторые аналитики склонны свести проявившиеся в ходе токийской встречи в верхах японо-китайские противоречия к единственной проблеме - тайваньской. Совершенно очевидно, она для Пекина постепенно, после успешного воссоединения Гонконга, выдвигается в ряд важнейших внешнеполитических. Правда, пока еще проявляется сдержанность, поскольку существует ясное понимание необходимости целеустремленного наращивания усилий до полного созревания условия для воссоединения острова. На данном этапе для Китая важнее всего не допустить провозглашения Тайванем независимости. В случае неудачи, повернуть события вспять Пекину было бы практически невозможно. И от Японии, считают в Пекине, зависит многое. "Без поддержки Японии и США, провозглашение Тайванем независимости невозможно", - утверждал китайский посол в Японии¹³.

Несмотря на трудности на переговорах и существенные расхождения, стороны в Совместной декларации заявили о стремлении к "партнерству в духе дружбы и сотрудничества"¹⁴. Они обязались "способствовать укреплению сотрудничества в практических областях на основе взаимных интересов, добиваясь максимального уменьшения трений, являющихся результатом внутренних процессов в обеих странах"¹⁵. Проявлена готовность действовать совместно по разрешению важных региональных проблем: охраны окружающей среды, преодолению валютно-финансового кризиса в Азии, урегулированию ситуации на Корейском полуострове. Наряду с Совместной декларацией, по итогам японо-китайской встречи в верхах опубликовано Совместное заявление для печати об усилении японо-китайского сотрудничества, устремленного в XXI век.

Некоторые результаты токийского саммита имели практическое значение, прежде всего в области экономических отношений двух стран. Было принято решение о предоставлении Китаю японского кредита в размере 390 млрд. иен (3,25 млрд. долл.) в течение двух лет на осуществление крупных проектов, в том числе по развитию сельскохозяйственного производства, по решению экологических проблем¹⁶. Обращает на себя внимание то, что Япония пошла на выделение китайской стороне значительных финансовых средств в непростое для её экономики время. Китай в условиях, когда японская обществу требует от правительства сокращения масштабов помощи за рубеж, сохранил положение "получателя № 1" кредитов в рамках японской Официальной помощи развитию.

В ходе переговоров правительство Японии заявило о намерении содействовать строительству высокоскоростной железнодорожной магистрали Пекин - Шанхай, которая рассматривается как первое звено в планах создания широкой современной железнодорожной сети в Китае. Достигнуто согласие о сотрудничестве в осуществлении предложенной Пекином комплексной программы прокладки "Евразийского наземного моста", который представит собой, по замыслу, первую в мире информационно-транспортную магистраль, соединяющую 30 стран Азии и Европы. Лидеры Японии и Китая договорились продолжить сотрудничество по стимулированию инвестиционной деятельности, по расширению научного и технологического обмена. К.Обути и Цзян Цзэминь признали важность продолжения диалога, договорились об установлении между Токио и Пекином "горячей линии связи".

Итоги токийского саммита вызвали противоречивые оценки. Внимательно, в частности, следили за ходом первого, за весь период японо-китайских отношений, визитам в Японию председателя КНР в соседних стра-

нах. Там пытаются понять, в каком направлении в дальнейшем будут строиться отношения между двумя "великими региональными державами", ведь от этого зависит мир, стабильность и благополучие многих из партнеров Японии и Китая в Азии. Визит Цзян Цзэминя в Токио, писала издающаяся в Гонконге газета "Жи юебао", "будучи заключительной партией внешнеэкономической программы Китая, нацеленной в XXI век, явил труднейшее за многие годы противостояние на дипломатической арене"¹⁷. Сам же Цзян Цзэминь утверждал, что в результате переговоров обе стороны, "осознавая различия, продвинули двусторонние отношения на новую ступень"¹⁸.

Независимо от общей оценки японо-китайского саммита 1998 г., совершенно ясно, что политический диалог между Токио и Пекином по-прежнему тормозится под воздействием ряда не решенных, а лишь отложенных проблем. Заявленная сторонами готовность к "партнерству в духе дружбе и сотрудничества" представляется своеобразной данью дипломатической моде, носит в основном декларативный характер. Реальное партнерство сохраняется в торгово-экономической области, хотя и здесь проблем немало. В целом, нельзя исключать того, что трения в двусторонних отношениях в ближайшие годы могут нарастать на фоне усиливающегося соперничества за влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

1. Иомиури симбун. 1998. 1 июня.
2. Там же. 1998. 1 мая.
3. The Daily Iomiuri. 1998. 7 октября.
4. Ibid. 1998. 3 ноября.
5. Ibid.
6. Ibid. 1998. 29 ноября.
7. Ibid.
8. Ibid.
9. Ibid.
10. Иомиури симбун. 1998. 27 ноября.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же. 1998. 6 ноября.
14. Там же. 1998. 29 ноября.
15. Там же.
16. Там же.
17. Жи юебао. 1998. 30 ноября.
18. Иомиури симбун. 1998. 29 ноября.

Внеэкономические связи России и Китая: баланс интересов и совершенствование механизма организации*

© 1999

В.Карлусов

1. Развитие двустороннего экономического сотрудничества должно быть *взаимовыгодным*, а значит должно стремиться к достижению *баланса* внутренних и внешних, краткосрочных и перспективных интересов обеих сторон. С точки зрения современной нормативной практики внешнеэкономических связей (ВЭС) — это аксиома, не требующая доказательств.

2. В условиях современной России (а также стран СНГ), с одной стороны, и Китая, — с другой, достижение баланса этих интересов порой представляет собой *серьезную проблему* и требует целенаправленных, четко мотивированных и скоординированных усилий заинтересованных сторон. Причем связано это как с внутренними, так и с внешними для наших стран объективными обстоятельствами.

3. В числе *внешних* обстоятельств и факторов целесообразно акцентировать внимание на следующих:

— в наших странах с переходными экономиками, как, впрочем, и во всем мире постепенно нарастает понимание рыночного хозяйства как *общественно регулируемой социально-экономической системы* (так называемой рыночной социосистемы. — термин авт.);

— в этой связи, как и в связи с интернационализацией мировой экономики, вполне очевидна и тенденция к усилению роли государства и ряда межгосударственных организаций как макрорегуляторов национальных рыночных систем и постепенно формирующегося на их основе мирового рыночного хозяйства в целом;

— на современном этапе объективно усиливается системообразующая роль внешнеэкономического фактора¹, в том или ином виде опосредующего интеграцию трансформируемой переходной экономики в систему международного разделения труда (МРТ) и мировое рыночное хозяйство;

— мировое хозяйство постепенно переходит от индустриальной технологической цивилизации к постиндустриальной, что является наиболее общей предпосылкой все более четкого осознания руководством ряда стран с пере-

Карлусов Вячеслав Всеволодович, доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 97-02-02131).

ходной экономикой той истины, что для успешной интеграции в МРТ и достижения и/или стабильного сохранения "догоняющих" темпов экономического роста необходимо строго увязывать приоритеты национальной структурной политики (и соответствующих структурных преобразований) с общемировой тенденцией повышения технологического уровня производства;

— на примерах ряда стран-лидеров с переходной экономикой происходит осознание и того обстоятельства, что высокая инвестиционная активность как неизбежное условие "догоняющего" экономического роста может быть во многом обеспечена за счет структурной перестройки и модернизации (а отнюдь не разрушения) механизма накопления, основанного на существенных государственных налоговых изъятиях и капиталовложениях, на жестком государственном — прямом и косвенном — контроле финансово-банковской сферы;

— как показывает практика, эффективность внешнеэкономической стратегии того или иного государства не может не зависеть от адекватного учета доминирующих тенденций конъюнктуры мирового рынка, таких, в частности, как систематическое падение мировых цен на продукцию первичной обработки (сырье и другие товары с низкой добавленной стоимостью), с одной стороны, и, наоборот, стабильное сохранение и повышение цен на техно- и наукоемкие товары с высокой добавленной стоимостью;

— на нашей планете произошли и происходят радикальные геополитические и существенные геоэкономические перемены, напрямую связанные с утратой миром прежней биполярной структуры международных политических и экономических отношений;

— все более дает о себе знать тенденция (несмотря на определенные "попятные движения", связанные с известным финансовым кризисом) к переносу центра мировой экономической активности с Запада на Восток и, в частности в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), ряд стран которого в последние десятилетия демонстрирует стабильный экономический рост на уровне "догоняющего" развития по отношению к более промышленно развитым государствам мира;

— в то же время постепенно происходит осознание в качестве существенных перспективных ограничителей указанного роста таких обстоятельств, как весьма вероятная ресурсная малообеспеченность ряда стран АТР в XXI в., а также нарастающая острота экологического фактора в регионе и в мире в целом.

4. В числе *внутренних* факторов оптимизации баланса торгово-экономических интересов РФ и КНР необходимо прежде всего обратить внимание на следующие аспекты общности и специфики наших стран, которые способствуют или, наоборот, затрудняют реализацию на практике известной концепции *взаимодополняемости* их экономических комплексов.

4.1. К основным элементам общности можно отнести:

— переходный характер экономики — от планово-административной зависимости производителя от государства к регулируемой государством рыночной форме соединения и движения факторов производства;

— исторические предпосылки плодотворного в целом экономического сотрудничества;

— большую протяженность общей границы и вытекающие из этого торгово-транспортные, коммуникационные и другие возможности;

— иные геоэкономические и геополитические факторы, объективно сближающие наши государства в исторически новых условиях многополярного мира.

4.2. Элементы специфики России и ряда стран СНГ (в сравнении с Китаем):

— сокращение экспортного потенциала в результате дезинтеграции СССР, распада существовавшей в его рамках территориально-производственной системы разделения труда, незагруженность или полная приостановка работы ряда крупных и средних экспортноориентированных предприятий, включая отрасли тяжелого и транспортного машиностроения, ВПК; вынужденный переход ряда преимущественно сырьедобывающих районов, например Дальнего Востока, на путь самообеспечения;

— недостаточно современная по основной массе составляющих, невыгодная структура российского экспорта, характеризующаяся, в частности, унаследованной от СССР внешнеэкономической стратегией экспорта энергоносителей и других невозможных природных ресурсов; сырья и товаров с низкой добавленной стоимостью;

— все еще сохраняющиеся по целому спектру направлений лидирующие позиции российской науки в мире, сочетающиеся, к сожалению, с тем обстоятельством, что кризисное состояние отечественной инвестиционной сферы не позволяет без поддержки извне своевременно внедрять высокие, по ряду параметров уникальные, технологии в производство и в массовом порядке налаживать эффективный выпуск конкурентоспособной на мировом рынке наукоемкой продукции (т.е. осуществлять только за собственный национальный счет полномасштабный технологический трансферт);

— перенасыщенность российского рынка импортными потребительскими товарами, отсутствие должной мотивации и достаточного государственного стимулирования отечественного производителя, работающего на импортзамещение, другие проявления рецессионного развития и кризисного состояния экономики РФ и стран СНГ.

4.3. Некоторые проблемные особенности Китая, имеющие отношение к рассматриваемому предмету:

— демографическая проблема: перенаселенность, огромный ежегодный прирост населения (порядка 13 млн. чел.), избыточность трудовых ресурсов, значительная плотность населения, в частности в граничащих с РФ районах Северо-Востока КНР;

— продовольственная проблема: слабость производственной базы сельского хозяйства, небольшой и постоянно сокращающийся земельный фонд, абсолютное преобладание ручного труда в растениеводстве, низкое производство продовольствия на душу населения;

— ресурсно-сырьевая проблема: являясь крупнейшим поставщиком каменного угля на мировой рынок (около 45% мирового экспорта), Китай в то же время уступает России по запасам нефти и газа почти в 35 раз; ожидаемое специалистами существенное сокращение природных ресурсов страны в ближайшие 10-20 лет является и должно стать мощным фактором, подталкивающим Китай к импорту соответствующего сырья и продукции его переработки из России;

— проблема интенсификации экономического роста, высокие темпы которого пока достигаются преимущественно на экстенсивной основе, при низкой производительности живого труда, высокой энерго- и фондоемкости продукции;

— проблема качества экспортируемой продукции, неполного соответствия ее мировым стандартам, ведущая к ограниченной конкурентоспособности китайских товаров на мировом рынке, особенно в условиях превышения предложения над спросом;

— проблема повышения технико-технологического уровня производства, наукоемкости экспортируемой продукции, которая, как и две предшествующие из указанных выше проблем, выступают и, по-видимому, в обозримом будущем с еще большей остротой будут выступать заметным мотивом

заинтересованности Китая в экспорте высоких технологий из-за рубежа, в частности из России.

Заинтересованность КНР в импорте из РФ высоких технологий и оборудования для их внедрения в производство связана также со следующими обстоятельствами:

— политической ориентацией Китая на перестройку сложившейся преимущественно “вертикальной” технологической схемы товарообмена со странами Запада, согласно которой КНР может получать от последнего высокие технологии и наукоемкую продукцию главным образом в обмен на продукцию первичной обработки с невысокой добавленной стоимостью;

— ужесточением позиции некоторых стран Запада по поводу условий передачи Китаю ноу-хау и высокотехнологичного оборудования после изменения биполярной структуры международных отношений и постепенного, но быстрого превращения Китая в мощную индустриально-аграрную державу (уже в 1995 г. КНР вышла на 2-е место в мире после США по объему ВВП, исчисленного по паритету покупательной способности валют);

— известным ценовым фактором относительно низкой себестоимости российской наукоемкой продукции по сравнению с западной;

— рядом технологических преимуществ российского оборудования перед западным на китайском рынке, в частности более легкой адаптацией этого оборудования к производственным условиям КНР в силу известных историко-экономических предпосылок, уходящих корнями в сотрудничество наших стран в 50-е — начале 60-х годов.

5. Достижение *реального* баланса национальных интересов сторон как условия эффективности торгово-экономического сотрудничества России и Китая невозможно без совершенствования инфраструктуры внешнеэкономических связей, поиска путей взаимной адаптации национальных механизмов организации, координации и контроля экспортно-импортных операций.

Этот вопрос чрезвычайно важен в условиях специфичности наших переходных экономик, в силу чего он заслуживает особого внимания.

Действительно, известной особенностью российско-китайских ВЭС в 90-е годы явилась вольная или невольная минимизация централизованной межправительственной торговли Россией, что в принципе можно рассматривать как рецессионно-кризисный фактор, одно из негативных проявлений чрезмерного дерегулирования государством всей экономики РФ в переходный период. Торгово-экономические отношения между РФ и КНР развиваются главным образом за счет межрегиональной, приграничной, “челночной” и других форм децентрализованной торговли, на которую во второй половине 90-х годов в среднем приходилось не менее 80% взаимного товарооборота.

При этом значительную массу торговых операций на китайском рынке со стороны России осуществляют многочисленные самостоятельные разобщенные предприятия и мелкие фирмы, не располагающие ни сколь-либо значительной товарной номенклатурой, ни компетенцией в области специфики рынка в КНР и китайского менталитета. Такого рода экспортеры нередко руководствуются краткосрочными интересами получения сиюминутной выгоды, конкурируют друг с другом, ведя торговлю российскими товарами по демпинговым ценам явно ниже мирового уровня. Подобная практика наносит существенный финансовый и моральный ущерб России. Страдают порой и китайские партнеры, далеко не уверенные в качестве товаров из РФ и стран СНГ, правовой защищенности заключенных контрактов и надежности конкретных сделок.

В то же время Китаю, в отличие от России, несмотря на большую продолжительность реформенного периода, удалось не только сохранить здоро-

вый костяк механизма централизации своих ВЭС, но и усилить, модернизировать этот механизм применительно к запросам мирового рынка.

На практике массе наших разрозненных субъектов ВЭС противостоит регулируемая государством система хорошо организованных провинциальных и межпровинциальных компаний, опирающихся на экономические комплексы соответствующих территорий, включающие экспортоориентированные предприятия всех форм собственности. Данные компании контролируют свыше 80% экспортно-импортных операций КНР. Функции общего госрегулирования их деятельности выполняет Министерство внешнеэкономических связей и внешней торговли КНР, функции координации ВЭС — ряд общественно-государственных организаций.

В ближайшие десять с небольшим лет, согласно известной китайской “Программе — 2010 г.”, тенденция усовершенствования госрегулирования ВЭС и координации функционирования их субъектов должна получить в Китае дальнейшее развитие. Так, предполагается создать систему крупных суперкорпораций, ведущих экспортно-импортные операции с наукоемкой продукцией и конкурентоспособных на мировом рынке.

Таким образом, налицо явное несоответствие административно-организационных механизмов регулирования и координации ВЭС в России и Китае. Причем от этого несоответствия (т.е. фактического дисбаланса и нестыковки инфраструктур ВЭС) в первую очередь, на наш взгляд, проигрывает Россия. В этом плане стоит указать и на прямые финансовые потери от продажи российских товаров в КНР по заниженным ценам, и на неадекватность обмена невозполнимых природных ресурсов на “ширпотреб”, перенасыщенность российского рынка китайскими потребительскими товарами низкого качества, и на торможение реализации ряда выгодных и перспективных для России крупных проектов, в частности вариантов технологического трансферта научных разработок РФ за счет китайских и тайваньских инвестиций, и на общее понижение “имиджа” России на китайском рынке, на незагруженность простаивающих российских предприятий вполне возможными китайскими заказами, и на многое-многое другое.

Одним из *реальных путей* постепенного преодоления указанных дисбаланса и нестыковки инфраструктур ВЭС России и Китая может, на наш взгляд, стать активизация и диверсификация деятельности российских государственных организаций, призванных осуществлять регулирование и координацию российско-китайских торгово-экономических отношений. Сразу оговоримся при этом, что, если стоять на позициях реализма, то и речи быть не может о какой-либо быстрой силовой административно-командной централизации децентрализованной российской торговли силами этих организаций.

Их задача в условиях переходной экономики состоит в другом — в преодолении разобщенности российских субъектов ВЭС, в обеспечении целенаправленной координации их деятельности на благо России посредством методов институционального, правового и финансового макрорегулирования, соответствующей мотивации и ориентации. (Такой подход, в частности, можно рассматривать как форму *рыночной централизации* ВЭС в противовес ее устаревшему административно-командному аналогу).

В числе указанных выше государственных организаций-координаторов ВЭС следует в первую очередь выделить относительно недавно созданный Российско-китайский комитет дружбы, мира и развития, а также такую уполномоченную Комитетом финансово-банковскую организацию, как Межгосударственный банк, в котором представлены не только РФ, но и ряд стран СНГ.

Эти организации, как представляется, вполне могли бы выступить в качестве инициаторов, гарантов и непосредственных участников как совершенствования российской инфраструктуры ВЭС, так и обеспечения взаимной адаптации и стыковки механизмов экономического сотрудничества СНГ и КНР.

В числе предполагаемых функций и задач Комитета и Банка, направленных на осуществление указанных целей, можно было бы в качестве "первого наброска" обозначить следующие:

— участие в совершенствовании институционально-правовой базы организации российских ВЭС, в том числе за счет изучения и критической адаптации с учетом национальной специфики России позитивных элементов соответствующего мирового, в частности китайского, опыта;

— обмен теоретическим и практическим опытом с КНР в отношении организации территориальных (региональных) внешнеторговых компаний, объединяющих, направляющих и стимулирующих деятельность экспортоориентированных предприятий различных форм собственности на местах;

— исследование и возможное конструктивное использование опыта создания и функционирования в странах АТР (прежде всего в Китае, Японии, Республике Корея, на Тайване) крупных национальных корпораций, осуществляющих экспорт наукоемкой продукции, конкурентоспособной на мировых рынках;

— совершенствование механизма обеспечения баланса интересов государства (Центра), субъектов региональной и приграничной торговли, включая разработку соответствующей нормативной документации;

— создание мощного мотивационного механизма выдвижения конкретных проектов российско-китайского экономического сотрудничества отраслевыми и территориальными единицами, юридическими и частными лицами;

— разработку жесткого механизма-алгоритма экспертной оценки представляемых проектов силами высококвалифицированных правоведов, экономистов-международников, компетентных в реалиях современной переходной экономики и китайской специфике, способных выполнить строгий экономико-математический расчет краткосрочной и перспективной эффективности того или иного проекта, учесть баланс российских и китайских интересов и разноплановые последствия реализации проекта;

— сосредоточение при этом на ускорении реализации масштабных проектов, от которых прежде всего зависит модернизация российской экономики, выход РФ на мировой рынок наукоемкой продукции, в частности на технологическом трансферте передовых российских научных разработок с участием китайских инвесторов, организации эффективных СЭЗ на территории РФ и т.д.;

— информационное обслуживание субъектов ВЭС, создание уникальной сети соответствующих банков данных, справочных изданий и иных информационных материалов.

Естественно, представленный здесь краткий перечень функций указанных организаций носит весьма примерный характер и подлежит последующему совершенствованию и корректировке, в том числе в связи с возможным повышением в будущем государственного статуса данных организаций и их роли в российско-китайском экономическом сотрудничестве.

1. Внешнеэкономическая зависимость конкретной экономики может быть, в частности, строго математически измерена процентным соотношением объемов внешней торговли и ВВП.

Экономическая политика открытости и внешнеэкономическая деятельность КНР

© 1999

Чжан Чжаоюй. (КНР)

На XV-ом съезде КПК (12-18 сентября 1997 г.) Председатель КНР Цзян Цзэминь в своем докладе еще раз подчеркнул, что открытость Китая для внешнего мира - основная и долговременная политика государства. "Нужно принимать активное участие в региональном экономическом сотрудничестве и глобальной системе многосторонней торговли", - отметил он.

За 20 лет экономической реформы в Китае сформировались структура открытости внешнему миру и система внешнеэкономической деятельности.

Особые экономические районы. Создание особых экономических районов (ОЭР) представляет собой важное решение китайского правительства. Будучи "окнами во внешний мир", ОЭР играют роль испытательного полигона, предвестника и стимулятора реформ и открытости Китая внешнему миру. Все имеющиеся особые экономические районы находятся в юго-восточной части страны.

На территории общей площадью в 30 кв. км. проводится экономическая политика, напоминающая практику "портов свободной торговли" некоторых стран мира. ОЭР представляют собой зону, ориентированную на внешний рынок. Они развивают главным образом экспортоориентированную обрабатывающую промышленность и объединяют в единый комплекс научные исследования, производство и торговлю. Здесь проводится специфическая экономическая политика и осуществляется особая система экономического управления. Статус ОЭР в Китае отличается как от статуса зон с экспортной обрабатывающей промышленностью, учрежденных в некоторых странах, так и от статуса особого административного района Сянган, который учрежден после его возвращения Китаю. Обладая высокой степенью открытости внешнему миру, ОЭР представляют иностранным инвесторам особо льготные условия по сравнению с внутренними районами в отношении налогов и визового режима. Государство наделало их значительными полномочиями в самостоятельном управлении экономикой.

Цель создания ОЭР состоит в привлечении иностранных инвестиций, ввозе зарубежных передовых технологий и техники, в заимствовании современных методов управления, в получении информации о положении на мировом рынке. Им отведена значительная роль в расширении экспорта, увеличении валютных доходов страны, участии в международном технико-экономическом сотрудничестве, подготовке специалистов в области международного торгово-экономического, научно-технического сотрудничества. Таким образом, на протяжении 20 лет реформы экономической системы в Китае уже сформирова-

ровался относительно совершенный режим ОЭР, благоприятный для привлечения зарубежных капиталов.

Возьмем к примеру Шэньчжэньский ОЭР. С января 1997 г. на территории этого района постепенно начинали предоставлять национальный режим предприятиям с иностранным участием и персоналу иностранного происхождения. Этот важный шаг предпринят для дальнейшего улучшения инвестиционного климата Шэньчжэня и увеличения открытости его внешнему миру, для интеграции в международную практику хозяйствования.

Конкретно это выглядит так: новые предприятия с иностранным участием, выпускающие не лимитируемую и не лицензируемую государством продукцию, могут сами определять пропорцию внутреннего и внешнего сбыта, санкцию на это дает при регистрации городское управление по делам привлечения зарубежного капитала и городское управление по делам торговли и промышленности. Другой случай. В связи с осуществлением государством системы банковских расчетов для предприятий с иностранным участием, обрабатывающих продукцию на заказ или работающих на материале заказчика, последние при производстве продукции, не ограниченной государством, могут непосредственно вписать свой план внутреннего сбыта в контракте с заказчиками. После утверждения компетентными органами городского правительства он становится единственным основанием для взимания таможенных пошлин и не требует санкции со стороны высших органов для внутреннего сбыта. Предприятия с иностранным участием, признающиеся городским правительством как "предприятия с применением передовой техники", вправе до 100% своей продукции реализовать на внутреннем рынке; такое право будут иметь также предприятия с иностранным участием, которые вкладывают средства в объекты, зачисленные в программу "овощной корзинки" Шэньчжэня для развития производства нехлебных продуктов питания, а также в объекты для развития высокоурожайного, высококачественного и высокоэффективного сельского хозяйства.

В сфере обслуживания унифицируются тарифы на услуги для разных видов автомашин. Независимо от наличия национальных или иностранных номеров с них взимаются единые налоги (во втором случае они немного ниже). Плата за электричество для предприятий с иностранным участием производится также по расценкам китайских предприятий. Персонал зарубежного происхождения, включая соотечественников из Сянган и Аомэнь, организации и предприятия с зарубежным участием за покупку или аренду служебных помещений или за управление имуществом заводских корпусов, квартир на территории Шэньчжэня, вносят одинаковую с другими предпринимателями и организациями плату. Иностранные инвесторы предприятий, зарегистрированных в Шэньчжэне, персонал иностранного происхождения, занятый в Шэньчжэне, иностранные граждане, купившие имущество в Шэньчжэне, и иностранные учащиеся оплачивают расходы на медицинское обслуживание по единым расценкам с местными жителями. Кроме того, на них распространяются нормы оплаты за услуги туристических фирм, действующие для местных жителей. Благодаря льготным режимам в 1997 г. привлечение иностранного капитала согласованной суммы достиг 1,077 млрд. долл. США, увеличившись на 5.2% по сравнению с предыдущим годом.¹

После создания пяти ОЭР экономика в них стала развиваться гораздо быстрее, чем в любом другом районе страны. В 1997 г. общий объем экспорта составил 23,18 млрд. долл. США, по сравнению с 1996 г. рост - 31%, намного выше среднего уровня в стране - 20.9%; рост импорта пяти ОЭР достиг 7%, на

4.5% больше, чем в предыдущем году.² По темпам роста экономические системы ОЭР являются одними из первых, как в стране, так и во всем мире.

• **Открытые приморские города и открытые экономические зоны в приморских районах.** 14 открытых приморских городов, в ходе развития ориентирующиеся на внешний рынок, играют роль "окна" в мир и посредников, а созданные на их территории зоны технико-экономического освоения уже стали "горячими точками" инвестиций в глазах иностранных инвесторов. В 1996 г. ВВП этих районов в общей сложности достиг 215,5 млрд. долл. юаней, общий объем экспорта и импорта - 59,1 млрд. долл. США.³ Положительные результаты были достигнуты и в преобразовании старых предприятий, обновлении ассортимента продукции, заимствовании передовой техники и освоении новейших и высоких техник и технологий. Свыше тысячи видов товаров известных марок поступило на международный рынок. Во всех приморских экономических зонах наблюдается оживление в сфере иностранных инвестиций.

Успехи, достигнутые в 7 открытых приморских экономических зонах, созданных в приморской провинции Хэбэй, Гуанси-Чжуанском автономном районе, в экономическом треугольнике на юге приморской провинции Фуцзянь, а также в дельтах Янцзы и Чжужэнь, на Шаньдунском и Ляодунском полуостровах. Создание открытых приморских экономических зон направлено на то, чтобы превратить их в открытые районы с высокоразвитой экономикой и культурой, с высокой степенью модернизации, где при расширении внешних связей постепенно стираются различия между городом и деревней. В последние годы зарубежные деловые круги обратили свой взор на дельту реки Янцзы, где сосредоточены 14 городов, в том числе крупнейший торгово-промышленный центр Китая Шанхай, с прилегающими к ним обширными сельскими районами.

Так, в один из крупных экономических районов страны в восточном приморье Шаньдун крупные транснациональные корпорации одна за другой вкладывают свои капиталы, там наблюдается и тенденция быстрого роста использования инвестиций из-за рубежа. Общий объем фактически использованных зарубежных инвестиций в провинции уже достиг 15,4 млрд. долл. США.

В настоящее время из 500 ведущих корпораций мира более 50 вложили капиталы в Шаньдун. Это - "Дюпон", "Кока-кола", Меррил Линч Групп из США; "Сименс", "Диссен" из Германии; "Мицубиси", "Мацусита", "Мицуи" и "Итоцу" из Японии; "Нестле" из Швейцарии; "Дэу", "Хендай" из Республики Корея. Свыше 90% капиталов иностранных корпораций вложено в промышленность: в машиностроение, химическую промышленность, в производство химического волокна и запасных частей к автомобилям, в электронику, связь и производство продуктов питания. Транснациональные корпорации отличаются большим масштабом инвестиций. Так, объем инвестиций "Нипон Дэнки", "Тойота" (Япония) и "Дэу", "Хендай" (Республика Корея) в предприятия, производящие комплектующие детали автомобилей, превышает 1,1 млрд. долл. США.

Компания "Самсунг" (Республика Корея) уже вдвое увеличивали здесь свои капиталовложения, доведя их общий объем до 60 млн. долл. США. По данным статистического управления провинции, число предприятий с участием иностранного капитала, вдвое увеличивших свои вложения, подобно "Самсунгу", превысило 600. В 1996 г. более 200 предприятий сделали повторные капиталовложения, расширили производственные масштабы, объем добавленных средств превысил 700 млн. долл. США. По словам ответственного

работника Шаньдунского внешнеторгового и экономического комитета, главными факторами подобного увеличения капиталовложений являются лучшие условия инвестиций и высокий экономический эффект. Он аргументировал это тем, что в г. Яньтай введено в эксплуатацию 2000 предприятий с участием иностранного капитала, и свыше 90% из них являются рентабельными.

Увеличение зарубежных инвестиций содействует росту внешней торговли провинции. С января по октябрь 1996 г. объем экспорта предприятий с участием иностранного капитала достиг 3,821 млрд. долл. США, увеличившись в 31,3 раза по сравнению с соответствующим периодом 1995 г. Это составляет 46,6% общего объема экспорта всей провинции.⁴

По словам заместителя председателя пров. Шаньдун Ду Шичэна, провинция занимает пятое место в стране по объемам использования иностранных капиталовложений, уступая лишь провинциям Гуандун, Цзянсу, Фуцзянь и г. Шанхаю, а вот по масштабам зарубежных инвестиций в 1996 г. - первое место в стране. К настоящему времени более 10 тыс. предприятий с участием зарубежного капитала сданы в эксплуатацию и хорошо функционируют. Эффективность работы этих предприятий положительно влияет на расширение потока капиталов из-за рубежа. Следует особенно отметить, что транснациональные корпорации переходят от первоначальных пробных инвестиций в провинции Шаньдун к этапу масштабных капиталовложений. Теперь идут переговоры о сотрудничестве с крупными зарубежными корпорациями в строительстве железных дорог, предприятий электроэнергетики, машиностроения, по производству комплектующих частей к автомобилям и электронике. В 1996 - 2000 гг. провинция планирует привлечь зарубежные капиталовложения в объеме 20 млрд. долл. США.

Новый район Пудун и открытая экономическая полоса вдоль Янцзы. Новый район Пудун площадью в 350 кв. км. расположен на восточном берегу реки Хуанпу напротив старой части города Шанхая. Создание этого района рассчитано на превращение Шанхая в один из центров мировой экономики, финансов и торговли при использовании преимуществ его географического положения, интеллектуального и экономического потенциала. Это первый шаг к открытию городов бассейна Янцзы, призванный способствовать экономическому подъему как в дельте р. Янцзы, так и всех районов в бассейне этой реки. Словом, создание нового района Пудун является важной составной частью стратегических установок Китая в области экономического строительства на завершающее десятилетие XX века и на начало XXI века. Правительство Китая предоставило этому району более широкие льготы по сравнению с ОЭР. Так, в Пудуне применимы не только все установки, разработанные правительством для ОЭР и зон технико-экономического освоения (как например, частичное или полное освобождение от уплаты таможенных пошлин, торгово-промышленного и подоходного налогов, упрощение системы лицензирования экспорта и импорта), но и установлены такие льготы, которые действуют исключительно на территории Пудуна. Например, государство дало разрешение иностранным инвесторам на создание в Пудуне финансовых организаций, магазинов, супермаркетов и других предприятий третьего сектора, а также на открытие в Шанхае фондовой биржи и выпуск акций.

В 1990 г. Генеральный план развития нового района Пудун был утвержден Госсоветом КНР. В 1991 г. практически началось строительство, в 1996 г. валовой продукт района составил 51,02 млрд. юаней, увеличившись на 23,9% по сравнению с предшествующим годом; число предприятий с иностранным капиталом достигло 4265 (в том числе около 60 создано совместно с престижными транснациональными корпорациями), общая сумма объема ино-

странных инвестиций насчитывает 18,48 млрд. долл. США; Общий объем экспорта возрос до 3,22 млрд. долларов, увеличившись на 29,6% по сравнению с уровнем предыдущего года.⁵ Наиболее быстрое развитие отмечено в инфраструктурном строительстве. Переданы в эксплуатацию новые Наньпуский и Янпуский мосты через реку Хуанпуцзян, телебашня "Жемчужина Востока" высотой в 468 м., возвышающаяся над рекой Хуанпуцзян, ставшая символом города. Более того, в Вайгаоцяоской беспошлинной зоне, Луцзяцзуйской зоне торгово-финансовой деятельности, Цзиньцяоской зоне обрабатывающей промышленности с экспортной ориентацией и Чжанцзянской зоне по освоению новых и высоких технологий, которые уже готовы "вчера", идет функциональное строительство. Так, на участках Луцзяцзуйской зоны торгово-финансовой деятельности построено более 100 многофункциональных зданий, что позволяет ей стать центральной частью Пудуна, где превалирует торгово-финансовая деятельность. В Вайгаоцяоской беспошлинной зоне в 1996 г. зарегистрировано 2753 предприятия с участием зарубежного капитала, приняты меры для расширения беспошлинного складского хозяйства, развития ориентирующейся на внешний рынок обрабатывающей промышленности и увеличения реэкспорта. В Цзиньцяоской зоне обрабатывающей промышленности с экспортной ориентацией, являющейся костяком промышленности Пудуна, валовая продукция в 1996 г. превысила 15 млрд. юаней. В Чжанцзянской зоне по освоению высоких и новейших технологий приоритетно развиваются современная биофармацевтика, микроэлектроника и информационная техника, техника интеграции оптики, электроники и машиностроения. К концу 1997 г. на этой территории создано 22 филиала иностранных банков, рост объема импорта и экспорта - 22,6%, рост ВВП - 18,4%.⁶

Вслед за новым районом Пудун в июне 1992 г. по решению Госсовета КНР 6 городов по берегам р. Янцзы (Уху, Цзюцзян, Юеян, Ухань, Хуанши и Чунцин), а также Хэфэй, Наньчан, Чанша и Чэнду, являющиеся административными центрами провинций, стали открываться для внешнего мира. В настоящее время открытая полоса вдоль р. Янцзы растягивается от Пудуна (Шанхай) вплоть до Чунцинна (пров. Сычуань), охватывая 28 крупных и средних городов, 8 районов и более 1000 поселков, входящих в состав города Шанхай, провинций Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой, Цзянси, Хунань, Хубэй и Сычуань. Обширная территория, огромное население, богатые ресурсы, достаточно мощная промышленная и сельскохозяйственная база, сильный интеллектуальный потенциал, относительно низкая стоимость земли и труда - все это сделало открытую полосу вдоль р. Янцзы, расположенную в глубине страны и имеющую важное экономическое значение, районом с наиболее мощным в Китае потенциалом развития. Открытие внешнему миру Пудуна и районов вдоль р. Янцзы сулит иностранному капиталу на редкость благоприятные возможности для инвестиций в Китае, открывает ему доступ к широкому внутреннему рынку Китая.

Беспошлинные зоны. Создание беспошлинных зон является новым важным шагом, предпринятым китайским правительством для расширения иностранных инвестиций. Китайская беспошлинная зона представляет собой особую, полностью изолированную территорию, напоминая "свободный порт" или "зону беспошлинной торговли" некоторых стран мира. В этой зоне развиваются, главным образом, внешняя торговля, обрабатывающая промышленность, выпускающая экспортную продукцию, действует особая таможенная политика и проводятся особые правила таможенного управления и надзора. С 1990 г. с разрешения китайского правительства было создано 14 беспошлинных зон:

1. Вайгаоцяоская беспошлинная зона (Шанхай). Она находится на южном берегу устья реки Янцзы. Это зона беспошлинной торговли площадью 5,5 кв. км. является наиболее открытой в стране.

2. Беспошлинная зона порта Тяньцзинь. Расположена на территории Тяньцзиньского морского порта, занимает 5 кв. км. и является самой крупной беспошлинной зоной в Северном Китае.

3. Даляньская беспошлинная зона. Находится в восточной части Даляньской зоны технико-экономического освоения, площадью 1,25 кв. км. Играет важную роль в расширении внешних связей Северо-Восточного Китая с заграницей.

4. Шатоуцзяоская беспошлинная зона (Шэньчэнь). Находится в поселке Шатоуцзяо города Шэньчэнь, занимает всего 0,2 кв. км.

5. Фугяньская беспошлинная зона (Шэньчэнь) площадью 1,35 кв. км. расположена южной части города Шэньчэнь в пограничном пункте Хуанган, на границе с Сянганом.

6. Гуанчжоуская беспошлинная зона площадью 1,4 кв. км. Находится в северо-восточной части Гуанчжоуской зоны технико-экономического освоения.

7. Чжанцзянганская беспошлинная зона. Находится в нижнем течении реки Янцзы в восточной части территории Чжанцзяганского речного порта, проектная площадь - 4,1 кв. км., площадь первой очереди строительства - 2 кв. км. В настоящее время она является единственной в стране беспошлинной зоной, созданной в речном порту.

8. Хайкоуская беспошлинная зона. Находится в Цзиньпаньской зоне обрабатывающей промышленности города Хайкоу, общая площадь 1,93 кв. км.

9. Циндаоская беспошлинная зона находится на западном берегу залива Цяочжоувань близ города Циндао, проектная площадь 2,5 кв. км.

10. Нинбоская беспошлинная зона площадью 2,3 кв. км. Расположена в северной части Бэйлуньганского морского порта под г. Нинбо.

11. Фучжоуская беспошлинная зона. Находится на территории Мавэйской зоны технико-экономического освоения города Фучжоу, занимает 1,8 кв. км.

12. Сянъюйская беспошлинная зона города Сямэнь. Находится в Сямэньском ОЭР, площадь первой очереди строительства составляет 0,6 кв. км.

13. Шаньтоуская беспошлинная зона площадью 2,3 кв. км. находится в Шаньтоуском ОЭР.

14. Чжухайская беспошлинная зона с площадью 3 кв. км. находится в Хунваньском промышленном районе Чжухая.

Беспошлинные зоны Китая на первом этапе своего существования развиваются успешно. К 1996 г. в 14 районах насчитывалось 14973 китайских предприятия и предприятия с иностранным участием, уставные капиталы которых составили 24,15 млрд. долл. США. Численность предприятий с иностранным капиталом составила 1738, объем капиталовложений, оговоренный в договорах, составил 8,263 млрд. долл. США.⁷

Открытые приграничные города. Начиная с марта 1992 г., Китай открыл внешнему миру 13 приграничных городов: Хуньчунь (пров. Цзилинь), Суйфэньхэ, Хэйхэ (пров. Хэйлуцзян), Маньчжурия, Эрлян-Хото (авт. р-н Внутренняя Монголия), Тачэн, Болэ, и Инин (Синьцзян-Уйгурский авт. р-н), Хэкоу, Ваньдин, Жуйли (пров. Юаньнань), Пинсян и Дунсин (Гуанси-Чжуанский авт. р-н). Некоторое время спустя китайское правительство приняло решение открыть еще и административные центры 7 приграничных и приморских провинций (автономных районов), а именно: города Наньнин, Куньмин, Урумчи, Хух-хото, Харбин, Чанчунь и Шицзячжуан.

Приграничные города обладают уникальным географическим преимуществом для развития торгово-экономического сотрудничества с соседними странами. В настоящее время разворачивается международное экономическое сотрудничество и приграничная торговля на основе бартера. Согласно постановлениям Госсовета КНР все 13 открытых приграничных городов имеют право создавать на своей территории зоны приграничного экономического сотрудничества, где применяется та же льготная политика, что и для приморских зон технико-экономического освоения. Все открытые приграничные города развивают приграничную торговлю, обрабатывающую промышленность, выпускающую экспортную продукцию, туризм, чем содействуют экономическому процветанию и социальному прогрессу своих районов. В 1995 г. ВВП 13 открытых приграничных городов составил 19,12 млрд. юаней, увеличившись на 91,2% по сравнению с 1991 г. В них создано 287 предприятий с участием зарубежного капитала, фактически использованные зарубежные инвестиции составили 890 млн. долл. США.

Развитие внешней торговли и внешнеэкономических связей. Одним из особо важных направлений стратегии Китая по открытию страны внешнему миру и ее модернизации является расширение торгового и технико-экономического сотрудничества с другими странами. С 1979 г. Китай добился быстрого прогресса в этих областях. Помимо увеличения экспорта и импорта, активизации заимствования иностранных технологий, совершенствования политики оказания материальной помощи другим странам, Китай стал развивать сотрудничество по использованию иностранного капитала, выполнению подряда на строительство объектов за рубежом и предоставление трудовых услуг, по экспорту технологий, инвестированию и созданию предприятий за рубежом, получению международной технико-экономической помощи на основе двусторонних или многосторонних соглашений. В результате в стране стала оформляться многообразная по формам архитектура международного сотрудничества и обмена, при которой экспорт рассматривается как основа внешней торговли, а все внешнеэкономические и внешнеторговые организации, оказывая содействие друг другу, добиваются общего развития. К концу 1996 г. Китай установил торгово-экономические связи с 227 странами и регионами мира, создав за рубежом более 4379 своих предприятий.⁸

В 1994 г. были сделаны значительные шаги в реформе системы внешней торговли. В частности, аннулирован директивный план внешней торговли, разработан индикативный план по общему объему импорта, поступлениям от экспорта и использованию валюты для импорта товаров, совершенствуется управление нормированием импорта и экспорта важных товаров, продолжается регулирование структуры таможенных тарифов, ускоряется процесс законотворчества в области внешней торговли. В 1995 г. последовательно отменены система лицензий на импорт и система нормирования части товаров, сократилось число нетарифных мер, улучшается и совершенствуется метод управления платными торговыми нормированиями экспортных товаров, расширилась сфера платных торгов нормированными товарами. Китай осуществляет эти реформы для того, чтобы его внешняя торговля отвечала требованиям Всемирной торговой организации (ВТО), чтобы постепенно создавался механизм, соответствующий общепринятым правилам мировой экономики.

Внешнеэкономические связи и внешняя торговля Китая и впредь будут развиваться в соответствии с требованиями системы социалистической рыночной экономики и международными стандартами. Стремясь к тому, чтобы внешнеэкономическая деятельность в еще большей степени соответствовала международным стандартам, Китай в июле 1986 г. подал заявку на восста-

новление своего места в Генеральном соглашении о тарифах и торговле (ГАТТ) (Китай, будучи одним из государств-учредителей ГАТТ, по известным историческим причинам прекратил в свое время связь с этой организацией). В марте 1987 г. была создана "Рабочая группа по вопросу о статусе Китая в качестве государства-участника ГАТТ" при совете ГАТТ, которая с 1992 г. начала конкретные переговоры по проблеме восстановления места Китая в этой организации. В связи с требованием восстановления места Китая в ГАТТ и развития мировой торговли китайское правительство снизило в 1991 г. таможенные пошлины на 225 наименований импортных товаров, а в 1992 г. - еще на 3371 наименование, в 1993 г. урегулировало импортные тарифы на 2898 наименований товаров, что позволило снизить таможенный тариф до 35,9%. В апреле 1996 г. Китай в еще большем масштабе снизил пошлины более чем на 4000 наименований импортируемых товаров, доведя таможенный тариф до 23%. Китайское правительство дало обещание в конечном итоге снизить таможенную пошлину до среднего уровня по развивающимся странам мира (15%) и упразднило более двух третей лицензий на импорт. Китай также присоединился к заключительному документу в рамках торговых переговоров "Уругвайского раунда" и к соглашению о ВТО, пошел, как развивающаяся страна на максимальные уступки, на нынешнем этапе, что полностью показало его искренние намерения в этом вопросе. Достойно сожаления, однако, что не удалось договориться о восстановлении места КНР в ГАТТ до создания ВТО лишь из-за того, что отдельные договаривающиеся стороны отстаивают свои требования, намного превышающие уровень развития Китая на нынешнем этапе. Поскольку к концу 1995 г. ГАТТ уже выполнил свою историческую миссию, учрежденная при нем Рабочая группа по вопросам статуса КНР как государства-учредителя ВТО была переименована в Рабочую группу по вопросам участия Китая в ВТО. В настоящее время торгово-экономическая система Китая отвечает условиям ГАТТ, основным условиям для участия в ВТО. Правительство КНР избрало четкую принципиальную позицию в вопросе участия в ВТО, а именно: при условии признания Китая развивающейся страной и на основе договоренностей в рамках "Уругвайского раунда" Китай готов взять на себя посильные обязательства в соответствии с уровнем развития национальной экономики. Придерживаясь этой позиции, Китай в то же время проявляет большую гибкость и реализм на переговорах. Независимо от того, когда Китай станет участником ВТО, он, как и прежде, будет продвигать вперед реформу, открытость и модернизацию страны, на равноправной и взаимовыгодной основе развивать двустороннее и многостороннее торгово-экономическое сотрудничество и торговые связи с другими странами мира, прилагать неустанные усилия к созданию свободного справедливого порядка во всемирной торговле.

Импорт и экспорт. В 1995 г. объем экспорта и импорта Китая достиг 280,85 млрд. долл. США (в том числе экспорт составил 148,77 млрд. долл., импорт 132,08 млрд. долл. США), то есть увеличился более чем в 13,6 раза по сравнению с 1978 г. По объему внешней торговли Китай передвинулся с 32-го места (1978) на 10-ое (настоящее время). В структуре экспорта промышленная продукция составила в 1995 г. 85,6% (в 1978 г. - 46,5%), продукты первичной переработки 14,4% (в 1978 г. - 53,5%).⁹ В структуре импорта 80% составила готовая промышленная продукция. А объем импорта и экспорта 1996 г. достиг 289,9 млрд. долл. США (рост 3,2%). Объем экспорта составил 151,07 млрд. долл. США (рост 1,5%), объем импорта 138,83 млрд. долл. США (рост 5,1%). Активное сальдо торгового баланса за год достигло 12,24 млрд. долл. Продолжала улучшаться структура экспорта и импорта. В экспорте удельный вес

электротехнической и машиностроительной продукции возрос с 29,5 в предыдущем году до 31,9%. Эта статья вывоза по-прежнему занимает первое место в экспорте Китая. В области импорта значительно возрос ввоз таких дефицитных товаров, как сырье, энергоносители и транспортное оборудование.

Импорт и экспорт продукции предприятий с иностранным участием составил в 1996 г. 137,1 млрд. долл. США, увеличившись на 24,8%, это составляет 47,3% от общего импорта и экспорта страны (в 1995 г. - 39,1%). Объем внешней торговли со странами Океании, Латинской Америки увеличился соответственно на 19,7% и 10%, значительно превысив темпы роста торговли с другими континентами. Из них первыми четырьмя торговыми партнерами Китая являются Япония, США, Сянган и Европейский союз. В первом полугодии 1997 г. общий объем экспорта и импорта составил 143,87 млрд. долл. США, из них 80,82 млрд. долл. пришлось на экспорт, что на 26,2% больше по сравнению с аналогичным периодом 1996 г. Хотя этот рост и носит восстановительный характер, тем не менее он заложил фундамент для выполнения целевых показателей плана по экспорту за весь год. Нельзя упускать из виду и тот факт, что синхронно увеличивается объем экспорта на отечественных предприятиях и предприятиях, основанных полностью на зарубежном капитале.

Таблица 1

Рост экспорта и импорта Китая (в млрд. долларов США)

Год	Импорт	Экспорт	Общий объем внешней торговли
1978	10,89	9,75	20,64
1985	42,25	27,35	69,60
1990	53,35	62,09	115,44
1991	91,84	71,84	135,63
1992	80,60	85,01	165,61
1993	103,90	91,84	195,70
1994	115,70	121,00	236,70
1995	132,08	148,77	280,85
1996	138,83	151,07	289,90
1997	142,36	182,70	325,06

Источник: Материалы Главного таможенного управления КНР.

С 1 октября 1997 г. Китай решил в очередной раз крупномасштабно снизить уровень импортных пошлин. Это решение касается 4874 из 6633 видов товаров, внесенных в действующий таможенный тариф. В результате общий уровень таможенных пошлин снизился с 23 до 17%.

Значительно снижены пошлины на ряд важных импортных товаров, таких, как цветные телевизоры, холодильники, кондиционеры, стиральные машины, микроволновые печи, лазерные плееры и автомобили, относящиеся к числу промышленной продукции; духи и другие парфюмерные товары, обувь, головные уборы, ткани из искусственных волокон, костюмы, относящиеся к бытовым товарам; а также химическое сырье и другие сырьевые ресурсы. Однако остались неизменными импортные пошлины на продовольствие, хлопок и другие сельхозпродукты, имеющие важное значение для государства.

Это четвертое снижение Китаем таможенных пошлин с 1992 г., когда пошлины были снижены на 2898 видов товаров. В 1993 г. произошло снижение пошлин на 3371 вид товаров, в 1996 г. на 4900 видов товаров, не считая некоторых единичных случаев частичного снижения таможенных пошлин. В

результате общий уровень таможенного тарифа Китая снизился с 43,2 до 17%. Проведенное за четыре года столь крупномасштабное снижение таможенных пошлин продемонстрировало решимость китайского правительства в дальнейшем расширять внешние связи и углублять реформы. Это оказало позитивное влияние на формирование социалистической рыночной экономики и упорядочение отраслевой структуры промышленности, а также на укрепление конкурентоспособности отечественных предприятий на мировом рынке.

Использование иностранного капитала. Привлекаемые иностранные средства состоят из внешних займов и прямых инвестиций зарубежных бизнесменов. За 1979-1995 гг. было фактически освоено 229,14 млрд. долл. США, из них 91,44 млрд. долл. составили внешние займы, а 137,7 млрд. долл. прямые зарубежные инвестиции. Продолжался устойчивый рост использования иностранного капитала. В 1996 г. фактическое использование иностранных инвестиций составило 55,27 млрд. долл. США (рост 14,2%). В том числе прямые инвестиции зарубежных предпринимателей составили 42,35 млрд. долл. США (рост 12,2%). Использование иностранных инвестиций позволило Китаю преодолеть нехватку в капитальном строительстве, ускорить освоение энергоресурсов, развитие транспорта, связи и сырьевой промышленности, заимствовать передовую зарубежную технику и технологии, повысить свои возможности увеличения валютных доходов за счет экспорта. Зарубежные инвесторы, в свою очередь, получили возможность вступать на китайский рынок, извлекая оттуда прибыль.

Источники внешних займов — это преимущественно иностранные правительственные кредиты, кредиты международных финансовых организаций, иностранные банковские ссуды на экспорт, а также ценные бумаги и акции, вложенные Китаем за рубежом для изыскания средств. Китай использует внешние займы главным образом на строительство крупных и средних объектов, большинство которых относятся к инфраструктурным отраслям, таким, как энергетика, транспорт и связь. В то же время немало объектов связано с нефтехимической, металлургической и легкой промышленностью, сельским хозяйством, а также с культурой и просвещением и научными исследованиями.

За 1979-1995 гг. Китай создал 258 тыс. объектов с участием иностранного капитала, из них 234 тыс. относятся к предприятиям с совместным капиталом, предприятиям совместного ведения хозяйства и предприятиями, основанным целиком на иностранном капитале. Капиталовложения в основные фонды в 1996 г. составили 2366 млрд. юаней, что на 18,2% больше, чем в 1995 г. (с учетом роста цен реальный рост составил 12,7%). В том числе капиталовложения госсектора составили 1235,9 млрд. юаней (рост 13,4%); коллективного сектора — 349 млрд. юаней (рост 6,1%); инвестиции граждан в городах и селах — 333 млрд. юаней (рост 30,1%); инвестиции других секторов — 448,1 млрд. юаней (рост 37%). Вложения в капитальное строительство — 839,9 млрд. юаней (рост 13,4%), прирост снизился по сравнению с 1995 г. на 1,6%; вложения в техническую реконструкцию и обновление оборудования — 374,5 млрд. юаней (рост 13,5%), темпы роста повысились на 0,4%; вложения в строительство недвижимого имущества — 328,5 млрд. юаней (рост 21,5%), темпы роста снизились на 1,8%.¹⁰

Капиталовложения по отраслям (здесь и дальше не включаются капиталовложения сельских коллективов и жителей): вложения в сельское, лесное, рыбное, водное хозяйство, животноводство и ирригационное строительство составили 33,6 млрд. юаней (рост по сравнению с 1995 г. - 27,5%), удельный вес от общего объема капиталовложений повысился с 1,8 до 1,9%; вложения в

энергетическую промышленность составили 293,8 млрд. юаней (рост 21,2%), удельный вес повысился с 16,7% до 16,9 %; вложения в сырьевую промышленность составили 150,5 млрд. юаней (рост 2,9%), удельный вес снизился с 10,1 до 8,7%; вложения в машиностроение и электронную промышленность составили 87,2 млрд. юаней (рост 21,1%), удельный вес такой же, как в 1995 г.; вложения в легкую и текстильную промышленность составили 99,9 млрд. юаней (рост 10,7%), удельный вес снизился с 6,2 до 5,7%; капиталовложения в транспорт и связь составили 301,2 млрд. юаней (рост 22,1%), удельный вес повысился с 17 до 17,3%.

Капиталовложения по регионам: рост вложений в восточные районы идет несколько быстрее, чем в центральные и западные районы. В 1996 г. вложения в 12 восточных районов составили 1038 млрд. юаней (рост 17,4%), вложения в 9 центральных районов составили 368,2 млрд. юаней (рост 16,6%), вложения в 9 западных районов составили 211,3 млрд. юаней (рост 11,2%).¹¹

В 1996 г. было завершено и введено в эксплуатацию 134 крупных и средних объектов, в том числе 33 ключевых объектов государства, на 340 объектах было произведена реконструкция и обновление. Введенные в 1996 г. мощности: по угледобыче — 10,45 млрд. тонн, по выработке электроэнергии — 15,25 млн. кВт, по нефтедобыче — 19,73 млн. тонн, по добыче газа — 4,4 млрд. кубометров (цифры по нефтедобыче и газодобыче включают мощности, добавленные в результате проведения технической реконструкции и реновации), по выплавке чугуна — 2,5 млн. тонн, по выпуску автомобилей — 290 тыс. штук, по производству этилена — 740 тыс. тонн (в пересчете на 100-процентно эффективные компоненты), по заготовке древесины — 290 тыс. кубометров; было сдано в эксплуатацию 1954 км. новых железнодорожных путей и 1522 км. вторых путей; пропускная способность вновь построенных и расширенных портов — 3,4 млн. тонн; емкость коммутаторов телефонной сети — 21,07 млн. абонентов; протяженность волоконно-оптической линии связи — 20 тыс. км.; протяженность новой микроволновой линии связи — 10 тыс. км.; 1117 км. новых скоростных автострад.

В 1996 г. было завершено и пущено в эксплуатацию 81974 объекта капитального строительства, реконструкции и обновления, коэффициент завершения и введения в эксплуатацию объектов 54,2%, что на 0,8% ниже, чем в 1995 г.; объем увеличения основных фондов составил 723,8 млрд. юаней, коэффициент введения в эксплуатацию основных фондов составил 59,6% (рост 0,4%); в 1996 г. площадь строительных объектов, сданных в эксплуатацию, составила 235,23 млн. кв. м.; коэффициент введения в эксплуатацию — 44,9% (рост по сравнению с 1995 г. составил лишь 0,2%).

Таким образом, по статистике 1995 г., Китай занимает второе место в мире по привлечению прямых зарубежных инвестиций. С начала 80-х гг. центральное и местные правительства Китая предприняли все возможные меры для привлечения материальных и людских ресурсов на строительство аэропортов, автотрасс, систем связи, электростанций, объектов водоснабжения, что обеспечивает благоприятные условия для создания в Китае предприятий с иностранным капиталом, вместе с тем Китай проявляет гибкость в привлечении зарубежных инвестиций. Разработано и опубликовано более 500 законов и законоположений, касающихся экономической деятельности иностранных граждан в Китае, что создало первичную законодательную базу и предоставило юридические гарантии иностранцам, вкладывающим капитал в Китае. В июле 1995 г. опубликованы "Временные положения по регулированию направлений зарубежных инвестиций" и "Каталог приоритетных хозяйственных объектов для привлечения зарубежных капиталовложений", в которых

топливо и энергетика, транспорт, важные ресурсы и материалы, новая аграрная техника и новые технологии отнесены к числу тех объектов, где поощряются инвестиции из-за рубежа. Некоторые другие отрасли, например внешняя торговля, воздушный транспорт, внутренняя торговля, финансы, а также добыча, выплавка и обработка благородных металлов, отнесены к числу объектов второй категории. В прошлом вложение зарубежного капитала в них вообще запрещалось, теперь это допускается в отдельных случаях.

Международное технико-экономическое сотрудничество. Китай развивает технико-экономическое сотрудничество с другими странами главным образом в следующих трех направлениях: оказание технико-экономической помощи другим странам; выполнение подрядных работ по строительству объектов за рубежом, предоставление рабочей силы иностранным заказчикам и капиталовложения за рубежом; получение у других стран технико-экономической помощи на основе многосторонних и двусторонних международных соглашений.

В начале 50-х гг., руководствуясь "восемью принципами", выдвинутыми покойным Премьером Чжоу Эньлаем в 1964 г., и принципом "действовать по мере своей возможности", Китай начал предоставлять технико-экономическую помощь развивающимся странам. Эта помощь направляется в такие отрасли их народного хозяйства, как земледелие, лесное и водное хозяйство, легкая, текстильная и пищевая промышленность, электроэнергетика, машиностроение, металлургия, химическая промышленность, транспорт, а также культура и просвещение, здравоохранение, коммунальное хозяйство и т.д. Среди объектов, построенных с помощью Китая, есть не только крупно- и среднemasштабные, но и мелкие, требующие небольших капиталовложений, но дающие быстрый и высокий эффект. К концу 1995 г. Китай оказал содействие более 1500 объектам за рубежом, а число стран и регионов, получивших помощь Китая, составило 102.

Подрядное строительство за рубежом, предоставление рабочей силы иностранным заказчикам и инвестиции за рубежом Китай начал с 1976 г. К концу 1995 г. Китаем были подписаны соответствующие соглашения со 178 странами и районами мира, касающиеся 82 тыс. объектов на общую стоимость 50,07 млрд. долл. США. Фактически выполнены заказы на более чем 32,16 млрд. долл. Хотя китайские компании вступили на международный рынок подрядного строительства и трудовых услуг достаточно поздно, тем не менее они, руководствуясь принципами "соблюдение договора, гарантия качества, извлечение умеренной прибыли, укрепление дружбы", снискали хорошую репутацию. Многие из важных объектов, построенных китайскими компаниями за рубежом, там именуют "объектами-образцами", "окнами в Китай". Среди них, например автострада Ал Муфро-Ал Муха, президентская резиденция и жилые дома на 600 квартир в Йеменской Арабской Республике, коммунальные строительные объекты и автодорожный мост через залив на острове Бубиян в Кувейте, здание международного банка в Аомэне, порт им. Кеннеди в Сянгане, гостиница "Патя" в Таиланде, жилые дома на 1000 квартир в каирском микрорайоне "6 октября" и Центр международных конференций в Каире (Египет), канал в Тунисе, реконструкция новой части города Айн Усэра в Алжире, Макарская гидроэлектростанция в Белизе, расчистка фарватера нефтяного порта в Мексиканском заливе и т.д. В 1997 г. число предприятий, созданных китайскими компаниями и предприятиями более чем в 140 странах и районах пяти континентов, полностью или частично на собственном капитале, достигло 5357, общий объем капитала составил около 6064 млрд. долл. США. Их деятельность связана с освоением природных ресурсов, промыш-

ленным и сельскохозяйственным производством, переработкой и сборкой, подрядным строительством, транспортом, финансами и страхованием, здравоохранением, туризмом, общественным питанием, информационным обслуживанием и т.д. Эти предприятия постепенно превращаются в крупные производственные объединения, отличающиеся современным управлением и диверсификацией хозяйствования.

В рамках многостороннего сотрудничества с ООН в области развития Китай, начиная с 1997 г., отказался от своей многолетней практики одностороннего оказания помощи другим странам, и взял курс на "одновременное оказание помощи другим и получение помощи от других". Согласно этому курсу, Китай, продолжая делать взносы в Фонды ООН на многостороннюю помощь странам третьего мира, получает безвозмездную технико-экономическую помощь от органов ООН. С помощью Программы развития ООН, Организации по промышленному развитию, Фонда ООН по вопросам народонаселения, Детского фонда ООН, Организации ООН по продовольствию и сельскому хозяйству, Департамента технического сотрудничества, Бюро помощи пострадавшим от стихийных бедствий, Центра транснациональных корпорации, Международного торгового центра и других органов ООН оказано содействие многочисленным объектам в Китае. Одновременно китайское правительство получило от некоторых развитых стран безвозмездную технико-экономическую помощь для строительства объектов, имеющих сравнительно высокую экономическую и социальную эффективность. Такая двусторонняя и многосторонняя международная помощь играет позитивную роль в экономической, социальной, научно-технической областях, развитию которых китайское правительство уделяет приоритетное внимание.

-
1. *Analyses of the Economic Situation in 1997 and Prospects for the Development of the Economic in 1998.* Пекин, 1998. С. 206.
 2. Там же. С. 207
 3. Китай. Пекин, 1997. С. 72 (на русск. яз.).
 4. Это - КНР. Пекин, 1997. № 1 (на русск. яз.).
 5. Китай. Пекин, 1997. С. 89.
 6. *Analyses of the Economic Situation in 1997 and Prospects for Development of the Economic in 1998.* Пекин, 1998. С. 208.
 7. Китай. Пекин, 1997. С. 92.
 8. Там же. С. 116.
 9. Там же. С. 112.
 10. Китай. Цифры и Факты. Пекин, 1997. С. 85 (на русск. яз.).
 11. Там же.

Контроль за экспортом и импортом в Японии

© 1999

О.Иванов

Система регулирования экспорта

Япония официально декларирует приверженность свободной торговле и избегает принятия каких бы то ни было рестриктивных мер, не совместимых с фундаментальными принципами Всемирной торговой организации (ВТО). Принцип свободы торговли закреплен в Законе о контроле за валютными операциями и внешней торговлей, гласящем, что «внешнеэкономические операции будут осуществляться в принципе свободно» (Ст.1). Одновременно в законодательном порядке закреплено право применять «минимально необходимые» меры регулирования в целях поддержания международного мира и безопасности; упорядочения экспортных операций; балансировки внутреннего спроса и предложения; выполнения международных обязательств.

Применяемые сегодня в Японии виды экспортного контроля со стороны Министерства внешней торговли и промышленности включают:

• *Контроль за экспортом товаров и технологий двойного назначения.* С роспуском Координационного комитета по многостороннему контролю за стратегическим экспортом (КОКОМ) в марте 1994 г. Япония в качестве члена нового форума «Вассенарская договоренность ограничивает экспорт товаров и технологий «особой чувствительности» в страны, «вызывающие международную озабоченность» (в частности, КНДР, Иран, Ирак и Ливию). Перечень запрещенных и ограниченных к экспорту товаров и пунктов назначения содержится в Приложениях 1 (Контроль по соображениям безопасности) и 2 (Контроль по экономическим соображениям), Указа (кабинета министров) о контроле за экспортной торговлей.

• *Контроль за экспортом вооружений и оборудования для их производства* регулируется в Японии в соответствии с «Тремя принципами экспорта вооружений» и «Основными направлениями политики в области экспорта вооружений». «Принципы» предусматривают запрет на экспорт вооружений в: а) страны коммунистического блока; б) страны, на экспорт вооружений в которые наложено эмбарго резолюциями ООН; в) в страны, которые вовлечены или вероятно могут быть вовлечены в международные конфликты. «Основные направления», предусматривают, что экспорт оборудования для производства вооружений будет иметь такой же режим, как и экспорт собственно вооружений.

• *Контроль за экспортом ракет, ракетного оборудования и технологий.* В соответствии с основными направлениями Режима по контролю за ра-

кетными технологиями (РКРТ) ракеты и ракетное оборудование включены в приложение 1 Указа о контроле за экспортной торговлей.

• *Контроль за сырьем для химического оружия.* Химические вещества, которые могут использоваться как сырье для производства химического оружия, включены в приложение 1 Указа о контроле за экспортной торговлей.

Контроль за ядерными материалами. В соответствии с Договором о нераспространении материалы, связанные с ядерной энергией, включены в приложение 1 Указа о контроле за экспортной торговлей, а для их экспорта необходимо разрешение министра внешней торговли и промышленности.

• *Контроль за экспортом, связанным с решениями ООН о санкциях.* В соответствии с резолюциями Совета безопасности ООН Япония в разное время вводила следующие ограничения на экспорт: санкции против ЮАР (резолюция СБ ООН № 418 от 4 ноября 1977 г. о запрете на экспорт вооружений); санкции против Ирака (резолюция СБ ООН № 661 от 6 августа 1990 г. о полном запрете экспорта); санкции против Сомали (резолюция СБ ООН № 733 от 23 января 1992 г. о запрете на экспорт вооружений); и др.

Контроль в целях обеспечения адекватного внутреннего предложения. В приложении 2 к Постановлению правительства о контроле за экспортной торговлей содержится перечень товаров, экспорт которых (среди них тутовый шелкопряд, рис, пшеница, ячмень, удобрения, лес и др.) требует одобрения из-за необходимости обеспечения бесперебойности внутреннего потребления.

В свою очередь Министерство финансов Японии осуществляет **финансовый контроль за экспортными сделками.** В частности, установлен определенный порядок оформления финансовой процедуры экспортной сделки, по которому экспортер обязан получить банковское разрешение. Экспортер представляет в банк экспортную декларацию, документы, указывающие на выбранный способ платежа, а также, в случае необходимости, разрешение на экспорт.

Сохраняя принципиальную приверженность принципу свободы торговли, Япония не могла не учитывать реалий международного товарообмена, протекционистских настроений в странах, являющихся покупателем ее продукции. Стремясь избежать одностороннего введения импортных ограничений на свои товары, Япония не раз прибегала к добровольным ограничениям экспорта (ДОЭ).

В разные годы, на разные сроки и в разных объемах Япония прибегала к добровольным ограничениям своего экспорта легковых автомобилей (в США), самосвалов (в ЕС), станков (в США и ЕС), полупроводников (в США), стали (в США), тканей из полиэстера (в Канаду), тканей из синтетического волокна и хлопчатобумажных тканей (в ЕС) и других товаров.

Соглашением по закупным мерам ВТО (ранее ГАТТ) применение защитных мер, не регулируемых ее правилами, включая ДОЭ (т.н. «меры серой зоны»), было запрещено, и требуется их устранение в течение четырех лет. Япония взяла курс на сворачивание использования ДОЭ в своей торговой практике еще до заключения соглашения. В 1992 г. она объявила о том, что не будет продлевать действие ДОЭ на станки в США. В марте 1993г. закончились 13-летние ДОЭ на автомобили и сталь в США. В декабре 1994 г. японцы объявили об окончании 30-летних добровольных ограничений на экспорт гончарных и керамических изделий.

Японское законодательство (Закон об экспортно-импортных операциях) допускает возможность создания экспортных картелей в виде исключения из антимонопольного закона для целей предотвращения «нечестной» экспортной практики или упорядочения экспортной практики. Экспортные картели могут создаваться лишь с разрешения МВТП и Комиссии по честным и справедли-

вым сделкам. Министр внешней торговли и промышленности может также отдать приказ о модификации или даже прекращении деятельности таких картелей, если она противоречит национальным интересам.

В 1992-95 гг 17 из 28 существовавших экспортных картелей были ликвидированы. Оставшиеся 11 картелей можно условно отнести к трем типам: 1) тесно связанные с ДОЭ и имеющие целью предотвращение торговых трений со странами, которые в противном случае могут применить ответные реструктуривные меры в отношении японского экспорта (три картеля); 2) имеющие целью не допустить нарушений как внутри страны, так и за рубежом промышленных знаков и торговых марок или не допустить экспорт низкокачественных товаров (четыре картеля); 3) выступающие против монополий в других странах (четыре картеля). В июне 1994 г. в рамках пакета мер по дерегулированию правительства объявило о том, что пересмотрит все юридические механизмы регулирования деятельности остающихся картелей, имея в принципе в виду их ликвидацию в течение пяти лет.

Учитывая исключительную важность экспорта для экономики Японии, правительство осуществляет контроль за качеством экспортной продукции.

В соответствии с Законом об экспортных операциях обязательной инспекции подвергаются экспортные товары, входящие в специально утвержденный перечень.

Экспортные проверки подразделяются на четыре типа: инспекция качества товара; инспекция упаковки в целях сохранения качества товара при транспортировке; инспекция применяемых материалов, а также производственная инспекция. Товары, которые успешно прошли инспекцию могут также получать экспортный сертификат, который прилагается к экспортной декларации, и представляется в таможенные органы при выполнении соответствующих формальностей.

Контроль качества экспортируемых товаров осуществляется соответствующими государственными органами или частными инспекционными организациями (агентствами), утвержденными соответствующим министром. Для того чтобы получить право на инспектирование, такое агентство должно отвечать определенным стандартам.

В настоящее время в Японии существует три правительственных органа и 36 назначенных частных агентств.

В Японии действует запрет на экспорт пяти категорий товаров: находящиеся под угрозой исчезновения животные и растения; наркотики; поддельная валюта и другая продукция, распространение которой является уголовным преступлением; сокровища, являющиеся национальным достоянием и другие особо ценные произведения искусства. В 90-е гг. список запрещенных к экспорту товаров пополнился сырьем для производства наркотических и психотропных веществ (июнь 1992 г.) и рядом редких диких животных и растений (апрель 1993 г.).

Государственное регулирование импорта

Среди применяемых в Японии различных торгово-политических инструментов важное значение имеет тарифная система. *

По сравнению с другими основными участниками международной торговли импортный тариф Японии как барьер на пути проникновения иностранных товаров на японский рынок, невысок: по итогам Уругвайского раунда средний импортный тариф в развитых странах на промышленные изделия

составлял 6,3%, в том числе в США - 4,6%, ЕС - 5,7%, Канаде - 9%, а в Японии - лишь 3,9%.

В японском импортном тарифе предусмотрен беспошлинный ввоз примерно трети товаров (в основном сырьевых).

Как и в большинстве промышленно развитых стран, в японском импортном тарифе размер ставок пошлин находится в зависимости от степени обработки товара. Эта эскалация ставки весьма заметна, например, по продовольственным товарам (средняя ставка пошлины составляет по первично обработанным продуктам 4,8%, а полуфабрикатам - 23,5%), текстильным товарам (пошлина по первично обработанным изделиям составляет 0,8%, полуфабрикатам - 7,9%, а готовым изделиям - 11,3%), цветным металлам (необработанные - 0, полуобработанные - 3,3%, готовые изделия - 4,6%).

Абсолютное большинство пошлин (99%) в японском импортном тарифе установлены в стоимостном выражении и только 1% в фиксированном размере с единицы всего веса, объема, количества (специфические пошлины).

Таможенный тариф содержит в настоящее время четыре колонки ставок: общие, ГАТТ/ВТО, преференциальные, временные.

Общие (базовые) ставки установлены законом о таможенном тарифе с разбивкой всех товаров на 21 группу, 99 секций и 1010 позиций (в ряде случаев и с более детальной разбивкой на подпозиции).

Базовые ставки практического применения почти не имеют, поскольку в соответствии с Законом о временных тарифных мерах ежегодно или по мере необходимости устанавливаются временные ставки, которые и применяются в случае их расхождения с базовыми. Временные ставки устанавливаются в зависимости от конкретной ситуации на рынке определенного товара и в экономике Японии в целом.

Преференциальные тарифные ставки введены для наименее развитых стран в рамках классификации ЮНКТАД (ставки устанавливаются странами самостоятельно, поскольку ЮНКТАД конкретных ставок не устанавливает).

Общая система преференций (ОСП) занимает важное место во внешней торговле Японии.

В настоящее время преференциальные ставки пошлин применяются по отношению к импорту из 155 развивающихся стран и 25 территорий (в 1971 г. - 96 стран, в 1985 г. - 123 страны), причем для 41 из них установлен беспошлинный ввоз для всех их продуктов. Из японской системы преференций, однако, исключены также некоторые «чувствительные» сельскохозяйственные товары, например, зерно, сахар, молоко и молочные продукты, мясо и мясопродукты, а также нефтепродукты. Льготы ОСП распространяются на 5% японского импорта в целом и на 10% импорта из развивающихся стран. При этом на пять крупнейших бенефициаров (КНР, Ю.Корея, Тайвань, Тайланд и Малайзия) приходится 3/4 импорта по ОСП.

При определении ставки пошлины для таможенного обложения в современном таможенном тарифе Японии (Customs Tariff Schedules of Japan) пользуются следующим правилом: сначала берется преференциальная ставка, а если она отсутствует, то последовательно анализируется ставка ГАТТ/ВТО, временная и базовая (общая) ставки. Если ставка ГАТТ/ВТО превышает другие ставки, используется временная ставка, а в случае ее отсутствия - общая ставка.

В соответствии с системой тарифных квот товары облагаются пошлиной по первичной ставке до тех пор, пока объем импорта не достигнет определенной величины, после чего вступает в действие более высокая вторичная ставка. Как правило, тарифные квоты (т.е. количество товара, облагаемого

пошлиной по первичной ставке) определяется вычитанием объема внутреннего производства из объема спроса на данный товар внутри страны. Тарифные квоты устанавливаются ежегодно особым постановлением кабинета министров. В настоящее время тарифные квоты применяются к таким товарам, как сыр, зерно и кожаная обувь. •

В целях регулирования и ограничения ввоза ряда товаров Япония широко использует и другие (нетарифные) торгово-политические средства.

Наиболее характерными для нынешнего этапа формами нетарифного регулирования импорта можно считать следующие.

Импортные квоты в Японии в настоящее время распространяются на 77 товарных наименований, 23 относятся к основным продуктам японского сельского хозяйства.

В результате Уругвайского раунда Япония согласилась заменить импортные квоты на сельскохозяйственные товары (за исключением риса) тарифными квотами с более низкими ставками.

В практике внешнеторгового регулирования Японии сегодня достаточно актуальна проблема оптимизации таможенных процедур, в первую очередь сокращения времени прохождения таможенной очистки. Хотя время прохождения таможенных процедур в Японии за последние годы сократилось, оно по стандартам промышленно развитых стран остается еще достаточно продолжительным.

Среднее время прохождения таможенных процедур в Японии при доставке морским транспортом (от прибытия груза до его освобождения из таможни) сократилось с 4,8 дней в 1993 г. до 4,0 дней в начале 1996 г., а при доставке по воздуху даже несколько увеличилось - с 43,7 час. до 46,3 час.

Основными направлениями работы по совершенствованию процедур таможенной очистки в Японии являются дальнейшая компьютеризация, улучшение материально-технической базы, оптимизация организационно-управленческой деятельности.

Для ввоза в Японию ряда товаров установлен единый **монопольный государственный канал**. К этим товарам относятся рис, пшеница, ячмень, молочный порошок, сливочное масло, сгущенное молоко, соль, опиум, спирт, табак и сырой шелк. Импорт указанных товаров осуществляется государственными предприятиями или уполномоченными на то организациями.

Официально декларируемые цели государственной монопольной торговли состоят в стабилизации поставок потребителям, контроле за импортом в целях оказания содействия внутренним производителям, защите интересов потребителей. Государственная торговая деятельность подкреплена юридически закрепленными правами на импорт, а в некоторых случаях и монопольными правами на внутреннее производство и сбыт.

Юридической основой системы лицензирования импорта в Японии является Закон о контроле за валютным обменом и внешней торговлей, в соответствии с которым министр внешней торговли и промышленности может потребовать предварительного согласия на импорт определенных товаров. В частности, требуется согласие министра на импорт товаров, подпадающих под действие международных договоренностей; импорт со специальными формами расчета (такими, например, как авансовые платежи, осуществляемые ранее чем за два года до таможенной очистки; отсроченные платежи, осуществляемые более чем через два года после таможенной очистки; платежи с использованием японской валюты и др.); импорт из определенных стран или регионов.

Для иностранных поставщиков сбыт товаров на японском рынке в значительной мере затрудняется предъявлением строгих технических и других

специальных требований. Речь идет о существующих в Японии особых национальных стандартах, системах сертификации и инспекции качества товаров, требованиях техники безопасности, экологии, санитарно-гигиенических и ветеринарных правилах и т.д.

Стандарты и технические требования остаются по сей день причиной наибольших разногласий между Японией и ее торговыми партнерами.

Из более чем 8 тыс. японских стандартов на изделия промышленности (индустриальных стандартов) лишь около четверти сравнимы с международными, а полностью соответствуют международным стандартам лишь 2,5%. По данным ВТО, в этой связи значительно затруднен экспорт в Японию медицинского оборудования, измерительных приборов, электротехнических изделий, оборудование связи, автомобилей, судов, железнодорожного подвижного состава и другого оборудования.

В рамках внутренней государственной Программы действий по дерегулированию Япония предпринимает усилия к "международной гармонизации" и принятию взаимно признаваемых договоренностей. Так, в частности, Япония должна «привести стандарты и систему сертификации в гармоничное соответствие с международными нормами», а также «провести консультации на двусторонней и региональной основе относительно возможности введения систем взаимного признания».

В отношении соглашений о взаимном признании пока не достигнуто каких-либо широких договоренностей. Япония проводила консультации о возможном заключении таких соглашений с ЕС, Австралией и США. Однако, судя по всему, в своих подходах Япония пока не склонна к признанию стандартов и процедур других стран.

Наряду с мерами по либерализации импорта одним из важных направлений внешнеэкономической политики правительства Японии стало **действие развитию импорта**, что призвано смягчить торговые трения с ее ведущими партнерами. Арсенал мер, используемых в Японии для содействия импорту достаточно широк и включает в себя налоговые льготы, концессионные займы, создание специальных зон развития импорта и пр.

Налоговые льготы могут предоставляться лишь для промышленных товаров, ввозимым беспошлинно. Товары же, подлежащие тарифному обложению - те, по которым Япония менее конкурентоспособна - под налоговые льготы не подпадают.

Импорт готовой продукции, подпадающий под налоговые льготы, составляет в настоящее время примерно 25% всей стоимости импорта.

Меры финансового содействия, напротив, применяются лишь к промышленным товарам, которые не ввозятся беспошлинно. В настоящее время в Японии можно выделить четыре вида используемых **концессионных займов**, предоставляемых для содействия импорту: финансирование усовершенствования системы импорта (Японский банк развития); финансирование импорта готовой продукции (Эксимбанк Японии); займы на содействие импортным продажам (Корпорация финансирования малого бизнеса, Народная финансовая корпорация); страхование предоплаты импорта.

На рубеже 80-90 гг., под нажимом основных торгово-экономических партнеров, требовавших исправления торгового дисбаланса, в рамках мероприятий по дерегулированию и поэтапной либерализации экономики, японским правительством были приняты решения, направленные на всемерное стимулирование импорта готовой продукции. Важное место в системе этих мер отводилось, в частности, «зонам развития импорта», иногда называемым «зонами свободной торговли».

Зоны развития импорта создаются с целью облегчения импорта концентрацией импортоориентированных предприятий и организаций в районах морских и авиационных портов. Японское правительство содействует развитию в этих зонах складского хозяйства, сооружению выставочных павильонов и мощностей по переработке грузов, что способствует работе оптовых и розничных торговцев, а также компаний, занимающихся первичной обработкой продукции, закупаемой в других странах. Новые инициативы существенно расширили возможности для деятельности малого и среднего бизнеса, специализирующегося на импортных операциях. Предусмотрены льготы по налогу на покупку недвижимости, префектуральному налогу на основные фонды, специальному налогу на землевладение, а также в отношении амортизации зданий и производственного оборудования. На начало 1997 г. в Японии учреждены и функционируют, а также находятся в стадии проработки 22 импортные зоны префектурального или городского "подчинения".

Система государственного страхования торговли и инвестиций в Японии

Страхование внешней торговли и инвестиций является одним из важнейших средств государственного содействия развитию внешнеэкономических связей в Японии. Существующая в стране система государственного страхования торговых и инвестиционных операций призвана обеспечивать более стабильные и устойчивые условия для осуществления экспорта-импорта, посреднической торговли, зарубежных инвестиций и прочих внешнеэкономических операций, по возможности широко и надежно ограждая интересы национальных операторов от различного рода рисков.

Сегодня в Японии действуют следующие основные виды страхования торговли и зарубежных инвестиций и их модификации: 1) общее страхование торговли; 2) страхование валютных рисков; 3) страхование экспортных векселей; 4) страхование экспортных облигаций; 5) страхование авансовых платежей за импорт; 6) страхование зарубежных инвестиций; 7) страхование кредитования зарубежных предприятий.

Общее страхование торговли предназначено для возмещения убытков, возникших до отгрузки товара после подписания экспортного контракта в результате наступления политических (правительство страны назначения ограничило или запретило импорт, оказалось вовлеченным в войну, гражданские волнения и т.п.) или коммерческих (банкротство или неплатежеспособность импортера) рисков; удорожания стоимости транспортировки и страхования, вызванного изменением курса следования и портов назначения судна, перевозящего экспортный груз ("общее экспортное страхование"); убытков, понесенных в результате невозможности получения экспортных поступлений после отгрузки товара из-за наступивших политических и коммерческих рисков ("страхование экспортных доходов" от продукции, экспорт которой осуществляется на условиях отсрочки платежа).

Страхование валютных рисков покрывает убытки, понесенные экспортерами машин и оборудования от изменения курсов иностранных валют. Введенный в 1974г. в целях обеспечения более стабильных условий для экспортных операций данный вид страхования применяется к экспортным контрактам, предусматривающим отсрочку платежа. При этом возмещению подлежит ущерб, понесенный в результате роста курса иены более чем на 3%, но не выше, чем на 20% в период по истечении двух лет после получения страхового полиса, но не более, чем через 15 лет.

Страхование экспортных векселей ориентировано на покрытие убытков, понесенных банками, когда документальные счета за экспорт не акцептуются после произведения отгрузки. Страховой договор этого типа автоматически вступает в силу, когда банк, подписавший в начале финансового года страховой договор с правительством, приобретает у экспортера документальный счет за экспорт и извещает об этом правительство в течение последующих пяти дней.

Страхование экспортных облигаций покрывает убытки банков, вызванные недобросовестным отзывом иностранными правительствами долговых облигаций, относящихся к экспортированным машинам и оборудованию.

Многие проекты, которые становятся объектами международных торгов, велики по своим масштабам и требуют длительного времени для своего осуществления. В силу этого, если поставщик, выигравший торги, не сможет по каким-то причинам подписать контракт или полностью выполнить его, у заказчика могут возникнуть серьезные проблемы. Чтобы застраховаться от таких потерь, от поставщиков часто требуют представить экспортные облигации. Японская компания-поставщик, выигравшая торги, просит банк, страховую компанию или другой финансовый институт выпустить облигации, которые гарантировали бы заказчику выполнение контракта.

Страхование авансовых платежей за импорт - единственный в японской системе государственного страхования торговли и инвестиций вид страхования, предназначенный для возмещения убытков по импортным операциям. Как в случае политических, так и коммерческих рисков страховая сумма не может превышать 90% суммы авансового платежа.

Страхование зарубежных инвестиций покрывает убытки от конфискации зарубежного предприятия правительством страны пребывания, невозможности продолжения деловых операций вследствие войны или гражданских волнений, невозможности перевода дивидендов и изъятия финансовых средств вследствие ограничений на операции с валютой, введенных правительством страны пребывания, убытки от банкротства зарубежного предприятия, в которое были инвестированы средства.

Страхование кредитования зарубежных предприятий предназначено для покрытия убытков в случае, когда японская компания, которая предоставила кредит зарубежному партнеру, не может вернуть основной долг и проценты в течение обусловленного контрактом срока погашения вследствие политических или коммерческих рисков. Максимальное покрытие по данному виду страхования может достигать 90% (в отдельных случаях 97,5%) для политических рисков и 90% - для коммерческих.

Чтобы получить страховку от коммерческих рисков, необходимо, чтобы иностранный партнер был внесен в "Список иностранных покупателей", который составляется отделом страхования торговли МВТП (если покупатель не был внесен в список, то подается заявка о его включении. Эта процедура именуется регистрацией покупателей).

Список (регистр) подразделяет иностранных покупателей на семь категорий по степени риска.

Механизм системы страхования торговли и инвестиций в Японии приводится в действие специализированными органами.

Головной организацией в системе государственного страхования торговли и инвестиций Японии является Министерство внешней торговли и промышленности, осуществляющее общее руководство, координацию, учет и планирование в данной области. Для осуществления страховых операций МВТП ведет созданный на основании соответствующего законодательства специаль-

ный счет, на котором аккумулируются средства государственных бюджетных ассигнований. После выплаты страхового возмещения МВТП получает право предъявления регрессивного требования к должнику.

В 1964 году при содействии МВТП была создана Ассоциация поддержки экспортного страхования. В 1989 г. она была переименована в *Японскую организацию страхования торговли и инвестиций (ЯОСТИ)*. В настоящее время ЯОСТИ осуществляет деятельность по следующим основным направлениям: работа над совершенствованием системы государственного страхования торговли и инвестиций, подготовка обзоров по проблемам внешнеэкономического страхования, включая исследование рисков, кредитной платежеспособности зарубежных покупателей, выполнение агентских функций в области страхового андеррайтинга, включая подготовку и заключение контрактов, подачу апелляций, возвращение убытков. В круг деятельности организации входит также работа по связям с общественностью, поддержание связи и обеспечение координации между правительством (МВТП) и держателями страховых полисов, информационная и издательско-рекламная деятельность, консультационные услуги.

Исследовательская работа, проводимая ЯОСТИ в области изучения рисков, в конкретных странах имеет большое практическое значение, поскольку эти данные ложатся в основу принимаемых МВТП решений о применимости к тем или иным странам японского государственного страхования. Далеко не все страны подпадают под категорию "подходящих": так, на сегодняшний день государственное страхование торговли и инвестиций не распространяется почти на три десятка стран. В 1991 г. после многолетнего перерыва Токио возобновил государственное страхование торговли и инвестиций в торгово-экономических отношениях с Россией. В апреле 1993 г. и в феврале 1996 г. система страхования охватила также соответственно Казахстан и Туркменистан. С сентября 1996 г. вступило в силу решение правительства Японии о распространении системы государственного страхования на Украину и Азербайджан.

За время своего существования японская система страхования торговли и инвестиций стала важным элементом государственного регулирования и содействия развитию внешнеэкономических связей.

Для Японии традиционно характерен высокий уровень охвата внешней торговли государственным страхованием (доля застрахованных поставок на весь объем экспорта). Самые высокие показатели приходились на начало 70-х годов, когда они доходили до 65-66%. В 80-е годы эти цифры несколько снизились, однако в начале 90-х годов в связи с введением новых видов государственного страхования они вновь поднялись до уровня 45%, что также является самым высоким в мире показателем. Количество страховых полисов, выданных за период с 1950г. по середину 1990-х годов составило свыше 20,3млн., а общая сумма страхования - около 317трлн.иен. Оба эти показателя являются самыми высокими в мире.

Российский Дальний Восток

Ассоциация "Славда": борьба за качество продукции как метод выживания в рыночных условиях

© 1999

Ю.Серебряков, А.Коротченков

Начиная с 1990 г. накопленный в Приморье производственный потенциал неуклонно разрушался и процесс этот, к сожалению, продолжается до сих пор. Так, за 1998 г. объем промышленного производства в крае снизился на 7% и составил к уровню 1990 г. лишь 42%. Анализу причин такого падения в условиях рыночных реформ посвящено несколько исследований, однако, как правило, они не содержат рекомендаций по выводу реального сектора экономики края из кризиса.

В этой связи бесспорный интерес представляет положительный опыт становления и развития новых предприятий, которые мы бы назвали "точками роста". Таких предприятий пока немного в крае, но они есть, и отличает их один общий результат - устойчивая динамика роста по всем основным технико-экономическим показателям. Успешно эти предприятия преодолели и августовский кризис 1998 г. Ярким представителем таких предприятий является Ассоциация "Славда", занимающаяся производством и реализацией минеральной воды и моющих средств.

Ассоциация основана в 1990 г. Сегодня она состоит из 6 предприятий, 5 из которых действующие, а одно - завод моющих средств "Славда" - строящееся. Со временем это предприятие будет самым крупным производителем моющих средств в нашей стране. Уже сегодня при сметной стоимости 158,5 млн. долл. в него вложено 150 млн. долл. Половина этих средств - кредиты, другая половина - прибыль действующих предприятий. Кроме того, прибыль действующих предприятий направляется на погашение кредитов и процентов по ним. Перераспределение прибыли на нужды строящегося предприятия идет через Торговый дом ассоциации.

За счет чего же действующие предприятия ассоциации в столь сложных экономических условиях остаются прибыльными? Мы полагаем, что ответом на этот вопрос является идеология ассоциации, последовательно и на-

стойчиво внедряемая в умы всех работников фирмы, суть которой заключается в девизе "качество - это ключ к возрождению экономики". Покажем эту работу на примере одного из предприятий ассоциации - СП "СКИТ", которое занимается разливом минеральной воды "Монастырская" и производством напитков. Основано предприятие в 1995 г., расположено оно в центре Приморского края в экологически чистой зоне близ города Лесозаводска. Численность персонала - 190 человек, производительность завода - 200 тонн в сутки. Оказавшись в условиях реальной конкуренции как со стороны отечественных, так и зарубежных производителей (сегодня потребность в безалкогольных напитках на российском Дальнем Востоке на 80% удовлетворяется за счет импорта), предприятие с самого начала во главу угла своей деятельности поставило ряд принципов, от которых решило не отходить никогда:

— применять оборудование и технологию, соответствующие самому высокому мировому уровню;

— использовать сырье и материалы, по возможности максимально достижимого уровня качества;

— подбирать кадровый состав наиболее высокой квалификации и постоянно его совершенствовать;

— осуществлять руководство деятельностью предприятия на основе самых последних достижений отечественной и зарубежной науки, в том числе теории управления и менеджмента.

Таким образом, по всем четырем факторам производства (труд, капитал, природные ресурсы, предпринимательское умение) предприятие определило для себя самые высокие планки. Исходя из этих принципов, оно поставило перед собой на ближайшее время и среднесрочную перспективу следующие цели:

— не только выжить в условиях экономического спада и инфляции, но систематически наращивать производственный потенциал;

— постоянно адаптировать хозяйственную деятельность и систему управления к изменяющимся внешним и внутренним экономическим условиям;

— сохранить сложившийся на предприятии коллектив специалистов и руководящих работников;

— за счет достижения наивысшего уровня качества выпускаемой продукции и разнообразия ее ассортимента обеспечить стабильное положение предприятия на региональном рынке и неуклонный рост доли в нем.

Для достижения этих целей предприятие разработало и внедряет в жизнь "Программу стратегического развития", которая нацелена на постоянное повышение конкурентоспособности и выпускаемой продукции, и самого предприятия. Весьма характерным и показательным, на наш взгляд, является содержание разделов этой "программы".

1. Роль руководства всех уровней, в том числе и высшего, в организации работ по повышению качества продукции.

2. Планирование в области качества.

3. Использование потенциала работников в области повышения качества продукции.

4. Рациональное использование всех видов ресурсов.

5. Управление технологическими процессами и процессами выполнения работ, их совершенствование.

6. Удовлетворенность потребителей качеством продукции.

7. Удовлетворенность персонала работой на предприятии.

8. Влияние предприятия на общество.

9. Результаты работы предприятия.

Начиная с 1996 г. такая "программа" в виде доклада примерно на 70-80 страницах ежегодно разрабатывается специалистами по итогам очередного года. Для ее разработки применяются и официальные отчетные данные соответствующих служб, и широкие социологические исследования как среди персонала предприятия, так и среди потребителей продукции. "Программа" насыщена не только и даже не столько статистической информацией, сколько аналитическими исследованиями, содержит выводы и предложения по дальнейшему совершенствованию буквально всех направлений деятельности предприятия. Утверждает "программу" президент ассоциации.

Важным элементом "программы", по нашему мнению, является наличие в ней конкретных примеров и фамилий, причем отмеченных как с позитивной стороны, так и с негативной. Так как с "программой" в обязательном порядке должны быть ознакомлены буквально все специалисты предприятия, то этот документ, кроме выполнения его прямых функций, несет на себе еще и очень существенную воспитательную нагрузку. В связи с тем, что документ этот систематически обновляется по результатам очередного года и, по существу, является историей развития предприятия, то он стимулирует работников к тому, чтобы только с положительной стороны быть отмеченным в нем.

Вокруг этого документа ведется постоянная организационная работа. На предприятии действует комиссия по качеству, где рассматриваются предложения сотрудников по улучшению качества продукции и совершенствованию технологического процесса. Комиссия организует выставки качества, дегустации, семинары, круглые столы, учебу сотрудников, их стажировки на других предприятиях отрасли и за рубежом. Эффективные предложения обязательно поощряются морально и материально.

Вся работа по управлению качеством продукции, в том числе и руководство комиссии по качеству, возложена на заместителя генерального директора предприятия по качеству продукции. В случае обнаружения лабораторией по качеству малейших отклонений каких-либо показателей качества от стандартных, заместитель генерального директора по качеству вправе самостоятельно принять решение об остановке конвейера без согласования или разрешения генерального директора предприятия, так как в оперативном плане он ему не подчиняется, а замыкается непосредственно на президента ассоциации. Анализ подобных остановок на период до устранения выявленных замечаний подтверждает правильность такой организации дела.

Не в последнюю очередь благодаря проведению именно такой работы, которая формирует у работников предприятия чувство гордости за марку завода, чувство ответственности за качество выпускаемой продукции, уверенность в завтрашнем дне, сопричастность к настоящему делу, приносящему пользу людям - предприятие имеет положительные результаты развития.

Динамика основных показателей экономического развития СП "СКИТ" за 1995-1998 годы

(в процентах)

Показатель	годы			
	1995	1996	1997	1998
Выручка от реализации	100	121	146	185
Чистая прибыль	100	103	108	112
Цена продукции	100	101	104	120
Себестоимость продукции	100	98	95	99
Среднемесячная зарплата	100	120	140	118

Показатель	годы			
	1995	1996	1997	1998
Текучесть кадров (абсолютное значение)	10	7	5	5
Платежи в бюджеты всех уровней	100	110	130	150
Ассортимент выпускаемой продукции (количество наименований)	5	10	16	18

Сегодня СП "СКИТ" является несомненным лидером на рынке безалкогольных напитков в Приморье, имея его долю среди 10 производителей края 23%. По нашему мнению, предприятие и дальше сможет реально конкурировать с ведущими мировыми производителями аналогичной продукции на российском внутреннем рынке как по ценам, так и по качеству. В мае 1998 г. на международной выставке пивобезалкогольных напитков в Сочи продукция предприятия получила 4 медали. Более того, учитывая, что спрос на прохладительные напитки в АТР удовлетворяется пока в основном за счет поставок из Европы (в частности воды "Peggie"), а минеральная вода СП "СКИТ" полностью соответствует стандартам многих стран, и некоторые из них даже превосходят по качеству (в частности США, Японии, Южной Кореи), то есть все основания для прорыва "Монастырской" на рынок АТР. Тем более, что уже сегодня заключены предварительные соглашения по поставкам этого напитка в ряд стран АТР.

Предприятие систематически наращивает свои мощности. В 1999 г. будет запущена линия по производству соков, что увеличит количество рабочих мест на 30 единиц. Запуск в этом же году линии по мелкой расфасовке меда позволит еще на 10 единиц увеличить количество рабочих мест.

Долгосрочной программой развития предприятия предусмотрено строительство нового завода производительностью 1000 тонн в сутки с расфасовкой 5 видов продукции. Под строительство этого завода уже отсыпана площадка, на что израсходовано более 6 млн. денонмированных рублей, составлен бизнес-план, определен инвестор (японская фирма "Мицубиси"). Сметная стоимость объекта - 100 млн. долларов, срок погашения кредита 3,5 года, в том числе 50% - готовой продукцией. Августовский кризис 1998 г. несколько притормозил осуществление данного проекта, но со временем он все равно будет реализован.

Примерно такая же работа по обеспечению высокого уровня качества выпускаемой продукции, наращиванию мощностей проводится и на других предприятиях ассоциации. А чтобы быстрее завершить строительство завода моющих средств и при этом не остановить действующие предприятия совет директором ассоциации принял следующую последовательность использования поступающих от реализации продукции и из других источников денежных средств: 1. оборотные средства; 2. погашение долгов по налогам; 3. инвестиции в новое строительство; 4. заработная плата персонала; 5. социальные нужды. Это вовсе не означает, что руководство ассоциации мало заботится о социальных нуждах коллектива. Тут как раз все наоборот: чем быстрее будет запущен завод моющих средств, тем веселее впоследствии будут финансироваться социальные расходы.

Мы считаем, что работа по повышению качества выпускаемой продукции и наращиванию производственных мощностей на таком или примерно на таком уровне должна в сегодняшних условиях проводиться буквально на каждом предприятии - и вновь вводимом, и ранее действовавшем. Без этого, а также без повседневной работы по снижению себестоимости выпускаемой продукции, реанимировать реальный сектор экономики будет просто невозможно.

Национализм в понимании Сунь Ятсена

© 1999

А.Москалев

(Окончание. Начало в ПДВ №2 1999 г.)

III

Одно время после Синьхая Сунь Ятсен считал, что принцип национализма уже реализован. «Два великих принципа, национализм и народовластие, в равной мере уже достигли своей цели», говорил он 1 марта 1913 г.¹ Но постепенно он пришел к выводу, что до полной реализации этого принципа было еще далеко и необходимо возобновить дальнейшую реализацию национализма. Требовалась новая формула национализма. В конце 1917 г. он уже признает, что его национализм «осуществлен лишь в малой степени»². В работе «Три народных принципа» (1919 г.) он твердо заявляет, что отстранение маньчжуров от власти было не более как достижением «негативной цели» национализма³. Новая формула национализма должна была содержать в себе позитивную цель. Последняя была им сформулирована в той же работе. Она заключалась в создании в Китае единой нации, которую Сунь Ятсен предложил назвать чжунхуа миньцзу, то есть китайской нацией. В данном случае Сунь Ятсен отступил (но, как оказалось, ненадолго) от прежнего плана, изложенного в свое время Ван Цзинвэем, согласно которому ханьцы, сами «не изменяясь», должны были ассимилировать остальные этносы страны. Теперь Сунь Ятсену все виделось иначе: «переплавка», то есть по сути дела опять же ассимиляция, в одном «плавильном котле» (по известному американскому образцу) всех народов страны должна была привести, согласно его замыслу, к образованию новой этнической общности. Ханьцы при этом, как писал Сунь Ятсен, должны были пойти на «жертвы» со своей стороны, то есть отказаться от кровного родства, «расстаться» с именем своей нации и т.п. В американской нации Сунь Ятсен видел позитивный результат реализации американского национализма и хотел, чтобы и в Китае национализм имел позитивную цель. Как полагал Сунь Ятсен, при активных действиях реализовать этот позитивный план создания единой нации можно было довольно быстро, и тогда чжунхуа миньцзу, как он считал, стала бы «венцом мира»⁴. Однако новая модель носила чисто спекулятивный характер. Вскоре же Сунь Ятсен возвра-

тился к первоначальному варианту, согласно которому ханьцы ассимилируют все национальности, оставаясь при этом «самими собой». В 1921 г. Сунь Ятсен хотя еще и упоминает об американской нации как о примере, которому Китай мог бы следовать, но в самой американской нации он видит, кажется, лишь масштабность, сопоставимую разве что с китайской нацией. По его мнению, нужно просто «переименовать ханьцев в чжунхуа миньцзу»⁵, растворить всех неханьцев «внутри ханьцев», и тогда «величие ханьцев потрясет весь мир»⁶. Это снова заставляет Сунь Ятсена уточнить характер своего национализма. Он подчеркивает, что «китайский (чжунго дэ) национализм не следует огульно интерпретировать как национализм пяти национальностей, его следует понимать как национализм ханьцев»⁷. Иначе говоря, Сунь Ятсен возражал против национализма как полиэтнической идеологии, твердо отстаивая идею национализма моноэтнического. Сунь Ятсен больше не говорил о «жертвах» со стороны ханьцев. Он пришел к выводу, что неханьцы из большой пятерки оказались ненадежными партнерами ханьцев: «маньчжуры попали в сферу влияния Японии, монголы всегда входили в сферу влияния России, Тибет чуть ли не стал уже добычей Англии... У них нет способности к самозащите»⁸.

В 1921 г. в одной из речей Сунь Ятсен заявляет, что «неуспех национализма нашей партии состоит в том, что мы не смогли (пока что) создать полностью ханьского государства»⁹.

В 1922 г. в лекции, прочитанной в Гуйлине, Сунь Ятсен вновь поднимает вопрос о превращении Китая в «самое большое национальное государство», то есть ханьское государство, подчеркивая, что в этом воплотится «самоопределение ханьцев»¹⁰.

В Декларации Китайского Гоминьдана, датируемой 1 января 1923 г., формула суньятсеновского национализма уточняется. Как говорится в Декларации, национализм, поддерживаемый Китайским Гоминьданом, включает достижение двух целей: «негативная (цель) состоит в ликвидации неравенства национальностей, позитивная - в сплочении всех национальностей страны и образовании одной большой китайской нации (чжунхуа миньцзу)»¹¹. Здесь налицо новые моменты. Если в 1919 г. Сунь Ятсен говорил только о «позитивной» задаче национализма - создании чжунхуа миньцзу, пояснив, что «негативная» задача («изгнание маньчжуров») уже выполнена, то в Декларации 1923 г. в качестве негативной задачи выступает устранение национального неравенства. Это новый момент, навеянный, очевидно, прежде всего внешними влияниями (национальная политика нашей страны). Позитивная цель - образование «одной большой китайской нации» - не содержит упоминания об ассимиляции неханьцев ханьцами. Однако скорее всего, под «сплочением» здесь имеется в виду именно этот способ, о котором Сунь Ятсен постоянно говорил на протяжении 1919-1922 гг. В пользу такого понимания «одной большой китайской нации» говорит и то, что Сунь Ятсен под «большой чжунхуа миньцзу» всегда имел в виду этнически гомогенную нацию и никогда не понимал под нацией политическую общность.

В следующем году, в начале которого проходил 1 Всекитайский съезд Китайского Гоминьдана, Сунь Ятсен снова изменил формулу своего национализма. В Декларации съезда он характеризует период со времени Синьхайской революции как переход от безраздельной диктатуры одной нации (то есть маньчжуров) «к равноправному соединению (цзехэ) всех национальностей»¹². Национализм Китайского Гоминьдана, как говорилось в Декларации, имеет двоякий смысл: «1) достижение китайской нацией (чжунго миньцзу) собственного освобождения; 2) равноправие национальностей в Китае»¹³. Под

«китайской нацией» здесь имеется в виду ханьская нация (этноним чжунго миньцзу у Сунь Ятсена всегда обозначает ханьцев). Тем самым задача создания единой этнонации чжунхуа миньцзу в новой формуле национализма отсутствует. Это объясняется тем, что к этому времени Сунь Ятсен уже вполне определился со своей концепцией государственной нации (гоцзу), отказавшись от прежних планов создания единой чжунхуа миньцзу. Таким образом, обе стороны национализма Китайского Гоминьдана приобрели «позитивный» характер. При этом освобождение китайской (ханьской) нации имело в виду завоевание ею независимого положения в мире.

Этот пункт Сунь Ятсен не раз разъяснял в своих выступлениях, относящихся к 1924 г. О внутреннем аспекте национализма Сунь Ятсен в подобных случаях не упоминал вовсе. Но это не значит, что данный аспект стал им игнорироваться. В «Программе государственного строительства» (апрель 1924 г.), говоря о национализме, Сунь Ятсен на первый план выносит внутренний аспект: «малым национальностям страны правительство обязано оказывать помощь, содействовать обретению ими способности к самоопределению и самоуправлению (автономии)». Только после этого он говорит о внешнем аспекте национализма (что, впрочем, объясняется самим характером документа): «Правительству надлежит отражать агрессию и грубый нажим извне, одновременно добиваясь пересмотра договоров Китая с иностранными государствами, дабы восстановить равноправное положение страны на международной арене и независимость (Китайского) государства»¹⁴.

Оказание помощи малым народам - совершенно новый момент, появившийся, несомненно, под влиянием советской национальной политики. Что же касается содействия приобретению неханьцами способности к «самоопределению и автономии», то последнее словосочетание, по всей видимости, заимствовано у китайских коммунистов. В декларации II съезда КПК (1922 г.) употреблялось именно такое словосочетание, когда говорилось о «прогрессивном пути самоопределения и автономии», которым должны пойти неханьские национальности Китая¹⁵. Нужно заметить, что такое соположение этих двух понятий (самоопределение и автономия) логически некорректно, поскольку автономия - одна из форм самоопределения. КПК под самоопределением имела в виду право на отделение, выход из состава Китая, сецессию. Именно в таком смысле употребляют термин «самоопределение» и современные теоретики КНР¹⁶. Но что понимал под самоопределением неханьцев Сунь Ятсен? Об этом он нигде ничего не говорит. И едва ли можно себе представить, чтобы Сунь Ятсен согласился содействовать неханьцам в приобретении ими способности выхода из Китая. Что касается автономии, то известно, что Сунь Ятсен был сторонником местной автономии (дифан цзычжи) в масштабах всего Китая. Однако не по национальному признаку. Пункт относительно «развития местной автономии» был определен Сунь Ятсеном как программное требование Гоминьдана еще в 1912 г.¹⁷ Таким образом, Сунь Ятсен не исключал возможности самоуправления неханьцев, но на общих основаниях, а не по их этнической принадлежности. Однако на данном этапе, как он считал, неханьцы еще не обладают способностью к «самоопределению и автономии». Поэтому, согласившись включить в декларацию I съезда Китайского Гоминьдана положение о признании этой партией права всех национальностей страны на самоопределение, Сунь Ятсен отнюдь не имел в виду признание права неханьцев на сецессию. Ведь он был убежден, что ханьцам принадлежит весь Китай: «Территорией Китая полностью владеют ханьцы», подчеркивал он¹⁸. К тому же Сунь Ятсен не был сторонником федеративного устройства Китая, за что ратовали китайские коммунисты¹⁹. Сунь Ятсен называл «крайне аб-

сурдной» идею федерации для Китая. Говорить о федерации, пояснял Сунь Ятсен, стало бы возможно лишь в том случае, если бы с Китаем решили объединиться Аннам, Бирма, Индия, Персия, Афганистан. Но он решительно возражал против федеративного устройства нынешнего Китая: «Почему нужно дробить на части государство, которое всегда было единым?»²⁰. Поэтому Сунь Ятсен выступал, как об этом говорилось в Декларации 1 съезда Китайского Гоминьдана, за «создание единой Китайской Республики (как свободного объединения национальностей)», которая должна быть образована «после победы в антиимпериалистической и антимилитаристской революции»²¹.

В целом, третий этап развития национализма Сунь Ятсена был связан с частыми изменениями его позиции, что вело к корректировке формулы национализма в содержательном плане, различному пониманию природы единой китайской нации как позитивной цели национализма. Признание Сунь Ятсеном на 1 съезде Китайского Гоминьдана права всех национальностей Китая на самоопределение носило декларативный характер. Во всяком случае, оно не могло означать его согласия на сецессию каких-либо неханьских народов страны. Гораздо органичнее вписывается в систему суньятсеновских взглядов его позиция, согласно которой сфера самоопределения - это прерогатива ханьцев, преисполненных решимости создать «самое большое национальное государство» (о чем говорилось выше), то есть ханьское государство, в котором ханьцы держали бы бразды правления в своих руках. Эта позиция выражена и в некоторых его выступлениях, сделанных буквально накануне 1 съезда Китайского Гоминьдана, когда он, в частности, заявлял, что видит смысл своих трех народных принципов в том, чтобы «передать весь суверенитет страны в руки народа своей (т. е. ханьской. - А.М.) нации»²².

IV

Заключительный этап развития суньятсеновского национализма связан с концепцией государственной нации (гоцзу). По-видимому, идея гоцзу (гоцзя миньцзу) возникла у Сунь Ятсена в 1923 г. В самом деле, упоминание о единой китайской нации - чжунхуа миньцзу в Декларации Китайского Гоминьдана, датируемой 1 января 1923 г., оказалось последним. В дальнейшем термин чжунхуа миньцзу как обозначение единой нации исчезает из текстов Сунь Ятсена²³, а в январе 1924 г., в первой же лекции по национализму, он разъясняет слушателям свой взгляд на государственную нацию. Вполне очевидно, что появлению новой теории предшествовал подготовительный период, который, как я полагаю, приходился на 1923 г. То, что в документах 1 съезда Китайского Гоминьдана отсутствовал термин гоцзу вполне объяснимо: Сунь Ятсен, видимо, счел неуместным вводить новый термин непосредственно на съезде. Но в шести лекциях по национализму, прочитанных в течение января-марта 1924 г., он уже ориентируется на новое понятие государственной нации.

Излагая слушателям свой новый подход к национализму, Сунь Ятсен дал такое его определение: «национализм - это национализм государственной нации». При этом он, подчеркивая, что в Китае «нация - это государственная нация»²⁴, имел в виду, конечно, ханьскую нацию, то есть конкретную этническую нацию, но отнюдь не нацию политического порядка, включающую все народы страны. Эту мысль Сунь Ятсен пояснял так: «В Китае, начиная с (династий) Цинь и Хань всегда одна нация создавала государство»²⁵. Понятно, о какой «одной нации» говорит здесь Сунь Ятсен. Это ханьцы и их предки.

Что касается «инородческих» династий, то, как он неоднократно подчеркивал, в периоды их господства ханьцы утрачивали собственное государство.

Помимо того, что ханьцы исторически являются носителями китайской государственности, они к тому же абсолютно преобладают в численном отношении. Учитывая последнее обстоятельство, Сунь Ятсен делает вывод, что Китай, собственно говоря, - страна одной ханьской нации. Эта мысль изложена им следующим образом: «400 млн. жителей Китая, можно сказать, полностью ханьцы. Они единокровны, у них единые язык и письменность, единая религия, единые нравы и обычаи, - это целиком одна нация»²⁶. Что же касается неханьских национальностей, то, согласно оценке Сунь Ятсена, их общая численность составляет примерно 10 млн. человек - это, по его словам, всего лишь «вкрапления» в огромный массив ханьской нации²⁷. Нужно признать, что такая оценка занижала реальную долю неханьцев в стране²⁸. Но кроме того, для Сунь Ятсена была характерна квалификация многих неханьцев как «бесперспективных», деградирующих этносов. В своих лекциях он, в частности, говорил, что такие инородцы, как мяо, яо, ляо, чжуан и им подобные «обречены на гибель», «находятся на грани вымирания», «не могут далее существовать»²⁹. Все это наталкивает на мысль о том, что концепция государственной нации (гоцзу) явилась результатом переоценки Сунь Ятсеном национальной ситуации в Китае. Резкая критика им доктрины «пятинациональной Республики» в 1919-1922 гг. в конце концов заставила его по иному взглянуть на неханьцев и на Китай в целом. В то же время Сунь Ятсен стал подчеркивать «государственный статус» ханьской нации, которая, как он не раз заявлял, была единственной реальной силой, способной отстаивать целостность страны, сделать Китайское государство сильным и процветающим.

Суньятсеновская концепция государственной нации как ханьской этнической нации не совместима, естественно, с рассмотрением неханьских «вкраплений» в качестве компонентов этой нации. Этот момент невхождения неханьцев в состав ханьской гоцзу почему-то недопонимался некоторыми отечественными китаеведами, что приводило к ошибочной трактовке как самого понятия гоцзу у Сунь Ятсена, так и характера суньятсеновского национализма. Например, Г.С. Кара-Мурза в комментарии к своему переводу лекций Сунь Ятсена предложил безосновательную интерпретацию гоцзу как «всего народа в целом, населяющего данное государство». Соответственно гоцзучжуи, по мнению Г.С. Кара-Мурзы, это не национализм государственной нации, то есть национализм ханьцев, а национализм «в более широком смысле»³⁰.

Возвращаясь к вопросу о причинах, побудивших Сунь Ятсена отказаться от его прежней концепции единой китайской нации (чжунхуа миньцзу) и перейти к концепции государственной нации, можно предположить, что концепция гоцзу, вызванная к жизни скорее всего, как я уже сказал, переоценкой национальной ситуации в стране, позволила Сунь Ятсену (как, видимо, ему казалось) более адекватно определить роль и место ханьской нации в Китае. Квалификация ханьцев как государственной нации, надо полагать, расценивалась Сунь Ятсеном как наиболее соответствующая ее истории и ее современным задачам в Китае и мире. В свете переоценки внутренней национальной ситуации и ситуации вокруг Китая Сунь Ятсену, надо полагать, уже не представлялась актуальной задача создания единой нации чжунхуа миньцзу как «нации будущего». Гораздо существенней было обеспечить реальной ханьской государственной нации ее независимость и равноправие в мире. Поэтому на 1 съезде Китайского Гоминьдана в качестве «первой стороны» национализма появилась задача «самоосвобождения» (цзы цю цзешан) китай-

ской нации (чжунго миньцзу), что, видимо, в наибольшей степени соответствовало (в глазах Сунь Ятсена) стратегии укрепления статуса ханьцев как государственной нации.

Но государственная нация в Китае, как подчеркивал Сунь Ятсен, не обладала достаточной внутренней прочностью, консолидированностью. «Национализм» ханьцев, если говорить о силе сплоченности, проявлялся всего более на уровнях семьи и клана, но на уровне «выше клана» он был явно недостаточен. Это, как отмечал Сунь Ятсен, давало повод иностранцам считать ханьцев этносом «рыхлым», подобным скопищу разрозненных песчинок³¹. С данной оценкой Сунь Ятсен в общем соглашался³² и считал, что для преодоления такого положения необходимо принять действенные меры.

Проблема слабой сплоченности ханьцев как нации издавна волновала Сунь Ятсена, и эта позиция была характерным проявлением его приверженности к этническому национализму. Еще в 900-е годы он говорил, что ханьцам недостает организованного единства³³, а следовательно и способности противостоять давлению враждебных сил. В новых условиях, говорил Сунь Ятсен в 1924 г., если пренебречь пропагандой национализма, «не соединить 400 млн. человек в одну прочную нацию, то Китай постигнет катастрофа: гибель государства и нации...»³⁴. В качестве пути преодоления «рыхлости» ханьского этноса (которую, кстати, он не считал изначально присущим ему «природным качеством»³⁵) Сунь Ятсен настойчиво рекомендовал ханьцам начать объединяться, опираясь на свои исконные клановые связи. Возродив и усилив внутриклановую сплоченность, считал Сунь Ятсен, можно будет затем перейти к объединению самих кланов (цзунцзу). Всем клановым объединениям необходимо «соединиться, и тогда можно будет образовать величайшее объединение государственной нации Китайской Республики», говорил он в лекциях³⁶. Объединиться, опираясь на 300-400 кланов будет значительно легче, нежели начинать объединение непосредственно с отдельных индивидов, - утверждал Сунь Ятсен³⁷. В таком объединении ханьцев он видел «коренной способ спасти Китай от гибели»³⁸.

Сунь Ятсен полагал, что укрепление внутренней «спаянности» ханьцев как общности - одно из главных условий восстановления свободного и равноправного положения ханьской нации в мире. Но он также был уверен, что ханьцам надлежит вернуться к своим исконным моральным принципам. Только обратившись к этим традиционным принципам, говорил Сунь Ятсен, можно будет «пытаться восстановить положение нации»³⁹. Сунь Ятсен считал, что в условиях наплыва элементов западной культуры многие китайцы стали забывать не только «старые моральные принципы», но и исконную китайскую систему знаний. Все это, в том числе дух традиционного китайского изобретательства, он предлагал возродить, дабы укрепить жизненные силы ханьской нации, восстановить ее национализм. Помимо того, подчеркивал Сунь Ятсен, важно вполне осознать высокую меру опасности, которая нависла над ханьской нацией, испытывающей тройное - политическое, экономическое и демографическое⁴⁰ - давление со стороны держав. Только осознав эту опасность, считал он, можно будет соответствующим образом мобилизоваться и восстановить национализм⁴¹.

Сунь Ятсен упрекал китайскую «новую молодежь», ратовавшую за «новую культуру», в непонимании сути националистической идеологии, которую эти молодые люди называли устаревшей, «узкой» и отказывались ее принять. Приверженность этой молодежи к «модному» западному космополитизму (шицзечжуи) Сунь Ятсен считал неуместной в тогдашних условиях. В лекциях он уделил довольно много места критике космополитизма, который,

как он отмечал, был знаком Китаю еще две тысячи лет тому назад. Китайцы, говорил Сунь Ятсен, тоже хотели «стать хозяевами мира» и потому стояли на позициях космополитизма. Китайский «космополитизм» он связывал с так называемым «принципом (единой) Поднебесной» (Тяньсячжуи). По утверждению Сунь Ятсена, в конечном итоге именно из-за космополитизма образованных слоев ханьцев маньчжуры в свое время смогли вступить в Китай, и ханьское государство погибло ⁴². Сейчас же ханьцам нужно укреплять собственный национализм. Те, кто отказывается от национализма в пользу космополитизма, фактически встают на позицию держав. А космополитизм держав на практике грозит обернуться империалистической агрессией ⁴³. Так упорно доказывал Сунь Ятсен соотечественникам-ханьцам неизбежность обращения к национализму как действительному средству спасения нации и отечества.

Особый интерес в лекциях Сунь Ятсена по национализму вызывают его суждения относительно ценностной стороны идеологии национализма. Как известно, Сунь Ятсен сравнивал национализм с «сокровищем, благодаря которому государство добивается успехов в своем развитии, а нация стремится к сохранению своего бытия» ⁴⁴. Сунь Ятсен видит возможность воздействия националистического чувства на струны сознания человека. Национализм, говорил он, взывает к нашей совести, когда его устои разъедаются космополитизмом. А раз национализм способен воздействовать на нашу совесть, значит, он является тем «сокровищем, благодаря которому человечество стремится к самосохранению» ⁴⁵. И далее такое сравнение: «Кисть ⁴⁶ в руках человека умственного труда является средством, с помощью которого он зарабатывает на жизнь. Национализм - это средство, позволяющее человечеству существовать» ⁴⁷. Утрата национализма, подчеркивал Сунь Ятсен, может повлечь за собой самые тяжкие для нации последствия. Он предупреждал, что если соотечественники-ханьцы не очнутся от «спячки», не восстановят свой национализм, то ханьскую нацию ждет деградация и гибель. Иначе говоря, Сунь Ятсен видел в национализме источник жизненной силы народов.

Каковы же, в итоге, позитивные стороны учения Сунь Ятсена о национализме, каковы его здоровые, творческие начала, и что в нем связано с национальным эгоизмом, принижением «инородцев» и даже шовинизмом? Прежде всего, конечно, позитивна общая позиция Сунь Ятсена в отношении национализма как явления, коренящегося в глубинах народного бытия, как «средства» возрождающего и консолидирующего силы нации, мобилизующего ее на решение важнейших жизненных проблем. Сунь Ятсен очень рано осознал эти свойства национализма. Он понял, что именно с помощью национализма можно оздоровить нацию, высвободить ее из состояния вялого безразличия к собственной судьбе, направить ее силы на активную созидательную деятельность. В этом плане суньятсеновская проповедь национализма среди соотечественников-ханьцев стала важнейшим фактором, способствовавшим, в частности, устранению дисбаланса в национальной ситуации в Китае. «Негативная» (как говорил Сунь Ятсен) сторона реализации принципа национализма, выразившаяся в разрушении более чем 260-летнего господства маньчжуров в Китае, обернулась одним из самых позитивных событий в китайской истории XX века - ниспровержением маньчжурской монархии в Синьхайской революции. Для ханьцев это явилось чрезвычайно важным событием, так как тем самым восстанавливалась целостность системы их идентичности (лишенной до этого своей политической сферы).

Наиболее уязвимый пункт в национализме Сунь Ятсена - это его отношение к неханьским национальностям страны. Лишь в самом конце его жизни в этой области наметились положительные сдвиги. Но до этого, в тече-

ние десятилетий Сунь Ятсен подходил к неханьцам как бы с позиций нации - «хозяина», привыкшей блюсти прежде всего ханьские интересы и определять судьбы неханьских народов по собственному усмотрению. Видимо, Сунь Ятсен чувствовал необходимость введения в свой национализм определенных «ограничений», касающихся политики в отношении неханьцев. Первым шагом в этом направлении явилось его известное заявление (1906 г.), что об «уничтожении» маньчжуров не может быть и речи. Сунь Ятсен старался подчеркнуть различия между западным и китайским национализмом, показать, что последний выгодно отличается от западного, проявляющего себя в «крайних» формах. Как говорил Сунь Ятсен, Китай на протяжении нескольких тысячелетий проводил принцип умиротворения Поднебесной (пин Тянься дэ чжуи), завоевав множество малых государств Азии. Но Китай не применял, по его словам, «варварских методов» (емань шоудуань) европейских завоевателей, а пользовался «мирными методами» (хэпин шоудуань), стремясь при этом «смягчать нравы» людей⁴⁸. Не вступая в дискуссию по поводу обрисованной Сунь Ятсеном картины, замечу, что его проекты превратить полиэтнический Китай в государство одной ханьской этнонации (в результате чего «величие» ханьцев должно было «потрясти весь мир») все же основывались на абсолютно неприемлемом для неханьцев условии: их полной ассимиляции. Вполне очевидно, что подобные проекты страдали шовинизмом. Хотя сама идея Сунь Ятсена создать в Китае сильную нацию, которая могла бы стать гарантом единства и целостности Китайского государства, вполне позитивна. И это один из ярких примеров противоречивости национализма Сунь Ятсена.

Иначе выглядит идея Сунь Ятсена (весьма позитивная сама по себе) повысить консолидированность ханьцев как «государственной нации». Однако попытка Сунь Ятсена изобразить при этом Китай как государство фактически одной ханьской нации также граничит с шовинизмом. Китайские исследователи квалифицируют такого рода вещи в национализме Сунь Ятсена как «элементы идеологии великоханьского шовинизма»⁴⁹. С подобной оценкой можно согласиться. Сунь Ятсен действительно не был нарочитым шовинистом. К тому же он последовательно шел по пути, как он говорил, «исправления недостатков» своего национализма. Поэтому правомерно, думается, говорить лишь об элементах шовинизма в национализме Сунь Ятсена, которые так или иначе проявлялись на разных этапах его эволюции. Присутствуют они и в лекциях 1924 г.

Идея оказания помощи малым народам страны, конечно, заслуживает одобрения. Это как раз то, что способствовало «совершенствованию» суньятсеновского национализма. Однако позиция Сунь Ятсена в отношении многих малых этносов как этносов деградирующих и «бесперспективных» (о чем он говорил в лекциях 1924 г.) явно несправедлива. Столь же бесосновательно заявление Сунь Ятсена о том, что маньчжуры якобы уже полностью ассимилированы ханьцами. И тут мало помогает декларация о равноправии всех национальностей Китая. Вообще Сунь Ятсен был весьма чувствителен в отношении национального неравноправия. Однажды он сказал, что его «принцип нации» вызван к жизни именно стремлением к ликвидации национального неравноправия. Но волновала его прежде всего проблема неравноправия ханьцев. Отсюда противоречивость его позиции и в таком важном вопросе, как равноправие национальностей. Тем не менее, включение Сунь Ятсеном в формулу национализма Китайского Гоминьдана (Декларация 1 съезда Китайского Гоминьдана) пункта о равноправии всех национальностей в Китае имело, безусловно, важное политическое значение. Впервые этот пункт звучал как позитивный принцип политики Китайского Гоминьдана. Нужно признать,

что позиция Сунь Ятсена в вопросе о взаимоотношениях между национальностями Китая с годами становилась все более реалистичной. Так, сформулированная Сунь Ятсеном идея о равноправном сосуществовании всех национальностей в стране как неперенном требовании национализма действительно, при последовательном проведении ее в жизнь, могла послужить основой реального оздоровления межэтнических отношений в Китае.

Таковы, если говорить о главном и не вдаваться в мелкие подробности, плюсы и минусы национализма Сунь Ятсена. Как можно видеть, в его национализме немало конструктивного, что способствовало поступательному развитию Китая в XX веке. К концу жизни Сунь Ятсена его национализм действительно стал приобретать все больше здоровых черт. Важнейшим качественным изменением в национализме Сунь Ятсена явился его отказ от модели единой китайской нации (чжунхуа миньцзу), построение которой требовало ассимиляции неханьских национальностей. В целом, в утверждении, распространении и реализации своего национализма Сунь Ятсену удалось добиться многого. Его первоначальная цель - покончить с маньчжурским господством в Китае - была достигнута. Уже одного этого было бы достаточно, чтобы говорить о Сунь Ятсене как о националисте, сумевшем воплотить свои идеи в жизнь. Но он сделал нечто большее, что оставило заметный след в китайской истории XX века. Он сумел переломить ситуацию застоя и апатии в самоощущении ханцев, помог им осознать необходимость повышения уровня национальной консолидации. А это, как он был уверен, служило залогом дальнейшего укрепления и ханьской нации, и Китайского государства.

1. Го доу цюань шу (ПСС Отца Республики). Тайбей, 1997. С. 561.
2. Там же. С. 747.
3. Вэньянъ бэнь сань минь чжуи // Го фу цюань шу. С. 180.
4. Там же. С. 180-181.
5. Сунь Чжуншань цюань цзи. Пекин, 1985. Т. 5. С. 473.
6. Сань минь чжуи чжи цзюйти баньфа (Конкретные пути реализации трех народных принципов) // Го фу цюань шу. С. 891.
7. Там же. С. 890.
8. Там же. С. 889.
9. Там же. С. 472-473.
10. Цзюньжэнь цзиншэнь цзююй (Духовное воспитание военнослужащих) // Го фу цюань шу. С. 913.
11. Чжунго Гоминьдан сюаньянь // Го фу цюань шу. С. 753.
12. Чжунго Гоминьдан ди-и цы цюань го дайбяо дахуэй сюаньянь // Сунь Чжуншань сюань цзи. Т. 2. С. 520.
13. Там же. С. 525. В русском переводе первого пункта формулы национализма допущена ошибка, существенно меняющая смысл, который имел в виду Сунь Ятсен. В переводе говорится о «национальном освобождении всего Китая» (См. Сунь Ятсен. Избранные произведения. М., 1985. С. 362).
14. Цзянь го да ган // Сунь Чжуншань сюань цзи. Т. 2. С. 569.
15. Чжунго гуинчандан лиши сюэси цанькао цзыляо (Справочные материалы по изучению истории КПК). Пекин, 1961. Кн. 1. С. 42.
16. «Самоопределение, федерация и районная национальная автономия являются тремя способами (также можно сказать - тремя принципами) решения национального вопроса», пишут китайские исследователи. См. Ли Инъай, Хун Шижун. Яо лиши дэ, бяньчжэн дэ кань Чжунго гуанчандан цзаоцзи дэ миньцзу чжэнцэ (К национальной политике КПК в ранний период ее деятельности нужно подходить исторически и диалектически) // Чжунго шаошу миньцзу. 1990. № 5. С. 25. (Здесь также не учитывается, что федерация и автономия суть формы самоопределения).

17. Сунь Чжуншань цюань цзи. Пекин, 1982. Т. 2. С. 395.
18. Го фу цюань шу. С. 899.
19. Чжунго Гунчаньдан данчжан цзи гуанььюй сюгай данчжан дэ баогао (Устав КПК и Доклад об исправлении Устава партии). Б.м., 1949 (июнь). С. 4. (Даже в этом уставе, принятом на УП съезде КПК в 1945 г., говорится о будущем Китае как о «Федеративной Республике новой демократии»).
20. Сунь Чжуншань сюань цзи. Т. 2. С. 711-712.
21. Там же. Т. 2. С. 526.
22. Гэмин чэнгун цюань лай сюаньчуань чжуи (Успех революции полностью зависит от пропаганды (трех народных) принципов) // Сунь Чжуншань сюань цзи. Т. 2. С. 498. В русском переводе этого выступления Сунь Ятсена слова «своей нации» опущены, что меняет смысл его позиции.) См. Сунь Ятсен. Избранные произведения. М., 1985. С. 346.
23. В тексте Сунь Ятсена, датированном мартом 1924 г. (Сунь Чжуншань цюань цзи. Пекин, 1986. Т. 9. С. 541) один раз встречается наименование чжунхуа миньцау, однако, судя по контексту, в данном случае имеются в виду ханьцы.
24. Сань минь чжуи. Миньцзучжуи (Три народных принципа. Национализм) // Сунь Чжуншань сюань цзи. Т. 2. С. 589-590.
25. Там же. С. 590.
26. Там же. С. 593.
27. Там же.
28. Ранее (например, в 1912 г.) Сунь Ятсен, оценивая численность неханьцев в стране, называл значительно большую цифру. См. Сунь Чжуншань цюань цзи. Пекин, 1982. Т. 2. С. 388.
29. Сунь Чжуншань сюань цзи. Т. 2. С. 623, 643, 645.
30. Сунь Ятсен. Три народных принципа (Сань минь-чжуи). Перевел с китайского и снабдил примечаниями Г. Кара-Мурза. М., 1928. С. 2 (на правах рукописи).
31. Сунь Чжуншань сюань цзи. Т. 2. С. 590.
32. «Когда иностранцы говорят, что китайцы подобны множеству разрозненных песчинок, мы признаем (что это так)», - говорил Сунь Ятсен // Там же. С. 688.
33. Сунь Чжуншань цюань цзи. Т. 1. С. 324-325.
34. Сунь Чжуншань сюань цзи. Т. 2. С. 594.
35. Мянй Чжунго цзидудзюа циньянь (Обращение к протестантской молодежи Китая) // Сунь Чжуншань цюань цзи. Пекин, 1986. Т. 11. С. 536.
36. Сунь Чжуншань сюань цзи. Т. 2. С. 645, 647.
37. Там же. С. 647.
38. Там же. С. 660.
39. Сунь Чжуншань сюань цзи. Т. 2. С. 649.
40. Сунь Ятсен утверждал, что державы по темпам роста численности населения значительно опережают ханьцев. В этом он видел реальную угрозу для Китая.
41. Сунь Чжуншань сюань цзи. Т. 2. С. 643, 653, 656.
42. Там же. С. 621, 622.
43. Там же. С. 629, 632.
44. Там же. С. 615.
45. Там же. С. 623.
46. Речь идет о кисти как орудии письма в руках китайца.
47. Сунь Чжуншань сюань цзи. Т. 2. С. 623.
48. Там же. С. 621.
49. Чжан Чжэнмин, Чжан Найхуа. Упом. соч. С. 15.

Извилистый путь к альянсу: Советская Россия и Сунь Ятсен (1918-1923)

© 1999

М.Крюков

(Окончание. Начало в ПДВ № 2, 1999 г.)

Отношение Сунь Ятсена к Советской России

Действия Сунь Ятсена, стремившегося наладить контакт с Советским правительством, определялись совершенно иными побудительными мотивами.

Главной целью всей политической деятельности Сунь Ятсена после того, как он добровольно сложил с себя обязанности Временного президента Китайской Республики, было стремление свергнуть Пекинское правительство и осуществить объединение Китая. Он видел два основных пути к достижению этой цели.

Первый предполагал признание западными державами возглавляемого им правительства как единственно законного субъекта власти в Китае. Усилия в этом направлении д-р Сунь весьма энергично предпринимал каждый раз, когда его позиции на Юге укреплялись. Но попытки добиться успеха вновь и вновь кончались неудачей. Более того, Сунь Ятсен дважды был вынужден покинуть Кантон и переселяться в Шанхай, где у него не было ни правительства, ни армии, ни денег.

И тогда лидер китайской революции обращал все свои помыслы ко второму способу достичь желаемого. Внутри страны он стремился заручиться помощью то одного, то другого милитариста с тем, чтобы совместными усилиями совершить поход на Север и с помощью военной силы захватить Пекин. Одновременно он прилагал усилия к тому, чтобы получить военную помощь от какой-либо иностранной державы. Разумеется, и то, и другое могло быть реализовано только при условии абсолютной секретности переговоров.

Сейчас мы можем лишь догадываться о том, почему, обратив в 1918 году свой взгляд в сторону Советской России, Сунь Ятсен послал в Москву приветственную телеграмму, которая могла сразу же стать достоянием гласности. Но вплоть до января 1923 года это был единственный незасекреченный документ, свидетельствовавший о намерении Сунь Ятсена вступить в сношения с большевиками.

По-видимому, идея "Северо-Западного плана" созрела у него вскоре после того, как была отправлена вышеупомянутая телеграмма. Смысл плана мы можем более или менее точно восстановить на основании достоверных архивных материалов.

28 января 1918 года, еще до того, как ему пришлось покинуть Кантон, Сунь Ятсен заявлял:

“Отныне ситуация в нашей стране требует внимания к Северо-Западу. Если нынешнее революционное правительство России сможет укрепить свое положение, мы можем ожидать в этом районе больших изменений”¹.

Через три месяца после этого он телеграфировал своим сторонникам в провинции Сычуань: “С точки зрения войск, сражающихся за справедливость, и будущих сношений с Россией, непременно следует обратить внимание на Северо-Запад”².

В сентябре того же года Сунь Ятсен получил письмо от некоего Чжан Тяня, в котором подробно обосновывалась целесообразность использовать части Красной Армии, сформированные из проживающих на территории России китайских иммигрантов, для вступления на Северо-Запад Китая и последующего “низвержения бюрократического политического строя” в стране. Сунь Ятсен наложил на письмо резолюцию: “Выяснить, кем передано и кто автор письма, составить соответствующий ответ и наградить”³.

Истолковать эти слова можно лишь в том смысле, что тогда в руководстве Гоминьдана уже обсуждалось нечто сходное с предложением Чжан Тяня, которое не представляло собой ничего принципиально нового, однако его автор все же заслуживал награды за свою ценную инициативу.

В конце 1919 года с Сунь Ятсеном встречался в Шанхае редактор местной прокоммунистической газеты “Труд” Н.Матвеев-Бодрый, который затем отправился в Москву. Не исключено, что именно через него д-р Сунь передал советскому руководству свою просьбу, связанную с осуществлением “Северо-Западного плана”.

В ответ на это в Шанхай в марте 1920 года и был послан полковник Попов, который дал отрицательную оценку военному плану Сунь Ятсена. Тем не менее, тот продолжал изыскивать возможности для того, чтобы заинтересовать русских перспективами участия в совместных боевых операциях против Пекина. Свои надежды в этом отношении Сунь Ятсен возлагал теперь на большевистский анклав в Восточной Сибири - советский Благовещенск.

Во второй половине 1920 года из Благовещенска в Шанхай прибыл Лю Цянь (он же Федоров), называвший себя “представителем Китайской коммунистической партии”. Его переговоры с Сунь Ятсеном носили вполне конкретный характер и закончились даже подписанием соглашения о “немедленном объединении революционных китайских сил, находящихся на территории Южного Китая, Центральной России и Дальнего Востока, дабы совместно - в полном контакте могли подготовить почву для выступления против существующего на севере реакционного правительства”⁴.

Реальный прогресс в деле осуществления “Северо-Западного плана” приковал к себе внимание лидера Гоминьдана. Поэтому, получив в конце 1920 года письмо Чичерина, Сунь Ятсен не спешил с ответом, в то же время форсируя контакты с Благовещенском. В ноябре он направил туда своего представителя Ли Чжанда, который обсуждал детали сотрудничества с председателем благовещенского Нарревкома Я.Яковлевым. Результаты были более чем обнадеживающими. Амурские коммунисты предоставили Сунь Ятсену финансовую помощь (Из Шанхая в связи с этим было направлено благодарное письмо).

Но д-р Сунь был плохим конспиратором. Его письмо было перехвачено осведомителями пекинских спецслужб, и вскоре китайский консул заявил местным амурским властям протест в связи с тем, что “Яковлев вел переговоры

в Благовещенске с представителями Сунь Ятсена, дал им субсидию, имеется копия письма из Шанхая, в котором Яковлева благодарят за помощь"⁵.

В конце 1920 г. в Шанхае побывал К.Соколов-Страхов, встречавшийся в Благовещенске с Ли Чжанда (его он называет Лизуитаном). Он позднее писал:

"Военный договор, который мыслил заключить д-р Сунь Ятсен, сводился к тому, чтобы Красная Армия начала свое наступление весной со стороны русского Туркестана на Синьцзян в направлении на главный город юго-западной китайской провинции Сычуань. В этой провинции... числилось около 40 тыс. членов партии Гоминьдан, которые подготовлены к такому обороту дел и с радостью встретят Красную Армию"⁶.

Однако вскоре Сунь Ятсен вернулся в Кантон. Теперь все мысли лидера Гоминьдана были направлены на то, чтобы попытаться воздействовать на нового президента США У.Гардинга и заручиться его поддержкой в смысле официального признания Кантонского правительства. Амбициозный "Северо-Западный план" был положен под сукно.

В начале марта 1921 г. Сунь Ятсен через своего агента в США Ма Су направил поздравление президенту Гардингу. В нем он выражал надежду на то, "что республиканскую Америку и республиканский Китай впредь будут связывать еще более тесные отношения"⁷. Однако это послание дошло лишь до кабинета заведующего Дальневосточным отделом Госдепартамента, который отказался направить его адресату. Ма Су попытался апеллировать прямо к президенту и попросил для этого аудиенции у его секретаря, однако получил отказ на том основании, что он "называет себя представителем Сунь Ятсена, а Сунь Ятсен выступает против Пекинского правительства - единственного правительства Китая, признанного международным сообществом"⁸.

Тем временем Сунь Ятсен добился своего избрания Чрезвычайным президентом Китая. Сделать это было не просто потому, что против этих выборов возражали многие соратники д-ра Суя: в Кантоне присутствовала лишь небольшая часть депутатов прежнего парламента. Выборы в условиях отсутствия необходимого кворума означали бы, что Сунь Ятсен отбросил свой главный политический козырь - лозунг о борьбе "в защиту конституции".

Так или иначе, выборы состоялись (в голосовании приняли участие 225 парламентариев из общего числа 1000; за кандидатуру Сунь Ятсена было подано 222 голоса). Но тот медлил с официальным вступлением в должность, ожидая, какой будет реакция держав. Беседуя в апреле в Кантоне с А.Ходоровым и К.Стояновичем, президент объяснял эту задержку не политическими, а чисто техническими обстоятельствами и, явно принимая желаемое за действительное, утверждал, что послы некоторых стран положительно относятся к его избранию⁹.

5 мая 1921 г. Сунь Ятсен наконец принес присягу в качестве президента Китая. В опубликованной тогда декларации он утверждал, что возглавляемый им кабинет "является единственным правительством Китайской Республики"¹⁰. После этого Гардингу было написано еще одно письмо, в котором Соединенные Штаты были названы "матерью демократии, защитником свободы и справедливости"¹¹; это письмо было отослано Госдепартаментом американскому консулу в Кантоне для возврата автору.

В середине августа Пекинское правительство получило официальное приглашение на Вашингтонскую конференцию. Сунь Ятсен потребовал от Соединенных Штатов, чтобы представители его правительства также получили возможность участвовать в конференции. Госдепартамент согласился предоставить ему лишь одно место, да и то в составе пекинской делегации; Кантон ответил на это отказом.

20 сентября 1921 г. Сунь Ятсен сделал еще одну попытку добиться признания со стороны США. Однако его пространное письмо на имя Гардинга до адресата не дошло и было сразу отправлено в архив¹².

Только перенеся это очередное унижение, Сунь Ятсен, принял иной план действий. Он, наконец, составил ответ на давно полученное им письмо Чичерина и решил послать своего представителя Чжан Цюбая на Съезд трудящихся Дальнего Востока, который советское руководство первоначально намеревалось созвать в Иркутске. В декабре Б.Шумяцкий уже сообщал в Москву: "Здесь находится уполномоченный представитель Юга, который желал бы восстановить, если не официальные отношения, то официозные и легальные отношения"¹³. Отвечая на запрос Ленина о письме Сунь Ятсена, Чичерин в конце января 1922 г. сообщал: "Здесь представитель его партии - Гоминьдан - и мы установим de facto отношения. Большого они не хотят"¹⁴.

Отношения de facto были установлены. В августе 1922 г. член миссии А.Иоффе А.Геккер по поручению последнего уже обсуждал с Сунь Ятсеном конкретные вопросы оказания Россией помощи Гоминьдану. "В конце концов удастся объединить Китай, в этом д-р Сунь убежден, - писал в своем отчете Геккер. - Собственными силами, однако, ему придется бороться за это очень долго. Иностранцы препятствуют объединению. Нам нужен друг, который поддержал бы объединение, этим другом может быть только Россия (выделено мною. - М.К.)"¹⁵.

Во время переговоров с Геккером Сунь Ятсен вновь излагает свой "Северо-Западный план", точнее - его поздний вариант. В 1918 году речь шла о прямой военной интервенции Советской России в Китае с целью предпринять поход на Пекин. Теперь Сунь Ятсен хотел "иметь у северо-западных границ или в Туркестане собственные военные силы, которые получали бы из России оружие и боеприпасы. Провиант там имеется. Лишь сообщение чрезвычайно затруднено... Может ли Россия предоставить транспортные средства, боеприпасы, оружие для такой революционной армии?"¹⁶.

Для адекватного понимания позиции в отношении России, которую занимал Сунь Ятсен в это время, чрезвычайно важно его письмо Ленину, написанное 6 декабря 1922 г. Оно цитировалось ранее в отрывках, что полностью искажало его первоначальный смысл.

До Сунь Ятсена дошла информация о том, что советские войска концентрировались на границе северной Маньчжурии и готовились к вступлению на территорию Китая для уничтожения обосновавшихся там остатков белогвардейских отрядов. Д-р Сунь решительно выступил против этого:

"Я опасаясь, что эта оккупация будет иметь тяжелые последствия для дальнейших русско-китайских отношений... Если Вы оккупируете эту область, то я уверен, мой народ истолкует этот шаг, как продолжение империалистической политики старой России... В самом деле, я убежден, что Вам необходимо занять Северную Маньчжурию вследствие недоверия к Чжан Цзолиню. Но позвольте мне еще раз подчеркнуть, что, действуя через меня и со мною, Вы можете заставить Чжан Цзолиня в пределах разумности сделать все необходимое для безопасности Советской России..."¹⁷.

Чрезвычайный президент Китая, только что обратившийся к Советской России за военной помощью, видимо, искренне считал, что любые акции такого рода были на благо Китая только в том случае, если они осуществлялись "через него и с ним". И поэтому через две недели после этого он пишет Иоффе:

"Ведя переговоры с Пекином, Вы практически соглашаетесь с аргументом капиталистов, будто в разрешении китайского вопроса должен быть

принят способ медленных, постепенных изменений, который называют эволюцией, вместо того метода, который можно назвать советским методом революции... Я могу сейчас двинуть почти сто тысяч человек из Сычуаня через Ганьсу во Внутреннюю Монголию и в конечном итоге получить преобладание на исторической линии наступления, которая лежит к северо-западу от Пекина. Но мы хотим получить помощь в виде вооружения, боеприпасов, техники, специалистов и т.д. Может ли Ваше правительство помочь мне через Ургу и, если так, то в какой мере и в каком отношении?"¹⁸.

Союз с Советской Россией или с Германией?

Картина, в общих чертах намеченная в предшествующем изложении, была бы неполной и односторонней, если бы мы не коснулись еще одного аспекта многогранной внешнеполитической деятельности Сунь Ятсена - его взаимоотношений с Германией. В нашей литературе эта тема почти полностью игнорировалась: во-первых, она представлялась побочной и второстепенной; во-вторых, ее анализ мог поставить под сомнение традиционный для советской историографии тезис о Сунь Ятсене как верном и испытанном друге СССР.

Первые контакты Сунь Ятсена с представителями правительства Германии относятся к началу 1917 г. Тогда в Пекине широко обсуждался вопрос о целесообразности вступления Китая в войну на европейском континенте. Германский посол П. фон Хинтце предпринимал отчаянные усилия для того, чтобы противодействовать нажиму на китайское правительство со стороны держав Антанты. Стало известно, что их дипломатические представители намекнули Дуань Цижую о денежной компенсации в случае, если Китай разорвет отношения с Германией, и Хинтце сделал ответный шаг, со своей стороны также посулив ему деньги.

Когда выяснилось, о какой сумме идет речь, Дуань Цижуй усмехнулся: "Антанта дает мне гораздо больше!" Хинтце увидел, что перекупить Пекин ему не удается, и предложил Берлину сыграть на противоречиях между Севером и Югом. По поручению посла секретные переговоры с Сунь Ятсеном начал консул в Шанхае Книппинг.

Германия предложила Сунь Ятсену финансовую помощь в обмен на любые конкретные меры по противодействию антигерманским настроениям в стране. Вскоре ему были переданы два миллиона юаней - первое реальное подтверждение того, что у немцев были на сей счет вполне серьезные намерения¹⁹. Выполнил свое обещание и Сунь Ятсен, совместно с Чжу Чжисинем написавший статью "Вопрос жизни и смерти Китая"; в ней авторы доказывали, что китайцы не должны вмешиваться в европейские дела. Ту же мысль Сунь Ятсен настойчиво проводил и в своих обращениях, с одной стороны, к депутатам парламента, с другой - к правительству Великобритании (в последнем случае он призывал англичан не оказывать давления на правительство и общественное мнение Китая)²⁰.

Но усилия Сунь Ятсена не увенчались успехом: в марте 1917 г. нижняя палата парламента подавляющим большинством голосов высказалась за вступление Китая в войну против Германии, после чего Берлин утратил интерес к Сунь Ятсену.

Очередной шаг к установлению контакта с правительством Германии был сделан через полтора года после этого. 7 ноября 1918 г. германское посольство в Норвегии сообщило в Министерство иностранных дел об Абеде Цао, прибывшем из Южного Китая по поручению д-ра Сунь Ятсена. Цао со-

общил, что он лично знаком с бывшим послом Хинтце, а тот подтвердил, что действительно встречался в Китае с Цао, который является другом Германии. Разрешение на въезд в Берлин было получено и вскоре китайский эмиссар уже устраивался в отеле Адлон, где его навещал Хинтце²¹.

1 декабря Цао представил германскому правительству предложения Сунь Ятсена, включавшие два раздела.

В первом содержалась информация о политической платформе и персональном составе Южного правительства, которое обладает значительными военными силами - в общей сложности 100 тыс. штыков, одна пятая часть которых размещена на юге Фуцзяни, половина ведет боевые действия в Хуанани, а остальные 30 тыс. находятся в Цзянси. В распоряжении Южного правительства имеется также 1-й флот, сосредоточенный в Кантоне. Наконец, в провинции Шэньси на Северо-Западе Китая под влиянием этого правительства находится армия, насчитывающая около 30 тыс. китайцев, монголов и мусульман. Что касается Пекинского правительства, то оно было сформировано в нарушение конституции. Большинство членов кабинета подкуплено странами Антанты и послушно выполняет их волю. Особую активность в этом отношении проявляет Япония, осуществляющая военную интервенцию в Сибири и намеревающаяся аннексировать Маньчжурию. Однако эта неблагоприятная международная ситуация может быть коренным образом изменена, если Китай в лице Южного правительства объединит свои усилия с Германией.

Во втором разделе представленного Цао документа содержался конкретный план германо-южнокитайского сотрудничества. В соответствии с ним, предполагалось использовать находящихся в России китайских иммигрантов и германских военнопленных для боевых действий на территории Китая. Для этой цели было бы достаточным объединить 12 тыс. китайских добровольцев и 10 тыс. германских солдат, которым бы были приданы 3-5 аэропланов. Одновременно с походом на Пекин была бы организована доставка в Германию продовольствия и иных необходимых товаров. После свержения Пекинского правительства Германия могла бы оказывать Китаю финансовую помощь для строительства шоссейных и железных дорог, развития просвещения и совершенствования технологии промышленного производства. Китай со своей стороны осуществлял бы снабжение Германии сырьем и материалами²².

Тайваньский историк Ли Гоци, изучавший архивные материалы о переговорах Абеля Цао в Берлине, воздерживается от окончательного ответа на вопрос: был ли текст предложений написан самим Сунь Ятсеном или его на основании полученных инструкций составил Цао²³. Немцы также оказались несговорчивыми: Хинтце дал отрицательную оценку его предложению²⁴. Сопоставление данного документа с содержанием "Северо-Западного плана" не оставляет сомнения в их принципиальной близости. К тому же обе идеи были сформулированы практически одновременно. Сказанное означает, что в 1918 г. Сунь Ятсен на равных рассматривал два варианта своего военного плана свержения Пекинского правительства с помощью вооруженных сил либо России, либо Германии.

Русские не откликнулись на призыв, сочтя, что "планы д-ра Суня неосуществимы"²⁵. Абель Цао (он же Цао Ябо) был вынужден покинуть Берлин и возвратиться в Китай, не выполнив поручения. Правда, впоследствии он регулярно получал из Германии необходимые ему лекарства; это было единственным позитивным результатом его миссии. Как уже упоминалось выше, в августе 1922 г. Сунь Ятсен говорил Геккеру, что подлинным другом Китая может быть "только Советская Россия". Годом раньше Чрезвычайный президент Китая формулировал свою мысль иначе. 26 сентября 1921 г. германский

вице-консул в Кантоне Вагнер сообщал в свой МИД, что в беседе с ним Сунь Ятсен говорил о значении китайско-германского сотрудничества:

“В лице немцев, - писал Вагнер, - он видит единственное (подчеркнуто мной. - М.К.) правительство, способное оказать ему помощь, и нацию, которая в состоянии раскрыть неограниченные природные ресурсы Китая... Он надеется на то, что немецкий разум и способности, на которые можно положиться, окажутся полезными для содействия во всех сферах административного управления и экономики... Он намеревается передать в руки немцев финансы, управление, экономику, просвещение и военные вопросы”²⁶.

Для обсуждения перспектив сотрудничества двух стран в Германию был послан Чжу Хэчжун, имевший указания вести переговоры по следующему кругу вопросов:

- 1) дипломатическое признание Кантона;
- 2) оказание Германией помощи Китаю в области промышленности;
- 3) приглашение в Кантон немецких военных советников.

В Германии Чжу Хэчжун установил связь с деятелями, которые в свое время уже были вовлечены в переговорный процесс, - Хинтце и Книппингом. О первом из них он сообщал Сунь Ятсену: “Бывший германский посол в Китае Хинтце прекрасно знает ситуацию в нашей стране... Он человек оригинального мышления и гибкий политик... Еще до моего прибытия в Берлин он уже выдвигал идею союза Китая, Германии и России, что совпадает с полученными от Вас указаниями”²⁷.

По рекомендации Чжу Хэчжуна д-р Сунь пригласил Хинтце посетить Кантон. Ответственным за прием гостя был назначен Цао Ябо, которому было предписано действовать с соблюдением всех требований конспирации.

На конверте письма, переданного Ляо Чжункаю 8 марта 1922 года, была сделана пометка: “Посторонним не вскрывать”. В письме говорилось: “От Чжу Хэчжуна получено сообщение о том, что осуществление запланированного идет успешно... Дождавшись прибытия Хинтце в Кантон, Ябо должен лично встретить его и привезти с штаб. Дело требует полной секретности. Поэтому по получении данного письма нужно дать указание почтовому ведомству обращать внимание на все телеграммы из Европы и из городов, лежащих по пути из Европы. Получив известие, помеченное буквой “Х”, надлежит отправиться в порт и дожидаться прибытия судна... Чем больше тайны будет вокруг дела Хинтце, тем лучше. За исключением совершенно неординарных обстоятельств о нем не должны знать даже члены правительства”²⁸.

К сожалению, Ляо Чжункай не вернул это письмо отправителю для последующего сожжения, а просто спрятал его в сейф. Когда Кантон был захвачен войсками Чэнь Цзюньмина, письмо было обнаружено и предано гласности на страницах одной из гонконгских газет. Из-за разразившегося по этому поводу скандала миссия Хинтце не дала результатов; вскоре домой вернулся и Чжу Хэчжун, которому за два года пребывания в Германии не удалось убедить немцев в целесообразности сотрудничества с Сунь Ятсеном и его правительством.

Тем не менее на смену Чжу Хэчжуну в конце 1922 г. был послан другой эмиссар - Дэн Цзянь. Ему удалось выяснить возможности закупки в Германии оружия и, в частности, самолетов, о чем он и написал в Кантон. 18 августа 1923 г. Сунь Ятсен послал Дэн Цзяню ответное письмо, содержание которого представляет несомненный интерес для обсуждаемой нами темы. Я приведу его полностью, поскольку на русском языке оно никогда не публиковалось:

“Письмо от 23 июня получил. Сейчас наши финансы находятся в плачевном состоянии и поэтому о закупке оружия не может быть и речи. Что касается аэропланов, то мы можем производить их сами. Недавно был выпущен первый аэроплан, который превосходит зарубежные. В дальнейшем производство аэропланов будет серийным, так что ввозить их из-за границы нет необходимости.

Ваши предыдущие письма я получил и собственноручно написал ответ на одно из них. Не знаю, дошел ли он?

В настоящее время мы нуждаемся в немецких технических специалистах, но приглашение их от случая к случаю не решает проблемы. Необходимо совместно с предпринимателями (например, с фирмой Стиннес) и правительством Германии выработать широкомасштабный план, в соответствии с которым Китай предоставит материальные средства и рабочую силу, а Германия - технику и научные разработки для сотрудничества в целях разработки богатых природных ресурсов Китая, реформирования его административной системы, переоснащения китайских вооруженных сил. Одним словом, цель состоит в том, чтобы в кратчайшие сроки, используя знания немецких специалистов, превратить Китай в богатое и сильное государство. Когда же этот первый шаг будет осуществлен, мы окажем Германии помощь с тем, чтобы она могла освободиться от пут Версальского договора.

Если нам удастся использовать в Китае не находящих себе применения офицеров германской армии и флота, а также разработки и опыт в области производства вооружений, организации армии и т.д., создать в Китае сильное государство и оказывать друг другу взаимопомощь, то Германия сможет, обеспечить благосостояние и мощь Китая, восстановить права, утраченные ею в результате поражения в прошлой войне. Не знаю, понимает ли это большинство германских политиков?

Мне хотелось бы, чтобы Вы, воспользовавшись своим пребыванием в Германии разъясняли эту мысль правительству и предпринимателям. Если они осознают это и поймут, насколько две наши страны нуждаются друг в друге и сколь неотложной является наша взаимопомощь, если они, будучи европейцами, не станут свысока смотреть на азиатов и пренебрегут расовыми различиями, то тем самым они окажут неоценимую услугу человечеству. Если германские деятели, работая в этом направлении, будут способствовать альянсу Китая и Германии, то это станет их заслугой, превосходящей деяния Бисмарка! А Вы в качестве посредника сможете совершить то, на что не способны были бы и сорок миллионов человек!...”²⁹

Слова эти были написаны спустя три месяца после того, как Сунь Ятсен направил в Москву телеграмму с благодарностью за “великодушные обещания” большевиков. В ней он заверял советских руководителей, что посвятит “большую часть своей энергии” осуществлению выдвинутых ими предложений³⁰. Быть может, эта формулировка более многозначительна, чем кажется на первый взгляд: определенную часть своей энергии Сунь Ятсен резервировал для того, чтобы, уже заручившись помощью России, попытаться на всякий случай выбить кое-что из Германии.

Но планы лидера китайской революции чаще всего терпели крах. Так было и на этот раз. Германия, только что заключившая договор с Пекинским правительством, не сочла уместным вступать в более тесные отношения с Кантоном. Германский МИД не проявил энтузиазма по поводу планов Сунь Ятсена: Дэн Цзянь был уведомлен о том, что в соответствии с условиями Версальского договора Германия не может сотрудничать с зарубежными странами в военной сфере; что же касается экономического сотрудничества,

то здесь слово за немецкими фирмами, которые не нуждаются в санкционировании их деятельности со стороны государства. Дэн Цзянь, как и его предшественники, вернулся в Китай, не добившись желаемого. А перспектива взять Германию своим "единственным учителем" так и осталась красивой, но неосуществленной мечтой Сунь Ятсена.

Сунь Ятсену пришлось довольствоваться тем, что предлагала ему Россия. И вскоре он сформулировал вошедший в историю лозунг:

"В дальнейшем революция безусловно не сможет рассчитывать на успех, если она не возьмет своим учителем Россию".

Общие выводы

Несколько причин обусловили тот неоспоримый факт, что путь к союзу между Москвой и Кантоном был долгим и извилистым.

Во-первых, побудительные мотивы сторон, стремившихся к установлению взаимных отношений, были принципиально различными. Большевики искали контактов с Сунь Ятсеном, потому что видели в нем потенциального соратника в великом деле разжигания пожара мировой революции. Со своей стороны, Сунь Ятсен для осуществления своей задачи свержения Пекинского правительства нуждался в иностранной военной помощи, вне зависимости от того, кто именно мог бы предоставить ему эту помощь.

Во-вторых, намерения как одной, так и другой стороны не оставались неизменными. Советские руководители время от времени начинали сомневаться в правильности своего выбора и склонны были отдавать предпочтение иным фигурам на китайском политическом небосклоне. Сунь Ятсен со своей стороны балансировал между двумя перспективами: укрепившись на Юге, он возлагал надежды на официальное признание его правительства державами; потерпев поражение и будучи вынужденным бежать из Кантона, он начинал лихорадочно искать возможности заручиться поддержкой из-за рубежа с тем, чтобы добиться цели объединения страны военными средствами.

В-третьих, Советское правительство меняло свои намерения не только в отношении выбора соратника по революционной борьбе, но и в определении приоритетов своей политики в Китае, когда на первый план в силу конкретных обстоятельств выходили контакты то с Пекином, то с Кантоном. Не было последовательности и в стремлении Сунь Ятсена получить иностранную военную помощь; в поисках ее он поочередно обращался то к России, то к Германии.

В-четвертых, усилия сторон, направленные на их сближение, не были синхронными; когда этого хотели советские руководители, Сунь Ятсен проявлял сдержанность, и наоборот.

Все это вместе взятое не позволяет согласиться с широко распространенным мнением, согласно которому союз Москвы и Кантона был закономерным следствием общности их идеологических устремлений. Напротив, этот альянс стал реальностью лишь в силу счастливого стечения случайных обстоятельств.

-
1. Сунь Чжуншань цюаньцзи (Полное собрание сочинений Сунь Ятсена). Т. 4. Шанхай, 1985. С. 320.
 2. Там же. С. 394.
 3. Архив истории Гоминьдана, 016/530.
 4. ВКП(б), Коминтерн и национально-освободительное движение в Китае. Документы. Т.1. 1920-1925. М., 1994. С. 42.

5. Персиц М.А. Революционные китайские организации на территории ДВР и Сунь Ятсен. // В кн.: Сунь Ятсен. 1866-1966. М., 1966. С. 357-358.
6. ВКП(б)... С. 60.
7. G.V.Christian to Vice Secretary of State, July 27, 1921, SDA 893.00/4080.
8. Ibid.
9. Шелелев К.В. Неизвестное интервью Сунь Ятсена // Проблемы Дальнего Востока, 1974. № 3.
10. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (FRUS). 1921. Vol. 1. Pp. 336-337.
11. Ibid. Pp. 338-339.
12. SDA, 793.94/1238.
13. ВКП(б)... С. 65.
14. Документы внешней политики СССР. Т. 5. С. 62-63.
15. ВКП(б)... С. 128.
16. Там же. С. 128-129.
17. Там же. С. 151.
18. Там же. С. 153.
19. Ли Гоци. Дэго дангань чжун югуань чжунго цаньцзя ди и цы шицзе дачжань ды цзисян цзицзай (Материалы германских архивов об участии Китая в первой мировой войне). В кн.: Ли Гоци. Миньго ши луныцзи (Сборник статей по истории китайской Республики). Тайбэй, 1990. С. 320.
20. Го фу цюаньцзи (Полное собрание сочинений Отца Государства). Т. 3. Тайбэй, 1980. С. 474-475, 477.
21. Ли Гоци. Материалы... С. 321.
22. Там же. С. 323.
23. Там же.
24. SDA, 761.93/142.
25. Ли Гоци. Материалы... С. 323.
26. Acten zur Deutschen Auswaertigen Politik, Serie A, Bd VI, Nr 4.143.
27. У Сянсян. Чжунго сяньдайши цункань (Сборник статей по новейшей истории Китая). Т. 2. Тайбэй, 1960. С. 113.
28. Там же.
29. Го фу цюаньцзи. Т. 3. С. 626.
30. Сунь Ятсен. 1866-1989. К 120-летию со дня рождения. М., 1987. С. 286.

Документы, архивы

1960 год глазами советских и китайских руководителей

(по документам Центра хранения современной документации
и Архива Президента Российской Федерации)

© 1999

М.Процуменщиков

Начало 1960 г. не предвещало серьезных коллизий в коммунистическом мире. Прошлогодние проблемы в советско-китайских отношениях, вызванные нейтральной позицией СССР в ходе китайско-индийского пограничного конфликта и негативной реакцией в КНР на визит в Соединенные Штаты Америки советского лидера, казалось, были улажены в ходе личной встречи Мао Цзэдуна и Н.С.Хрущева во время празднования 10-летия победы китайской революции. По мнению советской стороны, с осени 1959 г. начался процесс дальнейшего улучшения отношений между двумя странами, что, согласно советской политической терминологии, подразумевало приближение китайских взглядов к точке зрения Москвы.

Этот процесс находил свое выражение и в публичных акциях обеих сторон. В январе министр иностранных дел КНР, заместитель председателя Госсовета КНР Чэнь И на заседании Комитета Всекитайского Собрания Народных Представителей (ВСНП) приветствовал мирную инициативу Советского Союза об одностороннем сокращении своих вооруженных сил, подчеркнув, что китайский народ вместе с СССР будет вести упорную и неустанную борьбу за осуществление всеобщего и полного разоружения. В феврале в Китае была опубликована большая подборка из польских газет в связи с вопросом о соотношении роли и значения материальных и моральных стимулов в повышении производительности труда. В отличие от дискуссии 1958 г. об остатках "буржуазного права", ныне в китайских средствах массовой информации утверждалось, что Китай выступает не против принципа материальной заинтересованности, а против излишнего преувеличения его роли. В свете этих заявлений в Советском Союзе отнеслись достаточно спокойно к сообщению кандидата в члены Политбюро ЦК КПК Лу Дин'и о том, что КНР хотела бы провести осенью этого года совещание экономистов социалистических стран, в т.ч. и для обсуждения принципа материальной заинтересованности¹.

В конце марта Китай посетила правительственная делегация СССР во главе с министром внешней торговли Н.С.Патоличевым для подписания протокола о взаимных поставках. В отличие от прошлых лет, переговоры шли на очень высоком уровне: с делегацией встречались заместитель Председателя ЦК КПК Лю Шаоци и член Политбюро ЦК КПК Чжоу Эньлай, ее членам был предоставлен специальный самолет для поездок по стране. Выступая на сессии ВСНП Чжоу Эньлай сказал о возможном согласии КНР на пересмотр некоторых статей советско-китайского договора 1950 г., хотя раньше китайцы отрицательно относились к этому предложению СССР.

Более дружественными стали встречи и беседы советских дипломатов с китайскими официальными лицами, в ходе которых неизменно отмечалось сохранение между странами и партиями подлинно товарищеских отношений. Если ранее в Китае говорили о временном характере разногласий, то теперь появились высказывания не только об их временности, но и устранимости в самом ближайшем будущем.

Однако по ряду важных проблем сближения позиций не произошло и обе партии не шли на компромисс. Прежде всего, это касалось расхождений во взглядах на проблемы разоружения, мирного сосуществования и различных форм перехода к социализму, возможности предотвращения войн в ядерную эпоху. В Китае с нескрываемым скептицизмом смотрели на заигрывания Хрущева с Западом, которые, на их взгляд, были изначально обречены на провал. В Москве же не хотели принимать "арифметику Мао Цзэдуна", по которой лишь небольшой процент выживших после ядерной катастрофы получал прописку в светлом коммунистическом будущем. Заявления китайцев об атомной бомбе как "бумажном тигре" и их воинственные призывы к беспощадной борьбе с империализмом путали карты советскому руководству, рассчитывавшему убедить западных партнеров в миролюбии коммунистического лагеря и его готовности вести сражения только в области экономического соревнования двух систем.

Помимо чисто теоретических аспектов спора разногласия между двумя партиями имели и весьма серьезный идеологический подтекст: так как и КПСС, и КПК считали себя верными последователями марксистско-ленинского учения, то значительное расхождение их взглядов на основные вопросы современности могло означать либо расплывчатость и несовершенство самого учения (что не допускали, естественно, ни та, ни другая), либо тот факт, что одна из этих партий перестала быть марксистско-ленинской. Положение усугублялось тем, что обе коммунистические партии активно цитировали В.И. Ленина, искусно подбирая из его богатого эпистолярного наследия цитаты, которые оправдывали бы верность их взглядов марксизму-ленинизму. В КНР, например, ссылались на классические труды Ленина, когда доказывали, что сущность империализма нельзя изменить и только мировая революция может ликвидировать войны, а русские коммунисты утверждали, что именно Ленину принадлежит идея мирного сосуществования капитализма и социализма.

Существенные расхождения во взглядах создавали серьезные проблемы и в области практической деятельности. Китайцев повергло в шок выступление Хрущева на митинге трудящихся г. Москвы 28 сентября 1959 г., в котором лидер КПСС и руководитель государства, стоящего во главе мирового революционного движения, заявил, что президент США Д.Эйзенхауэр пользуется абсолютным доверием американского народа². С другой стороны, советскому представителю в "Комитете 10" В.А.Зорину вряд ли понравился вопрос его коллеги по работе в Комитете англичанина Ормсби-Гора, который попросил

Зорина прокомментировать высказывание заместителя председателя Всекитайской Федерации Профсоюзов Лю Чаншэна о том, что советское предложение о всеобщем и полном разоружении носит исключительно пропагандистский характер и вряд ли может иметь практическое значение.

До тех пор, пока эти противоречия находились в узких рамках двусторонних отношений, в Москве демонстрировали к ним, хотя и отрицательное, но достаточно терпимое отношение. Однако, если в Китае имеющиеся разногласия пока предпочитали не обсуждать с советскими представителями, то СССР, наоборот, стремился «к товарищескому обсуждению всех неясных вопросов сейчас, не накапливая их»³. Посетившие в феврале Пекин кандидат в члены Президиума ЦК КПСС П.Н.Поспелов и министр иностранных дел СССР А.А.Громыко выразили уверенность, что обе партии всегда смогут «найти совместные решения, соответствующие интересам нашего общего великого дела»⁴.

Поэтому для советской стороны стала полной неожиданностью серия публикаций в «Жэньминь жибао», «Хунци» и других средствах массовой информации Китая в связи с празднованием 90-летия со дня рождения Ленина, в которых расхождения в позициях сторон были фактически преданы широкой огласке. Хотя ни в публикациях, ни в аналогичном по содержанию выступлении кандидата в члены Политбюро ЦК КПК Лу Динъи на торжественном заседании 22 апреля в Пекине не был упомянут Советский Союз, а под ревизионистами как обычно подразумевались югославские коммунисты, было достаточно очевидно, что острие критики направлено, прежде всего, против взглядов, которые отстаивала КПСС. Собственно в КНР это и не скрывали, и уже в мае генеральный секретарь ЦК КПК Дэн Сяопин прямо сказал советскому послу в КНР С.В.Червоненко, что это «была реакция КПК на ошибочные положения КПСС»⁵.

Сбитый в районе Свердловска 1 мая 1960 г. американский самолет-разведчик и последовавший за этим провал совещания в верхах на время отвлекли внимание Москвы от китайского демарша. Правда, впоследствии Хрущев доказывал, что это было сделано исключительно «в интересах сохранения единства с китайскими товарищами», а ЦК КПСС предполагал рассмотреть все имеющиеся разногласия в ходе двусторонней встречи представителей двух партий⁶. В то же время, справедливо будет предположить, что СССР в данный момент, кроме нежелания выяснять отношения в собственном лагере, весьма нуждался в поддержке китайского союзника, которую он получил в полной мере. В КНР была развернута мощная пропагандистская кампания, одобряющая действия СССР и выступление Хрущева в Париже, а в Пекине прошел грандиозный трехмиллионный митинг в поддержку позиции Советского Союза.

«Американский фактор», тем не менее, никак не отразился на принципиальных разногласиях. В Китае майские события расценили как лишнее доказательство правильности своих взглядов на то, что никакие переговоры не смогут изменить природу империализма, который будет постоянным источником возникновения тех или иных войн. Но и Хрущев не желал отказываться от своей убежденности в необходимости поиска компромисса и договоренности с империалистическими державами, в первую очередь, с США, отложив, однако, осуществление своих намерений до избрания нового американского президента. В этих условиях КПК считала возможным вынести разногласия на более широкую арену, для чего представился очень удобный случай: сессия Генсовета Всемирной Федерации Профсоюзов (ВФП) в Пекине в начале июня 1960 г.

Накануне начала работы сессии китайские представители в ВФП вступили перед коммунистами-профсоюзными деятелями других стран с резкой критикой основных положений подготовленного для сессии доклада и пообещали, что, если к их доводам не прислушаются, они будут вынуждены "разоблачить правый оппортунизм". Немаловажно, что во время открытия сессии высшее китайское руководство (Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай) отсутствовало в Пекине, предоставив решать все проблемы председателю Всекитайской Федерации Профсоюзов Лю Нинъи. Однако, когда выяснилось, что большинством руководства ВФП прiderживается просоветской ориентации и категорически выступает против китайских предупреждений, в дело вмешался "вернувшийся" в Пекин Лю Шаоци, созвавший 6 июня на ужин-совещание около 40 коммунистов-руководителей зарубежных профсоюзов, на котором также присутствовал и выступал Дэн Сяопин⁷.

Несмотря на то, что и на сей раз позиция китайского руководства не встретила поддержки и китайские руководители заявили, что они не будут выступать на сессии Генсовета ВФП с изложением своих взглядов, такие выступления все же состоялись. С этого момента обе стороны фактически открыли официальную полемику, которая то затухая, то разгораясь и перерастая во взаимные, в т.ч. личные, обвинения уже по сути дела не прекращалась.

Советскую сторону особенно уязвил тот факт, что критика в адрес КПСС прозвучала и в ходе работы ряда комиссий на сессии Генсовета ВФП, "где присутствовало много членов других партий, а также беспартийных профсоюзных деятелей"⁸. Все это, а также то, что китайские коммунисты на весь мир заявили об отсутствии у международного коммунистического движения ясности по ряду важнейших международных проблем, переполнило чашу терпения Хрущева. Убедившись, что ограничить выяснение отношений путем двусторонних переговоров и консультаций уже не представляется возможным, советский лидер решил взять инициативу в свои руки.

Накануне состоявшегося вскоре после этого III съезда Румынской Рабочей Партии ЦК КПСС разослал присутствовавшим на съезде делегация Информационную записку, в которой подверг резкой критике позицию КП. В более чем 50-страничном документе КПСС подробно ознакомила ведущие коммунистические партии мира с основными разногласиями с КПК по вопросам о характере современной эпохи, проблемам разоружения, предотвращения войн и др. Советские коммунисты подвергли также критике позиции КПК, которые та занимала не только в ВФП, но и в других общественных организациях, использовавшихся ею в качестве трибун для пропаганды своих взглядов.

Следует отметить, что Информационная записка была подготовлена заранее, но разослана только после того, как 17 июня состоялась встреча советских руководителей в ЦК КПСС с делегацией КПК, направляющейся на съезд в Румынию. Последняя надежда Хрущева на то, что китайцы все-таки признают свои заблуждения и ошибочность действий на сессии Генсовета ВФП и, таким образом, суть спора не будет выставлена на всеобщее обсуждение, не оправдалась: возглавлявший делегацию КПК член Политбюро ЦК КПК Пын Чжэнь не только не согласился с замечаниями, но и продолжал отстаивать прежние китайские позиции.

О том, что КПК не намерена менять свои взгляды, свидетельствовали и другие факты. В 20-х числах июня в ЦК КПСС поступила информация о выступлениях на партийной конференции советских военных специалистов, работающих в Китае, начальника управления пропаганды Главпура Национально-Освободительной Армии Китая (НОАК) Фу Чжуня и заместителя на-

чальника Генерального Штаба НОАК Ян Чэн'ю, в которых вновь говорилось о "недопустимости иллюзий в отношении империализма" и содержался намек на товарищей, "подходящих к войне с мелкобуржуазных, сентиментальных позиций"⁹. Если текст первого выступления был передан непосредственно в ЦК КПСС и дальше Отдела по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран не пошел, то доклад Ян Чэн'ю попал первоначально в министерство обороны СССР, откуда с многочисленными критическими пометами министра обороны маршала Р.Я.Малиновского был послан лично Хрущеву¹⁰. Все это предопределило жесткую позицию советского руководителя, занятую им на Совещании коммунистических и рабочих партий в Бухаресте, состоявшемся сразу же после окончания III съезда РРП и фактически посвященного обсуждению положений, изложенных в Информационной записке ЦК КПСС.

Не вдаваясь в детальный анализ позиций сторон, а тем более в суть взаимных обвинений, хотелось бы отметить тот факт, что в ходе нарастания противоречий между двумя партиями Хрущев все чаще брал инициативу в дискуссиях на себя, тогда как Мао Цзэдун предпочитал оставаться в тени, предоставляя другим руководителям КПК возможность озвучивать на международных форумах его идеи. Своеобразие ситуации в связи с этим заключалось в том, что взаимная критика невольно обрушивалась и непосредственно на тех лиц, которые выступали с изложением позиций сторон по принципиальным вопросам. Но если с китайской стороны это были почти все, кроме Мао Цзэдуна, то с советской стороны под огонь критики все больше попадало главное и наиболее активное действующее лицо - Хрущев.

Угроза возникновения раскола в коммунистическом мире побудила Советский Союз к предложению о созыве нового Международного Совещания коммунистических и рабочих партий, на котором Москва рассчитывала использовать свой авторитет и влияние в коммунистическом мире, чтобы заставить КПК признать свои ошибки и следовать в фарватере советской политики. Хрущев не могло не тревожить, что революционные идеи китайцев находят благодатную почву в ряде коммунистических партий, особенно из молодых, развивающихся стран.

Одновременно было принято решение о подробном информировании советских коммунистов о характере разногласий с Коммунистической партией Китая, поскольку информация об этом, несмотря на закрытость советского общества, стала уже достоянием широких кругов. На Пленуме ЦК КПСС в июле 1960 г. со специальным докладом об итогах Бухарестского Совещания выступил член Президиума ЦК КПСС Ф.Р.Козлов. Козлов назвал фаталистическим взгляд китайской стороны на неизбежность мировой войны, а их предложение о "третьем пути" (ни мирного сосуществования, ни термоядерной катастрофы, а путь локальных войн и холодной войны) - авантюристическим путем по краю пропасти¹¹. Как бы отвечая китайским заявлениям, сделанным еще в апреле, "о благонамеренных лицах, желающих быть марксистами, но теряющихся в новых исторических условиях", Козлов, в свою очередь, говорил о людях, которые не понимают марксизма¹². В докладе однако отсутствовало появившееся в Информационной записке упоминание о фракционности в международном коммунистическом движении, фигурировало лишь уже устоявшееся положение об опасности догматизма.

Кроме Пленума в СССР прошли также закрытые партийные собрания, где точка зрения ЦК КПСС была доведена до рядовых коммунистов. Это было тем более необходимо, ибо в Советском Союзе продолжали работать и учиться тысячи граждан КНР, являвшиеся источником неприемлемой для советских

коммунистов информации. В ряде случаев не обошлось без накладок: попытки привлечь к участию в обсуждении некоторых проблем международной жизни китайских коммунистов, находящихся в СССР, завершились возникновением диспутов и полемики, к которым советские партийные организации оказались не всегда подготовленными.

Если эти действия советского руководства укладывались в русло провозглашенного им стремления "держать в чистоте идейное оружие марксизма-ленинизма" и бороться с ошибками китайских товарищей, то ряд других акций Москвы, формально служивших перекрытию доступа китайской информации в СССР, был справедливо оценен в Пекине как распространение идеологических разногласий на область межгосударственных отношений и оказание давления на Китай. К числу таких акций следует отнести прекращение издания в СССР журнала "Советско-китайская дружба" и запрет на распространение китайского журнала "Дружба" в Советском Союзе¹³; требование отзыва из страны сотрудника посольства КНР, занимавшегося распространением информационных бюллетеней; наконец, самое болезненное для Китая решение об отзыве советских специалистов, что, без сомнения, явилось тяжелым ударом по китайской экономике. Хотя у Хрущева имелись определенные основания для принятия решения об отзыве специалистов, деятельность которых подвергалась последнее время в Китае постоянным и, судя по всему, хорошо скоординированным нападкам, вряд ли время и метод решения этой проблемы, выбранные советским лидером, были удачны¹⁴.

В Советском Союзе пристально следили за реакцией в КНР, надеясь уловить какие-либо изменения в политике своих оппонентов. Наблюдения, однако, не слишком обнадеживали. Хотя китайская делегация и подписала комюнике по итогам работы совещания в Бухаресте, она явно дала понять, что сделала это вынужденно, под давлением обстоятельств. Уже на следующий день в китайских газетах вновь появились утверждения, что для достижения подлинного мира "необходимо разموжить голову американскому империализму". Временный поверенный в делах Румынии в КНР Башкиру был удивлен "сухостью и формальностью", которые проявили китайские руководители во главе с Дэн Сяопином, встречавшие в пекинском аэропорту делегацию из Бухареста - с румынским дипломатом никто не пожелал даже разговаривать, не говоря уже о том, чтобы выразить элементарную благодарность за внимание к китайской делегации, оказанное в Румынии¹⁵.

По мнению советской стороны, в этот период "позиция китайских товарищей (по международным проблемам) по существу не изменилась, а обход некоторых вопросов, по которым у них существуют разногласия с братскими партиями, свидетельствует об их нежелании раскрывать свои позиции перед совещанием компартий в ноябре с.г."¹⁶. Именно с этих позиций комментировал, в частности статью в "Жэньминь жибао" от 16 июля 1960 г., посвященную открытию сессии бюро Всемирного Совета Мира в Стокгольме, заведующий отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран Ю.В.Андропов, назвав ее "образчиком демагогии"¹⁷.

Вместе с тем, в СССР не могли не отметить, что с августа в Китае стали появляться заявления о возможности и даже необходимости политики мирного сосуществования. Начало этому положил Чжоу Эньлай, выступивший 1 августа на приеме в посольстве Швейцарии, после чего в китайских газетах были опубликованы статьи и высказывания китайских политиков, доказывавшие, что Китай давно проводит политику мирного сосуществования и

приводившие в качестве примера, прежде всего, взаимоотношения КНР и Бирмой.

Информируя Хрущева о новых элементах в китайской пропаганде, Андропов не без удовольствия предложил ему для сравнения две цитаты из выступлений Лю Нинъи, сделанных им с интервалом в два месяца. На сессии Генсовета ВФП в беседе с председателем ВЦСПС В.В.Гришиным Лю Нинъи сказал, что "утверждения о возможности мирного сосуществования радуют лишь американских империалистов", тогда как на международной конференции за запрещение атомного и водородного оружия, которая состоялась в августе в Японии, он же утверждал, что "китайский народ последовательно выступает за мирное сосуществование; в отношении западных стран, в т.ч. США мы также желаем мирного сосуществования." По мнению Андропова, такие повороты в китайской пропаганде объяснялись тем, что китайские товарищи пытались доказать несправедливость выдвинутых в Бухаресте обвинений в их адрес¹⁸.

Однако в целом стороны оставались на прежних позициях. 12 сентября, т.е. спустя почти три месяца, ЦК КПК передал ЦК КПСС ответ на Информационную записку от 21 июня. В письме ЦК КПК на 143 страницах (на китайском и русском языках) отвергались обвинения, предъявленные китайской стороне и детально анализировался подход КПК ко всем нерешенным проблемам¹⁹. Кроме того, летом между двумя странами впервые возник серьезный пограничный инцидент в районе перевала Буз-Айгыр. Стороны обменялись нотами протеста, в которых фактически обвинили друг друга в нарушении государственной границы²⁰. По информации советского посольства в Пекине несколько работников-китайцев, обслуживавших посольство, были уволены китайскими властями под различными предлогами лишь за то, что они демонстрировали излишнюю дружелюбность к советским людям и превратились, по словам обвинителей, в "русских китайцев". Мимо сотрудников посольства не прошло незамеченным, что говоря о советских дипломатах, китайцы впервые употребили термин "иностранцы", который ранее никогда не применялся к представителям социалистических стран²¹.

Советским дипломатам, в отличие от прошлых лет, также уже не приходилось рассчитывать на получение доверительной информации от китайских официальных лиц. Правда, на различных приемах и встречах Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин и другие руководители КПК держались приветливо и дружелюбно с советскими дипломатами, однако у последних возникла твердая убежденность (которой они поделились с Москвой), что китайские руководители в обстановке таких приемов, "где присутствуют представители других стран, делая знаки внимания и внешней общительностью с нами стараются создать определенное впечатление в глазах дипкорпуса и общественности, а при закрытых встречах ведут себя совсем иначе - замкнуто и подчеркнуто официально"²². Все эти факты не позволяли советской стороне надеяться на то, что Совещание, даже после предварительной тщательной проработки всех вопросов, пройдет так, как это планировали в Москве. Отчасти, видимо, этим можно объяснить, что время созыва совещания и сам ход его работы до последнего момента держались в тайне от общественности.

Одной из серьезных проблем во взаимоотношениях между двумя партиями и государствами в этот период была проблема межличностных отношений советских и китайских лидеров. Выступая на IV сессии Верховного Совета СССР в январе 1960 г. Хрущев говорил о том, что "опыт последнего времени полностью подтвердил, что личное общение и контакты между руководителями являются в сложившихся условиях наиболее действенным и много-

обещающим методом улучшения отношений и достижения договоренности по неурегулированным международным вопросам"²³. И хотя Хрущев имел в виду, прежде всего, контакты с руководителями капиталистических государств, эта фраза была как нельзя более актуальна на фоне все более обостряющихся советско-китайских противоречий.

Вместе с тем, именно в области личных контактов намечался серьезный кризис. Собственно говоря, предпосылки этого закладывались еще в предшествующие годы: несмотря на постоянные заверения о "великой дружбе" первые лица ведущих стран социалистического мира в последнее время не очень-то стремились к общению друг с другом, а заодно и к более тесному знакомству с братской страной. Начиная с 1958 г. из высшего советского руководства КНР посетили лишь Хрущев (дважды) и М.А.Суслов, причем лишь один визит Хрущева (в июле-августе 1958 г.) не был связан с проведением торжественно-праздничных мероприятий. СССР за этот же период посетило большее количество китайских руководителей: в Москву приезжали члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК КПК Чэнь Юнь, Ли Фучунь, Пэн Дэхуай, Чжоу Эньлай, Кан Шэн и др. Однако и эти визиты были весьма краткосрочными и связаны, как правило, с различными общественными мероприятиями. Не было поездок по СССР и у Мао Цзэдуна, в последний раз посетившего Советский Союз осенью 1957 г., но не выезжавшего за пределы советской столицы. Еще хуже обстояло дело по линии министерств иностранных дел: советские министры были в КНР за все время ее существования не более трех раз, а назначенный на эту должность в 1958 г. их китайский коллега Чэнь И в Советском Союзе так и не был²⁴.

С 1960 г. советская сторона несколько раз пыталась "зазвать" китайских руководителей в СССР, главным образом, для обсуждения спорных вопросов. Советский посол в Китае Червоненко, отмечая, что главной причиной "китайских ошибок" является дух "мелкобуржуазной революционности", полагал, что в ходе таких встреч надо использовать ленинский опыт, пытаться воздействовать на китайцев методом убеждений, уговоров, товарищеских дискуссий. В Китае подобные приглашения с благодарностью принимались, и давать конкретные ответы о сроках поездок не торопились. Когда же в мае советская сторона стала проявлять большую активность в данном вопросе, ей дали понять, что в КНР хотели бы получить из Советского Союза официальное письменное приглашение. Приглашение о посещении СССР китайской партийно-правительственной делегацией было послано, но и после этого в КНР не спешили с поездкой в Москву²⁵.

В СССР полагали, что более тесное знакомство китайских руководителей с жизнью советских людей поможет хоть немного растопить лед отчуждения, возникший между странами. Уже в ходе Московского Совещания в конце ноября 1960 г. член Президиума ЦК КПСС А.И.Микоян уговаривал представителей китайской делегации после окончания работы Совещания совершить поездку по стране, "посетить промышленные предприятия, ознакомиться сельским хозяйством, побывать в научно-исследовательских институтах, вузах и школах - встретиться с широкими слоями населения..., выступить на собраниях трудящихся"²⁶. Ему вторил Козлов, утверждая, что таким образом китайские товарищи "воочию увидели бы, какие братские чувства питает советский народ к КНР"²⁷. Китайские делегаты отвечали уклончиво, намекая на то, что их решение будет во многом зависеть от исхода Совещания.

В условиях отсутствия активных контактов между руководителями Советского Союза и Китая большая роль и значительная ответственность ложилась на посольства. Однако и здесь все обстояло не очень благополучно.

Еще в конце 1950-х годов тогдашний посол СССР в КНР П.Ф.Юдин отметил, что ему все труднее попасть на прием к Мао Цзэдуна даже по вопросам, представлявшим большой интерес для китайской стороны. Кончилось дело тем, что в 1959 г. Юдину так и не удалось встретиться с китайским руководителем, несмотря на неоднократные обращения посла. Нетрудно понять реакцию советской стороны, когда послу во встрече отказывали под предлогом болезни или отсутствия Мао Цзэдуна в Пекине, в то время как последний в эти же дни и часы встречался с представителями других стран, в т.ч. капиталистических²⁸.

Последняя встреча Хрущева с Мао Цзэдуном осенью 1959 г. несколько сгладила остроту этого вопроса. Вместо Юдина в Китай был назначен работавший до этого на Украине Червоненко, уже 5 ноября вручивший свои верительные грамоты. Перед этим Мао Цзэдун впервые после длительного перерыва нашел возможность для встречи и продолжительной беседы с временным поверенным в делах Советского Союза в Китае С.Ф.Антоновым²⁹.

Однако затем все вернулось на круги своя. Червоненко долгое время не мог встретиться с китайским лидером, на несколько месяцев уехавшим на юг Китая. 7 марта Мао Цзэдун все-таки принял советского посла, но после этой встречи все попытки Червоненко вести переговоры непосредственно с Мао Цзэдуном успеха не имели. В Москву шли стандартные сообщения о том, что, несмотря на имевшееся задание Центра, советскому послу приходилось встречаться с кем-либо из помощников Мао Цзэдуна, который снова либо отсутствовал, либо болел. Причем если раньше подобные обращения Червоненко рассматривались достаточно оперативно, то теперь стали возникать непредвиденные задержки, а посольству к тому же приходилось подробно информировать аппарат ЦК КПК о теме предстоящей беседы.

Примечательным в этом отношении является то, как отнеслись в Китае к двум обращениям советского посла о беседе с Мао Цзэдуном, сделанным им в январе и августе 1960 г. 11 января Червоненко обратился с просьбой о беседе с Мао Цзэдуном и передаче ему личного послания Хрущева, касающегося предстоящего решения СССР о сокращении своих вооруженных сил. Китайский лидер был на совещании в Шанхае, однако через заместителя заведующего отделом ЦК КПК по связям с братскими партиями У Сююаня Червоненко не только был оперативно принят последним, но и получил письменный ответ от Мао Цзэдуна на имя советского руководителя уже через два дня³⁰.

Совсем другие последствия имело аналогичное обращение Червоненко, сделанное им 8 августа. Сначала послу пришлось отвечать на вопрос о предстоящем содержании беседы, объяснять, что Москва поручила передать письмо Мао Цзэдуни и предложить провести встречу делегаций КПК и КПСС до начала Московского Совещания. После этого воцарилось трехдневное молчание и лишь 11 августа посол был извещен о том, что по данному вопросу его может принять Чэнь И. Несмотря на напоминание Червоненко о желании советской стороны получить ответ по возможности раньше, ответное письмо было вручено Пын Чжэнем лишь 3 сентября, в котором, правда, излагались благодарность за приглашение и выражалась готовность послать делегацию в Москву в середине сентября³¹.

У КНР в этом плане также имелись претензии к советской стороне. В начале августа Чэнь И выразил сожаление, что китайский посол в Москве Лю Сяо находится в крайне тяжелом положении - в отличие от Червоненко, который имеет возможность общаться с первыми лицами китайского государства, Лю Сяо в лучшем случае контактирует с заместителями министра ино-

странных дел Советского Союза³². МИД СССР оперативно отреагировал на эту жалобу специальной информацией в ЦК КПСС, в которой утверждалось, что Лю Сяо получает всю необходимую помощь и содействие от советских дипломатов, а какой-либо инициативы о встрече с высшими советскими руководителями он не проявлял³³. Имеющиеся в нашем распоряжении документы не позволяют однозначно подтвердить или опровергнуть данную информацию, однако, вероятно, она соответствовала действительности. Положение советских дипломатов в социалистических странах и положение их коллег из этих стран в СССР существенно различалось: советские послы обладали особым негласным статусом, позволявшим им если не вмешиваться в политику стран пребывания (что было весьма распространенным явлением в предшествующие годы), то, по крайней мере, вести себя достаточно независимо в отношениях с первыми лицами этих государств. Не исключено, что слова Чэнь И были во многом направлены на то, чтобы и китайский посол мог бы обладать в Москве большими правами, чем другие послы из социалистического лагеря.

В то же время главной генерирующей силой разногласий, безусловно, являлись отношения лидеров двух стран - Мао Цзэдуна и Хрущева. После смерти Сталина место вождя мирового пролетариата и главного теоретика международного коммунистического движения оставалось вакантным. При том, что Хрущев был руководителем ведущей коммунистической державы мира (что, кстати, не отрицалось в КНР), это вовсе не гарантировало ему автоматическому персональному лидерству. Уже в середине 1950-х годов советскому руководителю дали понять, что в Китае не собираются рассматривать все сказанное им в качестве истины в последней инстанции. Привыкшие за годы правления Сталина к полному одобрению в социалистических странах всех действий СССР, в Москве уже вскоре после XX съезда КПСС с удивлением обнаружили, что "ЦК КПК в вопросе об оценке роли Сталина с самого начала не во всем был согласен с ЦК КПСС"³⁴.

Мао Цзэдун проявлял независимость и во многих других вопросах, в т.ч. тех, по которым в коммунистическом мире было принято предварительно советоваться с СССР. "Пусть расцветают сто цветов...", "большой скачок", Тайваньский кризис 1958 г., вооруженный конфликт на границе с Индией - об этих и других акциях китайского руководства Советский Союз предпочитали не информировать заранее, что никак не удовлетворяло Хрущева и подчас ставило его в неловкое положение: на Западе все еще продолжали считать, что Китай, как и другие социалистические государства, находится под жестким советским контролем и все его действия заранее скоординированы с СССР³⁵.

Особое неприятие у Хрущева вызывали претензии Мао Цзэдуна на идеологическое первенство китайского лидера и тот вклад, который он вносил в сокровищницу марксизма-ленинизма. До последнего времени право на творческое развитие этой теории имели лишь советские руководители и потому заявления, регулярно раздававшиеся в Китае, о том, что Мао Цзэдун создал новую "китайскую или азиатскую форму марксизма", вызывали в Москве плохо скрытое раздражение, которое однако пытались как-то закамуфлировать.

На VIII съезде КПК в 1956 г. возглавлявшему советскую делегацию Микояну пришлось реагировать на заявления китайцев о своем вкладе в марксистскую теорию. Руководитель советской делегации нашел выход из этого положения: говоря об успехах КНР в творческом применении марксизма-ленинизма, он тут же отметил, что все это уже давно предвидел Ленин, как бы намекая на то, что КПК не внесла в сущности в эту теорию ничего нового. В Китае это не прошло незамеченным³⁶.

В 1957 г. на Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве ситуация повторилась. Представители китайской компартии выступили решительно против предложенной формулировки, согласно которой XX съезд КПСС творчески развил марксизм-ленинизм, а КПК и другие коммунистические партии лишь показали свою верность марксизму-ленинизму. Делегация Китая заявила, что такая формулировка фактически означает, что все остальные партии, кроме советской, не имеют данных для развития теории. После долгих дискуссий и споров Мао Цзэдун согласился все-таки оставить советский вариант, главным образом из-за того, как впоследствии утверждали в КПК, чтобы выразить тем самым поддержку Хрущеву, который только что завершил тяжелую борьбу с "антипартийной группой" в советском руководстве³⁷.

В начале 1960 г. в Китае все чаще стали говорить о новых идеях Мао Цзэдуна, о том, что страна, руководствуясь этими идеями, идет по пути, по которому никто не шел раньше. Одновременно стали исчезать положения о роли Советского Союза и КПК в творческом развитии марксизма-ленинизма. В откликах в Китае на декабрьский Пленум ЦК КПСС 1959 г. по вопросам сельского хозяйства впервые отсутствовали слова о необходимости изучения советского опыта³⁸.

Наиболее показательным в этом плане было празднование 90-летия со дня рождения В.И.Ленина, которое широко и торжественно отмечалось в Китае. По всей стране проходили массовые митинги, собрания, была организована серия радиопередач, налажен выпуск брошюр и специальной серии марок, посвященных годовщине. В Пекине состоялось торжественное заседание, в котором участвовали многие руководители партии и государства. Однако во всех этих праздничных мероприятиях как-то исчезли привычные за последние годы фразы о вкладе КПСС в развитие теории марксизма-ленинизма, ни слова не говорилось о выступлении члена Президиума ЦК КПСС О.В.Куусинена на аналогичном торжественном собрании в Кремле. Лишь 27 апреля на шестой странице "Жэньминь жибао" было дано краткое изложение передовой статьи "Правды" от 22 апреля, причем были отпущены все те места, где говорилось о вкладе КПСС в теорию марксизма, об осуществлении на практике в СССР идей Ленина и т.д.

Китайские руководители поставили также вопрос о том, чтобы не брать за основу решения какой-либо партии (подразумевая, естественно, КПСС) для выработки документов, относящихся ко всему международному коммунистическому движению. Как не без иронии говорил Дэн Сяопин, "что же получается, если мы будем решения XX, XXI, XXII, XXIII, XXIV в других съездах КПСС включать в международные документы? Это лишь подтвердит, что у нас существует неравенство между братскими партиями"³⁹.

Долго скрываемое раздражение Хрущева по поводу политики КПК и лично Мао Цзэдуна выплеснулось, наконец, на Пленуме ЦК КПСС в июле 1960 г. Если в своем выступлении в Бухаресте, советский лидер при всей критичности высказываний, был вынужден придерживаться определенных норм, то перед функционерами и активом своей партии он дал волю эмоциям. По мнению Хрущева, культ личности Сталина "принял теперь в Китае широкие, я бы сказал, опасные формы. Там теперь существует такая обстановка, когда каждое слово тов. Мао Цзэдуна возводится в степень непогрешимой абсолютной истины. Каждое его указание воспринимается как закон"⁴⁰. При этом, говоря о безапелляционности заявлений Мао Цзэдуна, Хрущев, сам того не подозревая, сделал своеобразный комплимент последнему, сравнив того со Сталиным ("смотрю на Мао Цзэдуна, а вижу Сталина, точная копия"), прав-

да, уточнив, что "Сталин, разумеется, стоял несравненно выше тов. Мао Цзэдуна во всех отношениях"⁴¹.

В условиях идеологического противоборства Хрущев не мог, конечно, пройти мимо теоретической деятельности Мао Цзэдуна. С откровенной издевкой ("тоже теоретики!") он прокомментировал решение Мао Цзэдуна уйти с поста главы китайского государства, чтобы заняться разработкой теоретических вопросов. "Не знаю, как другим, - говорил Хрущев с кремлевской трибуны, - но мне кажется странным, что человек сам объявляет себя мировым теоретиком, даже не подумав, приемлемо это или нет для тех, кого он хочет "осчастливить" своими теоретическими новшествами"⁴². Назвав все это "чепухой", Хрущев откровенно дал понять, что он отнюдь не считает Мао Цзэдуна тем человеком, которому марксизм-ленинизм был бы хоть чем-то обязан в плане творческого развития.

Реакция китайского руководства на политику советского лидера была адекватной, но более осторожной, а критика в значительной степени завуалированной. Дэн Сяопин в 1960 г. неоднократно вспоминал о том, как хорошо и плодотворно работали китайцы в ходе Московского Совещания коммунистических и рабочих партий в 1957 г. с членом Президиума ЦК КПСС М.А.Сусловым, когда между китайскими и советскими товарищами существовала полная, доскональная откровенность⁴³. Однако эти воспоминания были как бы неразрывно связаны с обсуждением возникших в последнее время разногласий и в них невольно чувствовалось противопоставление линии поведения Хрущева, тем более, что генеральный секретарь КПК при этом добавлял о независимости исторических событий ни "от воли отдельных людей, ни от воли каких-либо группировок, ни от воли партий, и история конечно, вынесет вывод в отношении любой точки зрения или взгляда - соответствовали ли они исторической действительности"⁴⁴.

На XI сессии Генсовета ВФП в Пекине Лю Чаншэн заявил во всеулышание о том, что до тех пор, пока существует империализм, невозможно себе представить "так называемый мир без войн и без оружия". Хотя это было всего лишь одной из интерпретаций китайской позиции по данному вопросу, однако такая формулировка была явно направлена непосредственно против советского лидера, у которого только что был издан сборник его речей под названием "Мир без оружия - мир без войн".

Однако только на Московском Совещании китайские представители позволили себе достаточно открыто высказать свою точку зрения не только по спорным вопросам, но и свое отношение к словам и деятельности советского руководителя. Особенно откровенны были Лю Шаоци, Дэн Сяопин и Пьнь Чжэнь на встрече с Микояном и Козловым, которая состоялась по инициативе советских руководителей незадолго до завершения работы Совещания 26 ноября. И Лю Шаоци и Дэн Сяопин весьма резко отозвались о выступлениях Хрущева как на Бухарестском, так и на Московском Совещаниях, а также о высказываниях советского лидера в период работы Редакционной комиссии Московского Совещания. Помимо обвинений в неаргументированности советской критики китайские коммунисты дали понять, что считают именно Хрущева ответственным за то, что Совещания превратились в спланированные акции по осуждению КПК. Китайские делегаты утверждали, что атмосфера на Московском Совещании является ненормальной и что, "если бы другие партии подверглись таким нападкам, то вряд ли они выдержали бы"⁴⁵.

В выступлениях Дэн Сяопина на Совещании также подчеркивалась роль в разногласиях "товарища Хрущева", в том числе, когда генеральный секретарь китайской компартии говорил о "всесторонних и яростных напад-

ках на всю линию, всю внутреннюю и внешнюю политику КПК". Следует учесть, что делегация КПК исключила в последний момент из выступления Дэн Сяопина один абзац, в котором, по собственному признанию китайцев, содержались "наиболее острые выражения", да и выступать на Совещании должен был возглавлявший делегацию Лю Шаоци⁴⁶. Однако "не желая идти на крайности" и "тащить главных руководителей на передний край", китайские коммунисты решили, что в такой обстановке Лю Шаоци выступать не стоит⁴⁷.

В беседе с китайскими коммунистами Микоян и Козлов, естественно, не могли обойти этот острый вопрос, тем более, что члены делегации КПК фактически пытались противопоставить Хрущева другим советским руководителям. Обращаясь к китайским собеседникам, Козлов заявил, что такие попытки несовместимы с утверждениями КПК о стремлении к дружбе и единству. "Мы не раз говорили, - продолжал он, - что тов.Хрущев является признанным руководителем КПСС и советского народа, его выступления и высказывания отражают компетентное мнение нашей партии и ее руководства. Мы призываем вас отказаться от подобных действий"⁴⁸. Микоян подтвердил, что китайская критика лично советского лидера обижает всех членов ЦК КПСС и прямо заявил, что советская сторона тоже могла бы действовать подобным образом, но в своих выступлениях и документах советские коммунисты не допускают выпадов лично против Мао Цзэдуна или Лю Шаоци⁴⁹. В то же время, чтобы как-то все же сгладить впечатление от действий и высказываний Хрущева, оба советских руководителя доказывали, что его выступления на Совещании носили конструктивный характер, в них не было непосредственной критики в адрес КПК, хотя и разъясняли ее ошибочные взгляды.

Несмотря на наличие серьезных разногласий, на Московском Совещании все же удалось избежать раскола в коммунистическом мире. Редакционная комиссия, работавшая над проектом Заявления Совещания почти месяц, в конце концов достигла согласия, как говорили сами участники Совещания, на 95%⁵⁰. Китайская делегация упорно настаивала на том, чтобы помимо упоминаний о значении XX и XXI съездов КПСС (в решениях которых и нашли свое отражение наиболее неприемлемые китайскими коммунистами положения) из Заявления были убраны пункты о фракционной деятельности и национальном коммунизме, считая, что они направлены непосредственно против КПК. Со своей стороны, русские коммунисты доказывали, что пункт о фракционной деятельности должен быть предупреждением для всех партий, включая КПСС, а обвинения в национальном коммунизме предназначались в адрес Югославии. После долгих дискуссий и многочисленных редакторских правок эти пункты были включены все же в текст Заявления, однако в гораздо более мягких формулировках.

В ходе Московского Совещания КПСС использовала уже апробированный в Бухаресте метод предварительного ознакомления других партий о сути разногласий (разумеется, как это виделось в Москве) путем распространения среди делегаций Совещания специального письма. Во многом поэтому само выступления Хрущева на открытии Совещания 10 ноября было достаточно сдержанным (что признавали и представители КПК)⁵¹, зато выступление Дэн Сяопина в значительной части выглядело как полемика с теми положениями, которые были изложены в этом письме.

Необходимо отметить, что выяснение отношений между двумя крупнейшими коммунистическими партиями на огромном представительном форуме коммунистов всего мира отнюдь не добавляло авторитета ни той, ни другой. Тем более, что в полемическом запале стороны подчас уходили с поч-

вы теоретических споров и начинали предъявлять друг другу взаимные претензии, достаточно отдаленные от сути дискуссии. Советские руководители внезапно припомнили, что Лю Шаоци еще в 1945 г. сказал, что Мао Цзэдун "смог успешно провести исключительно трудную работу по китаизации марксизма", очевидно намекая на зарождение еще в гоминьдановском Китае "культы личности Мао". В свою очередь, Дэн Сяопин рассказал собравшимся на Совещании о некорректном предложении Хрущева, которое тот сделал Мао Цзэдуну в 1958 г., по поводу создания объединенного военно-морского флота. Напоминание об этом эпизоде, который в СССР старались предать забвению, вызвало у советского руководства серьезное недовольство⁵².

В результате Совещания сторонам лишь на время удалось урегулировать спорные вопросы, призвав для этого лучших теоретиков международного коммунистического движения. Появившееся на свет Заявление было достаточно компромиссным и отдельные его пункты и КПК, и КПСС могли вполне использовать, исходя из своих убеждений и не "поступаясь принципами". В то же время развернувшаяся на глазах представителей 81 коммунистических и рабочих партий дискуссия невольно вовлекла в орбиту противостояния даже тех членов комдвижения, которые до этого стояли в стороне или знали о споре только понаслышке.

Однако гораздо более существенным было то, что советско-китайские противоречия, постепенно все более обострявшиеся, подрывали единство и сплоченность коммунистического мира, играли на руку капиталистическим государствам, откровенно опасавшимся союза двух коммунистических гигантов. Это понимали и в Китае, и в СССР и потому пытались пока не доводить дело до крайности. В выступлениях на Совещании представители обеих партий говорили об уверенности в том, что все недоразумения будут устранены, а сплоченность между КНР и СССР - восстановлена и укреплена⁵³. Взаимный компромисс, достигнутый на Совещании (хотя уступок с китайской стороны было больше), позволял коммунистам надеяться на это.

Эта надежда еще сохранялась в течение первого полугодия 1961 г., когда обе партии старались хотя бы внешне действовать в рамках Московского Заявления. В СССР обходили молчанием те области политики КПК, которые не одобрялись Москвой. В КНР за этот же период также не было "опубликовано ни одной статьи, в которой бы затрагивались спорные вопросы"⁵⁴. Однако уже летом 1961 г. разногласия вновь всплыли наружу (при том, что каждая сторона винила в этом другую), и трещина в коммунистическом мире, старательно заделанная в конце 1960 г., под влиянием амбиций и политических честолюбий лидеров двух государств, не желающих больше идти на уступки, стала стремительно расширяться.

1. Справка в ЦК КПСС заведующего Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран Ю.В.Андропова о содержании бесед с некоторыми китайскими руководителями. Центр хранения современной документации (ЦХСД). Ф. 5. Оп. 49. Д. 327. Л. 75.
2. Правда, 29 сентября 1959 г.
3. Информационная записка ЦК КПСС центральным комитетам коммунистических партий социалистических стран. Архив Президента Российской Федерации (АПРФ). Ф. 3. Оп. 65. Д. 597. Л. 152.
4. Там же.
5. Информация о беседе Червоненко с Дэн Сяопином, состоявшейся 17 мая, была первоначально передана посольством в Москву по телеграфу. Когда же в июне в ЦК КПСС поступила запись этой беседы, переданная по дипломатической почте, ука-

- занная фраза Дэн Сяопина в ней почему-то отсутствовала. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 49. Д. 327. Л. 129-133.
6. Информационная записка... АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 597. Л. 2.
 7. В ноябре 1960 г. Лю Шаоци доказывал, что организация этой встречи была одобрена представителем ВЦСПС Гришиным, тогда как Микоян утверждал, что первоначально речь шла только о товарищеском ужине, без его перерастания в совещание. Запись беседы Микояна и Козлова с Лю Шаоци, Дэн Сяопином и Пын Чжэнем 26 ноября 1960 г. Там же. Д. 610. Л. 118-119.
 8. Информационная записка... Там же. Д. 597. Л. 154.
 9. Информация посольства СССР в КНР о выступлении начальника управления пропаганды Главпура НОАК Фу Чжуня на партийной конференции советских военных специалистов в Китае. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 49. Д. 238. Л. 24-25.
 10. Справка о выступлении зам. начальника Генерального Штаба Ян Чэну на партийной конференции советских военных специалистов в Китае. Там же. Л. 52-64.
 11. Доклад секретаря ЦК КПСС Ф.Р.Козлова на Пленуме ЦК КПСС 16 июля 1960 г. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 476. Л. 105.
 12. Там же. Л. 107.
 13. Справка отделов ЦК КПСС о целесообразности прекращения издания журналов "Советско-китайская дружба" и "Дружба". Там же. Ф. 5. Оп. 49. Д. 329. Л. 166-167. - Примечательно, что представители КНР первое время никак не отреагировали на советские предложения, продолжая поставлять журнал "Дружба" в СССР и попутно выясняя у советских товарищей: продолжает ли в Советском Союзе распространяться журнал "Америка"?
 14. Несмотря на то, что в ноте посольства СССР в КНР от 16.07.1960 г. о причинах отзыва советских специалистов из Китая говорилось, что правительство КНР "правильно поймет причины, вызвавшие принятие такого решения" (СССР - КНР. Документы и материалы. Часть 1. М., 1985. С. 269), посольство еще дважды направляло по этому поводу ноты с разъяснением советской позиции, причем последняя нота была отправлена 6 ноября, т.е. перед самым началом работы Московского Совещания.
 15. Запись беседы советника посольства СССР в КНР Н.Г.Сударикова с временным поверенным в делах РНР в Китае Башкиру. 1 июля 1960 г. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 49. Д. 339. Л. 125-126.
 16. Справка посольства СССР в КНР о связях КПК с братскими партиями. Там же. Д. 327. Л. 224.
 17. Справка отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран с обзором китайской печати за 13-20 июля 1960 г. Там же. Л. 188.
 18. Справка отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран о новых аспектах пропаганды в Китае. Там же. Д. 328. Л. 78-80.
 19. Запись беседы Дэн Сяопина с Червоненко 12 сентября 1960 г. Там же. Д. 327. Л. 225-257.
 20. СССР - КНР. Документы и материалы... Л. 269, 278.
 21. Информация посольства СССР в КНР о положении китайских сотрудников, работающих при советском посольстве. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 49. Д. 322. Л. 303-308.
 22. Запись беседы Чжоу Эньляя и Чжу Дэ с Червоненко (сентябрь 1960 г.). Там же. Д. 327. Л. 212.
 23. Правда, 15 января 1960 г.
 24. Справка посольства СССР в КНР о развитии советско-китайских отношений. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 49. Д. 332. Л. 192-193.
 25. Запись беседы члена секретариата ЦК КПК Ван Цзясяна с С.Ф.Антоновым. 5 мая 1960 г. Там же. Д. 327. Л. 103.
 26. Запись беседы Микояна и Козлова... АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 610. Л. 100.
 27. Там же. Л. 101.
 28. Политическое письмо посольства СССР в КНР о положении в Китае к моменту празднования 10-летия КНР. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 49. Д. 239. Л. 221.

29. Запись беседы Мао Цзэдуна с С.Ф.Антоновым 14 октября 1959 г. Там же. Д. 235. Л. 81-94.
30. Запись беседы Червоненко с У Сюцюанем 13 января 1960 г. Там же. Д. 327. Л. 22.
31. Запись беседы Червоненко с Пын Чжэнем 4 сентября 1960 г. Там же. Л. 215.
32. Справка МИД СССР в ЦК КПСС об отношении к советскому послу в Китае и китайскому послу в СССР. Там же. Д. 332. Л. 247.
33. Там же.
34. Отчет о работе посольства СССР в КНР за 1956 г. Там же. Оп. 28. Д. 409. Л. 107.
35. Отчет о работе посольства СССР в КНР за 1959 г. Там же. Оп. 49. Д. 240. Л. 95.
36. Информация посольства СССР в КНР об откликах китайской общественности на VIII съезд КПК. Там же. Оп. 28. Д. 485. Л. 44.
37. Запись беседы Микояна и Козлова... АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 610. Л. 116. - Дэн Сяопин также напомнил советским товарищам, что если Мао Цзэдун поддержал в свое время Хрущева в борьбе с "антипартийной группой", то советский руководитель позволял себе высказывать слова одобрения в адрес опальных Гао Гана и Пэн Дэхуая.
38. Информация посольства СССР в КНР об откликах в Китае на декабрьский Пленум ЦК КПСС 1959 г. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 49. Д. 327. Л. 13.
39. Запись беседы Микояна и Козлова... АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 610. Л. 116-117.
40. Выступление Хрущева на Пленуме ЦК КПСС 16 июля 1960 г. ЦХСД. Оп. 1. Д. 476. Л. 197.
41. Там же. Л. 198. - На Пленуме Хрущев выразился гораздо резче, заявив, что Сталин, по сравнению с Мао Цзэдуном, был "более умным и образованным человеком", однако затем, при редактировании своего выступления, он смягчил формулировку.
42. Там же. Л. 199.
43. Запись беседы Дэн Сяопина с Червоненко 12 сентября 1960 г. Там же. Ф. 5. Оп. 49. Д. 327. Л. 256.
44. Там же. Л. 257.
45. Запись беседы Микояна и Козлова... АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 610. Л. 113.
46. Там же. Л. 114.
47. Там же. Л. 102-103.
48. Там же. Л. 119.
49. Там же. Л. 120.
50. Там же. Л. 112.
51. Там же. Л. 113.
52. Там же. Л. 112.
53. Как бы подтверждая это положение. Лю Шаоци согласился на уговоры советских лидеров и по окончании Совещания совершил поездку по СССР, которая очень широко освещалась советской прессой.
54. Запись беседы Дэн Сяопина с Червоненко 1 марта 1961 г. АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 620. Л. 2-3.

Король Коджон в русской миссии (из истории русско-корейских отношений)

© 1999

Г.Тягай

В апреле 1895 г. закончилась победой Японии японо-китайская война (1894-1895 гг.). Военные действия проходили на территории Кореи и вконец разорили страну. Целые районы были превращены в пустыни, жители бежали в горы.

Война велась за господство в Корее, за преобладающие экономические и политические позиции в этой стране. Япония стремилась превратить Корею в свою провинцию, Китай - сохранить вассальное государство.

Европейские державы и США не собирались вмешиваться в японо-китайский конфликт. Они рассматривали Японию как силу, способную предотвратить распространение влияния России на страны Дальнего Востока. В то же время русские дипломаты предпринимали меры против военного конфликта, но их усилия были тщетны¹. Русский посланник в Пекине А.П.Кассини в сентябре 1894 г. писал в Министерство Иностранных Дел: "Образ действий Японии в Корее до такой степени сам по себе ясен, что не нуждается ни в каких комментариях, Япония желает настолько глубоко вмешиваться во внутреннюю жизнь этой страны, что все, выставляемые ею на вид будущие благодеяния должны свестись ни к чему иному, как самому деспотическому протекторату, несравненно более тягостному для Кореи и неудобному для ее соседей, чем слабые узы вассальной зависимости, которые до сего времени связывали это королевство с Небесной империей (Китаем - Г.Т.)"².

В 1895 г. 17 апреля был подписан Симоносекский мирный договор, по которому прекращалась вассальная зависимость Кореи от Маньчжурской династии, правившей в Китае. Япония претендовала на владение Ляодунским полуостровом. Однако Россия при участии Франции и Германии добилась отказа Японии от этих притязаний. Подобная позиция России была с удовлетворением воспринята в патриотических кругах корейского общества.

Япония имела собственный план развития Кореи на 10 лет, утвержденный ее парламентом в 1895 г. Корее отводилась роль рынка сбыта, источника сырья, сферы приложения капиталов и военно-стратегической базы.

По окончании войны правительство микадо не выводило войска и установило в Корее фактически военно-полицейский режим. Японские войска были размещены в портах, крупных городах на юге страны. На севере же оставались военные части. Было создано прояпонское марионеточное правительство, которое правила страной.

Прорусские настроения росли в различных социальных слоях и близком окружении Короля Коджона. Д.Покотиллов, директор русско-китайского банка в Пекине, сообщал в Петербург, что "король в своем русофильстве дошел до того, что выразил желание, чтобы команды в армии давались по-русски"³.

Русский путешественник подполковник генерального штаба Альфтан, посетивший Корею в конце 1895-1896 гг., писал: "Народ на севере, находясь в постоянных сношениях с нами, уже успел привыкнуть к нам. Много корейцев побывало у нас в Уссурийском крае, заработали там кое-какие деньги и, вернувшись обратно к себе, добром вспоминают наш край. Почти в каждом селе ни верст на сто от нашей границы можно встретить корейцев, говорящих по-русски. Все они при встрече с нами радостно кричали: "Здравствуй, капитана!" В этом приветствии сказывалась гордость, что он умеет здороваться по-русски и искреннее доброжелательство по отношению к нам. Многие из этих корейцев объяснялись очень недурно по-русски"⁴.

Это были крестьяне, рабочие, побывавшие в России. Их рассказы о жизни в пограничной стране широко распространялись по корейским деревням. По словам Альфтана, местное начальство, главы корейских городов также проявляли большой интерес и симпатии к России. Подобных примеров Альфтан приводил немало. Он описал свою встречу с кунсу (правителем уезда - Г.Т.) Кёнхына. Этот кунсу ездил в Новокиевское и нанес визит военным властям и пограничному комиссару. Кунсу заявил им, что хочет отправить корейских юношей в Россию для обучения военному делу и открыть в Кёнхыне русскую школу, а для лучшего ознакомления с Россией выписать русскую газету "Дальний Восток". Альфтан писал об этом правителе Кёнхына: "Он ярый русофил, который всей душой ненавидит японцев"⁵.

Прорусские настроения распространялись и в широких массах южных провинций Кореи. Японский военно-полицейский режим вызвал всеобщее народное недовольство. Партизанское движение, городские волнения, в которых участвовали самые разные социальные слои населения от крестьян до чиновников, охватили страну.

8 октября 1895 г. японцы зверски убили жену вана Коджона Мин Мёнсон, вокруг которой группировались антияпонски настроенные чиновники. Когда стало известно об убийстве королевы, антияпонское движение усилилось. В народе господствовало мнение, что спасение придет только со стороны России.

Надежда на помощь России и ненависть к японцам еще больше возросли после опубликования 20 декабря 1895 г. марионеточным прояпонским правительством декрета о реформах, унижавших национальное достоинство корейцев. Декрет запрещал национальные обычаи - курить трубки, носить широкополые шляпы и, главное, требовал изменить мужскую одежду и стричь мужские прически (волосяные шишки).

В секретной записке от 21 января 1896 г. "Король сообщал в русскую миссию, что изменение прически вызывает повсюду восстания. Он с наследником собирается искать убежище в русской миссии"⁶. Ван Коджон фактически оказался пленником японцев.

В эти же дни поверенный в делах русской миссии в Сеуле К.И.Вебер писал министру иностранных дел А.Б.Лобанову-Ростовскому, что "центром движения против резания волос стала провинция Чунчон (Чхунчхон - Г.Т.)... Повстанцы разгромили арсенал, прогнали губернатора, убили префекта Чунчон, на их сторону перешли охотники на тигров. Правительство выслало в Чунчон 315 человек, из них 20 убито. Из Сеула было послано еще 420 человек (солдат - Г.Т.)... Правительство назначило нового министра, ранее снятого... за

участие в убийстве королевы”⁷. Альфтан, наблюдая настроения жителей северных районов страны также отмечал их негодование по поводу законов, объявленных японской властью. По его мнению, “Хымхынская провинция (Хамгён - Г.Т.) является одной из самых важных и своевольных. Жители ее строго придерживаются обычаев предков и слышать не хотят о каких-либо новшествах. Во время моего пребывания в Корее самым жгучим вопросом дня был вопрос о резании шишек. Для того, чтобы не допустить к себе в город кого-нибудь из ставленников японцев, жители его разломали часть моста”⁸, по которому входили в город”⁸.

Полковник В.Карнеев, посетивший штаб повстанцев в провинции Чолла на юге страны в 1896 г., писал в своих воспоминаниях: “Спрашивали меня, скоро ли Россия объявит войну Японии. Объяснил, что и без войны Россия может заставить японцев сделать то, что желает, что война есть крайнее средство, к которому пока прибегать нет надобности. По лицам корейцев, жадно слушавших, видно было, что им пламенно хотелось войны. Все горячо говорили, что сердце у них горит справиться с японцами. Я выразил полное сочувствие их патриотическим стремлениям”⁹. Военный агент России в Корее Н.И.Стерльбицкий, путешествовавший по Корее в те же годы, отмечал дружественное отношение корейцев к русским, их желание оказать им помощь в поездках по Корее. “Мы имели тысячи случаев, - отмечал Стрельбицкий, - что корейцы не только нигде не задерживали экспедицию, но, напротив, самым искренним образом содействовали нашему путешествию, притом настолько, что, например, для нас разделялись дороги”¹⁰.

В то же время, русский посланник в Токио М.А.Хитрово доносил в Петербург: “Положение короля, как пленника, невыносимо тяжело. Японские ставленники хозяйничают по всей стране и собираются послать в Японию наследного принца”¹¹. Через несколько дней Хитрово вновь телеграфировал: “Король просит помощи русских для восстановления своей власти. Народ и лучшие люди Кореи с ним... Японии гнет ненавистен всем. Волнения повсеместны”¹².

2 февраля Коджон передал в русскую миссию записку с изложением своего плана бегства. 11 февраля вместе с наследным принцем он тайно покинул дворец.

Русские путешественники, находившиеся в это время в Корее, в своих воспоминаниях подробно описали, как происходило это событие. Так, участник организации бегства - полковник Карнеев, путешествовавший с поручиком Михайловым по Южной Корее, вспоминал: “Король, будучи пленником в собственном дворце, не мог считать себя в безопасности. Лица, окружавшие короля (японские ставленники - Г.Т.), не задумались бы убить его, дабы самим избежать заслуженного возмездия с его стороны. В таком положении король вместе с наследником решили искать спасения в императорской российской миссии. Для обеспечения миссии от возможных случайностей наш десант был усилен вызовом еще 100 матросов с двумя офицерами и легкой пушкой. Таким образом, вместе с нами в миссии было 5 офицеров, 4 казака и 135 матросов при 1 орудии, А.Н.Шпейер (поверенный в делах России в Корее) поручил мне организовать оборону миссии. Район был разделен на участки, установлены дневные и ночные наблюдательные посты. Каждый участок вверен обороне особого отряда.

30 января в 5 часов 30 минут утра перед боковой калиткой в восточной стороне ограды показалось двое носилок. Живший в миссии И. Пом-Тин ранним утром предупредил, что по полученным им сведениям, король бежал из дворца и направился в нашу миссию. Калитка была немедленно открыта и в

переднюю миссии внесли носилки. В одних носилках был король с одной из фрейлин, в других - наследник, также с фрейлиной. При зорком наблюдении за королем ему удалось бежать из дворца лишь при содействии преданных фрейлин и офицера Ни-Ки Тонга. План бегства был такой: при гробе королевы дежурили фрейлины, носилки которых вносились во внутренний двор. Фрейлины сменялись рано утром. По обычаям страны, женские носилки неприкосновенны. Король обычно вставал около полудня, так как имел обыкновение работать по ночам и ложился очень поздно. Поэтому, привыкшие к обычному образу жизни короля, ранним утром за ним не наблюдали. План удался превосходно, так как сохранен в строгой тайне до того, что носильщики (те, кто несли носилки - Г.Т.) узнали о короле только в миссии"¹³.

Коджону были отведены две комнаты в помещении К.Н.Вебера, и по его поручению русская миссия известила всех иностранных представителей о том, что "король Кореи, ввиду настоящих политических обстоятельств, признал дальнейшее свое пребывание во дворце опасным для своей жизни и решил искать убежище вместе с наследником своим в императорской русской миссии"¹⁴.

Из русской миссии ван Коджон издал указ о роспуске прояпонского кабинета министров и создании нового. Министры и чиновники - ставленники японцев были сняты со своих постов. Затем последовал его указ, отменявший запрет на национальные прически мужчин, одежду и прочие традиционные обычаи, подвергшиеся наглому глумлению со стороны японцев.

Когда пребывание вана Коджона в русской миссии стало известно населению, поднялись новые народные антияпонские выступления. Особо широкий размах они приняли в Сеуле, где жители расправлялись не только с японцами, но и с чиновниками-корейцами, их ставленниками.

А.Н.Шпейер доносил А.Б.Лобанову-Ростовскому: "Население Сеула после перехода короля в русскую миссию выступило против японских ставленников. По приказу короля был арестован главный 1-ый министр, министр внутренних дел и земледелия, которого японские солдаты освободили. Двух других толпа простого народа тут же на базарной площади обезглавила"¹⁵.

В документах, хранящихся в архивах, а также многочисленных воспоминаниях русских путешественников по Корее раскрываются яркие картины проявления антияпонских настроений в самых различных социальных слоях общества от восстаний до бойкота японских товаров и т.п.

14 февраля 1896 г., уже находясь в русской миссии, ван Коджон просил К.Н.Вебера передать русскому правительству просьбу "поддержать первые шаги, делаемые им... на пути тесного сближения Кореи с Россией", которой он желал "вверить судьбы своей страны". В этом обращении Коджон просил русское правительство "о помощи и поддержке"¹⁶. Он также надеялся, что Россия назначит кого-либо главным советником корейского правительства и окажет помощь в создании военного корпуса численностью до трех тысяч солдат¹⁷.

Пребывание вана Коджона в русской миссии вызвало резко негативное отношение не только Японии, но и представителей Англии, США, Германии. Последние опасались усиления влияния России как в политической, так и экономической сферах.

В секретной телеграмме А.Н.Шпейера, поверенного в делах русской миссии в Токио, в МИД говорилось: "В английской печати стараются разжечь японцев сведениями об убийстве их соотечественников в Корее. Эта печать призывает Японию вступить за свои интересы в Корее. Сообщается также, что Германия на заседании рейхстага 2 марта (1896 г. - Т.Г.) обещала под-

держку Японии. Англия также согласна поддержать ее"¹⁸. Шпейер неоднократно сообщал в Петербург, что "намечаются признаки сближения Японии с Англией по инициативе последней"¹⁹. По сведениям из японских газет, он писал, что "в порту Гамильтон собирается английская эскадра"²⁰.

Правительство России не считало возможным осложнять отношения с Японией и стоявшими за ее спиной Англией, США, Германией. Оно согласилось начать переговоры с Японией и считало единственным выходом из создавшегося в Корее положения - заключение русско-японского соглашения. Немаловажное значение для России имело то, что ее основные интересы были сосредоточены в Маньчжурии.

14 мая 1896 г. подписали первый русско-японский меморандум, по которому Япония признавала новое правительство Кореи и соглашалась на совместное с Россией "преподавание советов" вану, сокращение войск в Корее до 2-х рот в Сеуле и по одной в Пусане и Вонсане. Россия получала право в тех же городах содержать охрану, равную численности японских войск. Основную массу войск выводили из Кореи.

9 июня 1896 г. был подписан русско-японский протокол, устанавливающий юридическое равенство сторон вместо господства Японии. Это был успех русской дипломатии и свидетельство укрепления позиции России в Корее²¹.

Однако, Япония, европейские державы и США продолжали настаивать на возвращении вана во дворец. Рост влияния России, желание вана реорганизовать вооруженные силы с ее помощью, расширить экономические контакты продолжало вызывать их решительное противодействие.

Однако Коджон не собирался возвращаться во дворец. Покотиллов сообщал в сентябре 1896 г.: "Трудно судить, сколько времени придется оставаться нашим гостем королю, но во всяком случае ясно одно, что он устроился у нас на продолжительное пребывание... несмотря на то, что среди всех классов населения нет недостатка в людях, которые находят такое положение дел неудобным и не стесняются представлять по этому поводу королю особые доклады, которые убеждают его по возможности скорее перебраться во дворец... Веберу приходится исполнять обязанности советника короля, это вследствие личных дружеских отношений между королем и нашим поверенным в делах"²².

В этот период в Сеуле и ряде крупных городов проходили городские митинги, на которых ораторы выступали за национальную независимость, проведение реформ, создание буржуазно-демократического государства, конституционной монархии. Организаторами народных выступлений были члены Общества независимости (Тоннип Хёпхве), созданного в 1896 г. Идеологи Общества независимости требовали возвращения вана во дворец²³.

На митингах все чаще звучали речи, направленные против влияния России. Подобные настроения разжигали представители не только Японии, но и Англии, США, Франции, Германии.

Однако Россия ни в этот период, ни ранее, ни позднее, как свидетельствуют архивы, не намеревалась лишить соседнее государство независимости, превратить Корею в колонию. Более того, российское правительство неоднократно отвергало просьбы Коджона об установлении режима протектората. Еще в октябре 1885 г. "корейский король просил русского поверенного в делах в Сеуле прислать в Чемульпо несколько судов. Король, видимо, предан нам"²⁴, - писали из русской миссии.

Вебер 2 февраля 1886 г. сообщал Н.К.Гирсу, что Коджон обратился к нему с предложением об установлении протектората России в Корее и что он

“воздерживается от какого-либо проявления инициативы по вопросу о приглашении русских инструкторов или об установлении протектората над Кореей”²⁵. В следующей телеграмме того же года Вебер передал секретное сообщение “Короля Кореи русскому поверенному в делах. Король выражал надежду на укрепление дружбы между Россией и Кореей”²⁶.

Подполковник Альфтан, вспоминал свои встречи в декабре 1895 г. с корейцем, с которым он познакомился в г.Кильджу. Новый знакомый говорил: “Весь народ теперь ждет помощи только от России, которая одна избавит страну от всех бед и несчастий”²⁷²⁸. Альфтан писал, что, по его наблюдениям, японцы “намеревались пропитать страну японским духом, чтобы дальнейшее слияние этих двух народов произошло бы со временем само собою, не прибегая более к открытой силе”²⁹.

20 февраля 1897 г. Коджон переехал во вновь построенный для него дворец Кённэгун. Он направил Николаю II письмо с выражением благодарности. “За последние три года бедная моя страна переживала ужасные и тяжелые испытания, заставившие меня с наследником престола покинуть мой дворец и искать спасения под флагом державы Вашего Величества. Здесь я нашел полную безопасность под охраной штыков десанта славного русского флота, королевский почет со стороны посланника. В настоящее время, уступая просьбам моего народа, я переехал во вновь отстроенный дворец. За благосклонное ко мне внимание Вашего Величества и подданных Вашего Величества я осмеливаюсь просить принять мою искреннюю преданность к великому государству и державному императору”³⁰.

Пребывание вана Коджона в русской миссии в течение 375 дней оказало положительное влияние, хотя и временно, на обстановку в стране. Господство колонизаторов было прекращено. Однако после возвращения вана Коджона во дворец и, главным образом, после русско-японской войны 1904-1905 гг. при пассивной позиции иностранных держав Япония установила режим протектората.

Отношение к России не менялось среди широких слоев населения. оно ярко выражено в словах, обращенных к путешествовавшему еще в 1898 г. по Корее писателю Н.Г.Гарину-Михайловскому: “Имя русского в Корее священо. Слишком много для нас сделала Россия и слишком великодушна она, что бы мы не ценили этого. Русский самый дорогой наш гость”.

Русские архивы хранят многочисленные документы, свидетельствующие о том, что Коджон по мере усиления угрозы превращения его родины в японскую колонию неоднократно намеревался бежать не в русскую миссию в Сеуле, а в Россию.

1 См. подробно: Пак Б.Д. Россия и Корея. 1979. С. 93-107.

2 Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ). Кит. ст. Д. 112. Л. 136-137.

3 Российский Государственный Исторический архив (РГИА). Фонд Канцелярии Министерства финансов. Ед. хр. 35. Л. 40.

4 По Корее. Путешествия. 1885-1896 гг. М., 1958. С. 257.

5 Там же. С. 225, 227.

6 АВПРИ. Яп. ст. Д. 5. Л. 38.

7 Там же. Д. 6. Л. 14, 15.

8 По Корее... С. 228.

9 Там же. С. 185-186.

10 АВПРИ. Яп. ст. Л. 23.

11 АВПРИ. Яп.ст. Д. 5. Л. 61.

12 Там же.. Л. 69.

- 13 По Корее..., С. 185-186.
- 14 АВПРИ. Яп. ст. Д. 5. Л. 23.
- 15 Там же Л. 86.
- 16 Цит. по Пак Б.Д. "Россия и Корея". С. 128.
- 17 Там же.
- 18 АВПРИ, Яп. ст. Д. 5. Л. 121.
- 19 Там же. Л. 134.
- 20 Там же. Л. 139.
- 21 См. подробно Пак Б.Д. "Россия и Корея". С. 128-129.
- 22 РГИА, Фонд 560. Оп. 28. Ед. хр. 24. Л. 45-47.
- 23 См. подробно Тягай Г.Д. Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее. М., 1983. С. 144-155.
- 24 АВПРИ, Яп. ст. Д. 1. Л. 43.
- 25 Там же Л. 46.
- 26 Там же Л. 117.
- 27 Там же Д. 70. Л. 22-23.
- 28 "По Корее". С. 258.
- 29 Там же. С. 261.
- 30 Гарин-Михайловский Н.Г. Из дневников кругосветного путешествия. М., 1949. С. 256.

Философия

Символика числа 8 в японской официальной культуре VII-VIII вв. (к вопросу о характере влияния Китая на Японию)

© 1999

А. Мещеряков

Проблема рецепции китайской культуры в Японии является предметом постоянной научной дискуссии. Осознанный процесс заимствований начался, по нашему мнению, в VII в., что было связано как с желанием правящей элиты Японии интегрироваться в систему международных отношений на Дальнем Востоке, так и с осознанием ею своей неконкурентоспособности в международных делах (в середине VII в. были утрачены позиции на Корейском полуострове). Заимствования осуществлялись осознанно и почти во всех областях государственного строительства. При этом заимствования не навязывались извне и потому Япония обладала значительной степенью свободы в отборе того, что соответствовало местным культурным установкам. Разумеется, уровень японской культуры того времени не позволял усвоить многие достижения интеллектуальной культуры Китая, с чем и были связаны многие местные "инновации".

В многочисленных работах, посвященных влиянию китайской культуры на древнеяпонскую, анализу подвергаются преимущественно процессы заимствования и адаптации государственных институтов и идей. Однако, нумерологическому аспекту этой чрезвычайно многогранной проблемы до сих пор не уделялось внимания. Между тем общепризнанно, что нумерологический символизм является одной из важнейших составляющих фундамента дальневосточных культур. Нам представляется, что его изучение поможет, в частности, уточнить, каким образом и за счет каких элементов происходило усвоение китайской культуры.

Хорошо известно, что в раннеяпонской культурной традиции символика числа 8 имеет особое значение. Примеры настолько многочисленны, что их перечисление заняло бы слишком много места. Может быть, наиболее цитируемым является стихотворение, приписываемое мифологическо-летописными сводами "Кодзики" ("Записи о деяниях древности", 712 г.) и "Нихон сёки" ("Анналы Японии", 720 г.) божеству Сусаноо, где цифра 8 встречается четыре раза¹.

Обычно считается, что "восьмерка" служит указателем на предел множественности, а многие исследователи подчеркивают чисто японское про-

исхождение этого символического обозначения. Так, авторитетный словарь старояпонского языка цитирует известного языковеда и культуролога Оно Сусуму, утверждавшего, что в древности число 8 имело мистическое значение, часто употреблялось в мифах и что в отличие от китайских классических книг, где особым символическим смыслом обладали цифры 7 и 9, в японской древности наиболее благоприятное значение придавалось четным числам, в особенности “восьмерке”². Более осторожные исследователи ограничиваются лапидарным замечанием о том, что “восьмерка” означает “много”³.

Оставляя на время в стороне вопрос о роли “восьмерки” в китайской культуре (при разработанности китайской нумерологической традиции практически любая цифра обладала там некоторым особым смыслом⁴), обратимся к раннеяпонским памятникам, где “восьмерка” употребляется действительно часто и в особых контекстах - “Кодзики” и “Нихон сёки”.

Начальная часть космологического мифа, изложенного в этих памятниках, представляет собой последовательное перечисление имен божеств, которым не приписывается никаких действий (за исключением самого факта их появления на свет). Перечисление их осуществляется группами, которые в оригинале носят название “поколений”. При этом составители сами осуществляют подсчет числа появляющихся божеств и поколений, к которым они принадлежат, что свидетельствует о том важном значении, которое придавалось этим числовым показателям в древности. Интересно, однако, что подсчеты не отличаются точностью - приводимое в тексте фактическое количество имен (теонимов) не соответствует подсчетам составителей. Будучи далекими от мысли, что это объясняется неумением древних японцев оперировать числами в пределах двух десятков, попытаемся выяснить, имеют ли эти “ошибки” случайный или же систематический характер.

В приводимой ниже таблице, составленной на основе начальной части текстов “Кодзики” и “Нихон сёки”, вне скобок указано число божеств и поколений, заявленное составителями, а в скобках - подсчитанное нами их фактическое количество.

Количество божеств в группе (“Кодзики”)	Количество божеств в группе (“Нихон сёки”, основной вариант ⁵)	Количество поколений (“Кодзики”)	Количество поколений (“Нихон сёки”)
(№1) 5 непарных	3 непарных	1 (5)	3 (3)
(№2) 12 (2 непарных + 10 парных)	8 парных	6 (7)	4 (4)
(17)	8 (11)	7 (12)	7 (7)

Получается, что составители двух сводов получают в итоге одинаковое количество поколений божеств - семь. Для этого им пришлось пойти на определенные допущения. В “Кодзики” пять непарных (не имеющих супругов) поколений группы № 1 сводятся к одному поколению, а два поколения непарных божеств группы № 2 также считаются за одно. Что касается “Нихон сёки”, то при определении общего числа божеств в группах № 1 и № 2 оно принимается равным восьми (“И вот, всех вместе стало восемь божеств”)⁶, когда на самом деле их насчитывается 11 (группа № 1 не принимается в расчет). При подсчете же поколений три непарных божества группы № 1 считаются, тем не менее, за три поколения, т.е. принимается совсем другой принцип подсчета, чем в “Кодзики”. Таким образом, составители обоих сводов видели

свою задачу в том, чтобы получить итоговый результат в семь поколений, а составители "Нихон сёки" обозначают совокупное количество божеств цифрой 8.

"Семерка", к которой так стремились составители в начальном изложении мифа, в дальнейшем повествовании сводов больше не фигурирует. Японские комментаторы "Кодзики" отмечают, что, по всей вероятности, выбор "семерки" объясняется даосской идеей о соотношении "первоначального небесного божества-правителя" с семью звездами "северного ковша" Большой Медведицы⁷.

Следующий примечательный мифологический фрагмент связан с рождением парой божеств, завершавшей космогонический процесс - Идзанаги и Идзанами - островов Японии. Согласно "Кодзики", ими было рождено-создано 16 островов. На первый созданный ими остров Оногоросима они спустились сами, второй из них (Авасима) вышел неудачным ввиду несоблюдения ими правил брачного ритуала, последние шесть были рождены "позже". Получается, что только восемь островов не оставляли желать лучшего. Поэтому страну Ямато (Японию) называли "Ооясимагуни" ("Страна восьми больших островов"), исключая из подсчетов остальные острова ради получения искомого сакрального числа. Согласно "Нихон сёки", Идзанаги и Идзанами породили 13 поименованных в тексте островов. Однако снова в окончательных подсчетах фигурируют далеко не все из них: исключаются Оногоросима, остров Авадзи (потому что это была "плацента" и "это место не радовало душу"), Ооямато-но сима, Цусима и Иса (без объяснения). Как и в "Кодзики", остаются восемь островов, которые и называются Ооясима.

После создания островов Идзанаги и Идзанами приступают к рождению многочисленных божеств (этот эпизод имеется только в "Кодзики", в "Нихон сёки" он отсутствует). Сначала приводятся имена 10 богов (четыре парных и шесть непарных), рожденных непосредственно ими.

Последние из божеств этой группы - Хаякицу-хико и Хаякицу-химэ - в свою очередь рожают восемь божеств (четверо парных и четверо непарных). Сообщив об этом, составители "Кодзики" продолжают перечисление детей Идзанаги и Идзанами (их остается четверо).

Далее два последних божества из предыдущей группы (Ооямацуми-но ками и Нодзути-но ками) рожают 10 божеств. Затем повествование возвращается к Идзанаги-Идзанами. Упомянется еще 10 божеств, рожденных Идзанами. Они фактически распадаются на две группы - появившихся до рождения бога огня, опалившего ей чресла (три божества) и после этого (семеро). Однако в тексте "Кодзики" указывается, что было рождено восемь божеств. Такая "ошибка" в подсчете может быть объяснена, вероятно, тем, что ради получения чаемого количества четыре парные божества этой группы были посчитаны за два.

После этого значение числа 8 в повествовании "Кодзики" резко снижается. И хотя Идзанаги-Идзанами, а также их божественные потомки продолжают процесс порождения божеств, численность групп уже либо не поддается четким нумерологическим закономерностям (в таких группах может быть два, три, пять, восемь, девять, 12, 14 божеств), либо эти закономерности на данном этапе изучения определить не удается. То же самое можно сказать и о тексте "Нихон сёки".

К VII-VIII вв. относится достаточно много письменных сведений и материальных памятников (последние особенно важны, поскольку не подвержены более поздней редакции), свидетельствующих о распространенности "восьмерки" в различных областях японской государственной жизни.

В китайской хронике "Синь Тан шу" ("Новая книга династии Тан", 14 в.) сообщается, что в период правления Ян-ди (605-618) головной убор японских чиновников украшался серебряным цветком с восемью лепестками ("раскрывался на восемь сторон")⁸. В середине VII в. в Японии появился новый тип царских погребений - курганы восьмиугольной формы, вместо традиционной "квадратно-круглой". Сираиси Таитиро, ведущий специалист по курганному периоду, полагает, что именно к этому типу захоронений относятся погребения Дзёмэй (629-641), Тэнти (668-671), совместное захоронение Тэмму (673-686)-Дзито: (690-697), Момму (697-707)⁹. Восьмиугольным¹⁰ было навершие трона правителя в VIII столетии, что напрямую связано с его постоянным эпитетом: "ясумисиси" - "ведущий (управляющий) восемь углами (страны)"¹¹. Совершенно не случайно также, что в результате реформы многочисленных наследственных титулов-кабанэ в конце VII в. их стало ровно восемь, а система чиновничьих рангов с начала VIII вв. имела своим модулем ту же самую восьмерку¹². То же самое можно сказать и о "министерствах" (сё:) в Ямато-Японии, число которых в отличие от Китая составляло именно восемь (в Китае этих министерств насчитывалось шесть).

Таким образом, чрезвычайно значимая для китайской нумерологии цифра 8 (укажем хотя бы на то, что именно восемь триграмм-гуа "Книги перемен" являются одной из основ китайской антропокосмологии) становилась атрибутом верховной государственной власти в Японии, знаком ее сакральности. При этом идея восьмеричности проводилась в государственную жизнь еще более последовательно, чем в самом Китае¹³.

Восьмерка принадлежит китайской культуре в целом: влияние "Книги перемен" распространялось и на конфуцианство и на даосизм. Что касается специфических даосских представлений, то весьма символичным следует признать факт изменения титулатуры японского правителя. Если ранее правитель Ямато именовался *окими* ("великий господин"), то в конце VII столетия (вероятно, в правление Тэмму) стал последовательно (вплоть до сегодняшнего дня) употребляться китайский астрологический даосский термин *тяньхуан* (яп. "тэнно:"), обозначавший небесного императора, правителя Полярной звезды. Впервые такое обозначение китайского императора фиксируется в 674 г. (правление Гао-цзуна, 650-683), однако в Китае оно не получило в дальнейшем широкого распространения. Согласно даосским представлениям, *тяньхуан*, являющийся верховным божеством даосского пантеона, пребывает в небесном "фиолетовом дворце" (фиолетовый цвет маркирует наибольшую сакральность, отсюда японское представление о лиловом цвете одеяний как прерогативе наиболее знатных придворных) и управляет даосскими мудрецами (*чжэньжэнь*). В связи с этим в японских текстах VIII в. (поэтическая антология на китайском языке "Кайфусо:", хроника "Сёку нихонги") резиденция японского правителя весьма часто именно так и именуется - "Фиолетовый дворец" (*сикю:*, *ситё:кю:*).

Понятие даосского "мудреца" (яп. чтение - *махито*) входит в употребление также при Тэмму. Его посмертное японское имя Ама-но Нунахара Оки-но Махито, где "Оки" (кит. Инчжоу) - один из священных даосских островов-гор, где обитали бессмертные. Таким образом, заключительную часть имени (Оки-но Махито) можно понять как "мудрец с острова бессмертных". Следует помнить, что и первое по своей значимости кабанэ согласно реформе Тэмму также называлось *махито* и жаловалось почти исключительно представителям правящей династии. Пятое кабанэ именовалось *мити-но си*, что означает учителя-даоса. Получалось, что земной император уподоблялся небесному, а его приближенные - небожителям; совместно они образовывали нечто вроде

пантеона. Именно поэтому в императорских указах столь часто употребляется выражение *камунагара* - "являясь божеством".

Тронный зал правителя назывался "Залой Великого предела" (*дайгоку-доно*). Понятие "Великого предела" (кит. *тай цзи*) выражает идею "пределного" состояния бытия, из которого рождаются *инь* и *ян*, а затем и все сущее. Напомним, что первые по времени появления божества синтоистского мифа - непарные, затем рождаются парные божества (т.е. единица порождает двойку). Мы не исключаем, что такое "числовое развертывание" обусловлено китайским влиянием.

Таким образом, при формировании японской модели государственности китайским, в особенности даосским, представлениям в конце VII в. принадлежала весьма значительная роль: двор Ямато представал зеркальным отражением идеального даосского "небесного" миропорядка. Неотъемлемыми атрибутами верховного правителя считались также зеркало и меч - необходимые предметы даосского ритуала.

Отмечая особую роль даосизма в Японии конца VII в., следует иметь в виду, что в самом Китае VII-VIII вв. танский двор активно покровительствовал этой религиозно-философской системе и ее институтам как внутри страны, так и за ее пределами, а даосизм был "как никогда близок к реализации своих универсалистских потенций и к превращению из религии национальной в религию если не мировую, то, по крайней мере, региональную"¹⁴.

VIII в. традиционно считается периодом расцвета японского государственного буддизма. Однако при более тщательном ознакомлении с историческими реалиями оказывается, что в ряде фундаментальных областей "картины мира" и общественной практики, в том числе религиозно-магической, влияние именно китайских концептов следует признать чрезвычайно значительным.

Это касается, в частности, знания, которое было сконцентрировано в ведомстве *Оммё:рё:* ("Ведомство *инь-ян*"), подразделении Министерства центральных дел (*Тю:мусё*). Само название ведомства говорит о том, что его деятельность основывалась на китайских натурфилософских теориях. В обязанности персонала *Оммё:рё:*, согласно законодательству, входили "астрологические наблюдения, составление календарей, наблюдение за движением облаков и ветров, тайные доклады государю о необычных [природных] явлениях"¹⁵. Требование полной секретности проводимых в ведомстве *Оммё:рё:* наблюдений, а также запрет на чтение студентами, состоявшими при этом ведомстве, гадательных книг содержится в другой статье законодательства¹⁶, что ставит *Оммё:рё:* в совершенно особое положение во всей системе государственных учреждений древней Японии. Занятия даосской практикой (астрологии, геомантия, гадание на панцире черепахи, лечение небуддийскими заклинаниями и т.п.) запрещались также буддийским монахам¹⁷. Секретность указанной информации, прямой запрет частным лицам на занятия гаданиями, связанными с астрологией и геомантией, объяснялись опасениями, что знания и умения такого рода могут быть использованы властям во вред.

Показательным примером весьма серьезного отношения в Японии того времени к даосским "искусствам" и учениям может послужить судьба принца Нагая, внука "императора" Тэмму (673-686). При Сё:му (724-749) он получил пост левого министра, т.е. стал фактически первым человеком в чиновничьей иерархии. Однако его недоброжелатели в 729 г. нашептали государю, что Нагая "занимается ворожкой" и планирует свергнуть его. Тогда Сё:му приказал окружить усадьбу Нагая, что вынудило к самоубийству его и всю семью¹⁸.

Термин, который мы здесь переводим как “ворожба”, в источнике звучит как *садо*: (букв. “левое *дао*”), что подразумевает использование даосской “черной” магии. В данном случае не важно, действительно ли Нагая практиковал даосскую магию. Гораздо существеннее, что формальное обвинение в том могло послужить достаточным основанием для применения по отношению к нему репрессивных мер. О том же говорят и события, связанные с деятельностью Эн-но Одзуну (Эн-но Гё:дзя, Э-но Убасоку), который, согласно записи хроники “Сёку нихонги” от 699 г., был сослан за применение даосской магии¹⁹, что свидетельствует о ее достаточной известности и признании властями ее действительности.

Вопросы, относящиеся к компетенции Оммё:рё, считались настолько важными, что как только род Фудзивара приобрел в VIII - начале IX в. достаточное влияние, его представители стали доминировать в кадровом составе Оммё:рё²⁰.

О том, сколь большое значение имели, например, китайские представления относительно ориентации в пространстве, может свидетельствовать прецедент с переносом столицы из Фудзивара в Нара (710-784). Согласно указу “Сёку нихонги”, новая столица, в отличие от старой, в более полной мере соответствовала традиционному китайскому способу ориентирования построек, расположению их среди “ветров и вод” (яп. *фу:суй*, кит. *фэншуй*), чем и объяснялся перенос столицы²¹. Согласно принципам *фэншуй* выбиралось местоположение и более поздних резиденций императора (Нагаока и Хэйан).

С начала VIII в. в постоянное употребление вошли “девизы правления” (*нэнго*:). Они спорадически вводились и в VII в., но их применение не носило систематического характера (вполне возможно, что они были введены “задним числом”). Роль Оммё:рё: в формулировании девизов правления была чрезвычайно велика.

Первые девизы правления японских “императоров” не носят, как правило, абстрактно-программного характера (в них отсутствуют такие важнейшие для китайской теории управления понятия как “гармония”, “гуманность” и другие), но напрямую связываются с появлением зрительно воспринимаемых знамений, среди которых особенно много “чудесных”, согласно китайским представлениям, мифических животных (“белый фазан”, “белый феникс”, “красная птица”, “чудесная черепаха” и т.п.). Такой подход, безусловно, отражает особенности культурной среды тогдашней Японии, в первую очередь воспринимавшей конкретно-чувственную сторону китайской культуры и еще не вполне готовой к овладению ее теоретическими глубинами.

Показательны в этом отношении события, сопровождавшие восхождение на престол императрицы Гэнсё: (715 г.). В столице тогда была обнаружена “чудесная черепаха” (*рэйки*), тело и панцирь которой были покрыты иероглифами²², причем живот черепахи был испещрен красными и белыми точками, которые складывались в цифру 8.²³ В связи с обнаружением “чудесной черепахи” новый девиз правления получил такое же название — Рэйки. За месяц перед тем как Гэнсё: отреклась в пользу Сё:му (724-749), представитель рода Ки преподнес двору обнаруженную в провинции Ямато “белую черепаху”, что послужило причиной для переименования начальной эры правления Сё:му в Дзинги (Божественная Черепаха)²⁴.

Многие другие девизы правления VIII в. также обнаруживают прямое китайское влияние. Правда, к середине столетия в наименованиях девизов правления отчетливее проявляется воздействие буддийской идеологии, но затем оно снова исчезает²⁵.

Одним из основных общегосударственных обрядов того времени было "Великое очищение" ("Оохараэ"). В нем принимали участие император, все придворные и чиновники столицы. Ритуал проводился дважды в год (в последний день шестой и двенадцатой лун) перед главными воротами дворцового комплекса - Судзакумон. Он был призван избавить страну от различных видов "загрязнения", природных катаклизмов и болезней. В окрестностях дворца обнаружены глиняные изображения лошадей, многочисленные деревянные плоские антропоморфные фигурки, на которые, как считалось, переходит ритуальная скверна. После отправления обряда их выбрасывали в ров с водой. На этих фигурках могли также писать пожелания об избавлении от болезней и тогда тот орган, который подлежал исцелению (например, глаз), обводился тушью. В основе этого действия лежал даосский по происхождению обряд очищения²⁶. Там же обнаружены деревянные таблички-моккан с записью даосских заклинаний²⁷.

Приведенные выше данные позволяют сделать заключение о первостепенной значимости китайских религиозно-философских представлений в придворной жизни Японии VII-VIII вв. Проявились они и в японских экспликациях китайских нумерологических символов. К ним относится и описанная в начале статьи операция по "квантованию" рассказа о появлении божеств с помощью цифры 8 при составлении мифологическо-летописных сводов. При этом данная операция была применена, в основном, только к началу мифологического повествования, на которое были перенесены идеи, владевшие умами в конце VII - начале VIII в., а интеграция последующего изложения осуществлялась с помощью других средств. И хотя божества мифологического рассказа являются безусловно японскими, их нумерологическая организация была проведена под прямым влиянием китайских представлений.

Разумеется, мы не хотим сказать, что генетические связи представлений японцев VII-VIII вв. о времени, пространстве и мире (даосизм, конфуцианство, буддизм, синтоизм) становились в ту эпоху постоянным предметом осознанной рефлексии. Такого рода представления еще не получили доктринального оформления, противоречия между ними зачастую не замечались. Этому способствовало и то обстоятельство, что в рассматриваемый период культурные заимствования с континента принимались как нерасчленимая на составные части амальгама.

Данное положение может быть проиллюстрировано на примере захоронения Оно Ясумаро, самого составителя "Кодзики".

Это погребение было обнаружено в 1979 г. неподалеку от Нара. В его расположении и устройстве усматривается влияние идей, свойственных синтоизму, буддизму и даосизму. Во-первых, тело Ясумаро было подвергнуто кремированию (буддизм). Расположение могилы на склоне холма и предание кремированных останков земле в деревянном гробу (а не в погребальной урне) следует отнести к особенностям синтоистского погребального комплекса. Наличие в погребении медной таблички (с указанием места жительства, ранга, имени, даты смерти и похорон), которая ориентирована в направлении севера и повернута лицевой стороной к земле, свидетельствует об обращении к даосскому божеству земли, ведающему делами потустороннего мира²⁸.

1. "В Идзумо, где в восемь гряд облака встают,/Покои в восемь оград,/Чтобы укрыть жену,/Покои в восемь оград воздвиг я,/Да, те покои в восемь оград! (Пер. Е.М.Глускиной; Кодзики. Записи о деяниях древности. - Пер. Е.М.Глускиной, Л.М.Ермаковой и А.Н.Мещерякова. СПб., 1994. С. 60). В средневековой поэтической

- традиции именно эта танка считается первой, а слова, с которых она начинается (*якумо тацу*) в сочетании "*якумо тацу мити*" (где "*мити*" - "дорога") почитались синонимом японской поэзии вообще (*вака*).
2. Кого дайджитэн (Словарь древнеяпонского языка) // Токио, 1983. С. 1648.
 3. Кодзики (Записи о деяниях древности). Сер. "Нихон сисо: тайкэй". Т. 1, 1982. С. 21.
 4. См., напр.: А.И.Кобзев. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М., 1994.
 5. Повествование "Нихон сёки" отличается "научным" подходом: в связи с причинами, рассмотрение которых выходят за рамки данной статьи, составители свода приводят несколько вариантов одних и тех же мифов. Тем не менее "основным вариантом", санкционированным придворной культурой, являлся первый из них.
 6. Нихон сёки. Анналы Японии. Пер. Л.М.Ермаковой и А.Н.Мещерякова. Т. 1. СПб., 1997. С. 117.
 7. Кодзики, 1982. С. 318. Медитативное созерцание Большой Медведицы играет огромную роль в даосизме. "Внимание даосов (как и других народов, в частности древних египтян) к северной части небосвода объяснялось тем, что звезды этого участка неба никогда не заходят за горизонт, а следовательно, они "бессмертны" и являются мирами бессмертных" (Е.А.Торчинов. Даосизм. СПб., 1998. С. 201).
 8. Tsunoda Ryusaku, Goodrich L.C. Japan in the Chinese Dynastic Histories. South Pasadena, 1951. P. 39.
 9. Сираиси Таитиро. Гоки кофун-но сэирицу то тэнкай (Становление и развитие курганов позднего периода) // Оокэн-о мэгуру татакан (Борьба за верховную власть). Под ред. Киси Тосио. Токио, 1986. С. 250. Автор не дает этому факту никакого культурологического толкования, но в свете приводимых нами данных связь между этим типом курганов и китайским влиянием представляется несомненной.
 10. Кого дайджитэн. С. 986.
 11. Исходя из способа иероглифической записи, определение *ясумисиси* предполагает два равноправных толкования: "ведающий восемь углами" (20 случаев) и "спокойно управляющий" (шесть случаев). См.: Кого дайджитэн. С. 1661.
 12. При этом ранние системы чиновничьего ранжирования в Японии VII в. имеют модулем цифру "шесть" (это наблюдение любезно сообщено нам М.В.Грачевым). Показательно, что основных рангов было в Японии девять, но начальный, самый младший ранг, в отличие от Китая порядкового номера не имел, что было, видимо, связано с последовательным проведением в жизнь идеи восьмеричности.
 13. Это, вероятно, связано с тем, что в Китае различные нумерологические системы (основанные на двоичной и троичной конструкции) существовали параллельно. Так, один из основных пророческих текстов - "Тысячесловие" ("Цянь цзы взнь") - основан на двоичной конструкции, другой - "Троесловный канон" ("Сань цзы цзин") - на троичной (А.И.Кобзев. Указ. соч. С. 100). В древней Японии получило распространение только "Тысячесловие".
 14. Е.А.Торчинов. Указ. соч. С. 318.
 15. Рицурё: (Свод законов), II-9.
 16. Там же, XXX-8.
 17. Там же, VII-1, 2. Интересно, что в танских законодательных установлениях относительно буддийских монахов аналогичных запретов не содержится, что говорит о большей актуальности этой проблемы для тогдашней Японии, нежели для Китая.
 18. Сёку нихонги, Тэмпё:, 1-2-10, 1-2-12.
 19. Там же, Момму, 3-5-24. В дальнейшей буддийской народной традиции Эн-но Одзуну выступает как замечательный кудесник, который был оклеветан. См.: Нихон Рёйки. Японские легенды о чудесах. Пер. А.Н.Мещерякова. СПб., 1996. I-28. С. 64-65.
 20. Lee A. Butler. The Way of Yin and Yang. A Tradition Revived, Sold, Adopted// Monumenta Nipponica. Vol. 51. N 2. 1996. P. 193.
 21. Сёку нихонги, Вадо:, I-2-15.
 22. Вслед за Китаем в Японии панцирь черепахи использовался для гадания. Кроме того, черепаха в силу ее долголетия считалась символом вечной жизни и благополучия. Не следует забывать и одну из версий китайского мифа, согласно которой черепаха, появившаяся из реки Ло, имела на своем панцире знаки, ставшие прототипом первых иероглифов.

23. Сёку нихонги, Рэйки, I-8-28.
24. Там же, Ё:ро:, 7-10-8; Дзинки, I-2-4.
25. Представляется перспективной идея рассмотрения политической борьбы в VIII в. в свете противостояния наиболее могущественных родов, которые делали ставку либо на китайскую образованность, либо на буддизм. В самом деле: периоды доминирования рода Фудзивара окрашены в китайские тона; когда же к власти приходили конкурирующие силы, это означало немедленное увеличение роли буддизма в придворной жизни (правления Сё:му и Сё:току, 764-770).
26. Хэйдзё: кю:сэки сирё:кан дауроку (Каталог музея дворца Нара). Нара, 1995. С. 70-71; Сэнда Минору. Хэйдзё:кё:-но фукэй (Ландшафты столицы Нара). Токио, 1997. С. 74.
27. Сэнда Минору. Фукэй-но коко:гаку (Ландшафтная археология). Киото, 1996. С. 40-41.
28. Вада Ацуму. Синхаккэн-но модзи сирё:. Соно каккитэки якувари (Новые открытия в области письменности. Их историческое значение)// Котоба то модзи (Слова и знаки). Под ред. Киси Тосио. Токио, 1996. С. 27-33.

Русские в Китае

С Пушкиным в сердце К 200-летию со дня рождения поэта

© 1999

А.Хисамутдинов

Своей философией, а может, и экзотикой Азия всегда манила великого поэта. Но Александр Сергеевич Пушкин, несмотря на свое большое желание побывать в Китае, так и не смог выбраться ни сюда, ни в какую другую азиатскую страну, ни вообще за границы России. Добраться туда смогли лишь его произведения.

Первым произведением А.С.Пушкина, переведенным на китайский язык, стала "Капитанская дочка". Это произошло в 1903 г.¹ Более счастливой оказалась судьба этой повести в Японии. "Капитанскую дочку" опубликовали в стране Восходящего солнца в 1877 г. в переводе Такасу Дзискэ². Первым пушкинистом в Японии того времени считался профессор Ясути Садатоси, который в конце прошлого века побывал в Санкт-Петербурге, где увлекся творчеством Пушкина. Собрав множество интересных сведений о жизни поэта, он в 1906 г. издал в Токио свою книгу "Великий поэт Пушкин"³. В своей работе Ясути изложил не только биографию русского поэта, краткое изложение важнейших его произведений, но и опубликовал библиографию с комментариями к основным произведениям.

Уже во время гражданской войны, когда интерес к России был необычайно большим, профессор Мацунага Синъити перевел "Медного всадника". Эту поэму напечатал в 1922 г. журнал "Росия бунгаку" ("Русская литература"). При этом многие знатоки русской литературы отметили точный художественный перевод слависта. Затем профессор университета Васеда Катагами Нобури написал критическую статью "Бунт обыкновенного человека", посвятив ее разбору "Медного всадника". В 1921 г. славист Ямагата Дэндзо перевел "Дубровского" и "Барышню-крестьянку". В 1924 г. другой профессор Умэда Хироси сделал новый перевод "Капитанской дочки", "Арапа Петра Великого" и "Дубровского". Первый перевод "Евгения Онегина" принадлежал слависту Окагами Моримити, а второй, более удачный, профессору Ионэкава. "Ионэкава, - отмечал критик К.Мизутани, - считается в Ниппон первым мастером перевода русской литературы, и у него имеется уже сотня прекрасных переводов русской литературы. И он, такой талантливый и опытный перево-

Хисамутдинов Амир Александрович, старший преподаватель Дальневосточного технологического института, Владивосток.

дчик, в предисловии своего перевода "Евгения Онегина" говорит, что этот перевод был самым трудным из его многочисленных переводов и признается, что в первом издании его перевода он допустил много ошибок, несмотря на то, что очень осторожно относился к технике перевода, прибегая часто к помощи своих русских знакомых"⁴.

Гражданская война, выплеснувшая в 1922 г. русских из России, привела к тому, что произведения А.С.Пушкина стали выходить в азиатских странах на русском языке. Книги поэта всегда возглавляли список изданий русских классиков за рубежом. С именем А.С.Пушкина связан и феномен русской эмиграции, когда имя поэта стало одним из ее идеологических знамен. Политическая ориентация изгоев из России была весьма неоднородной и сложной. Многие вскоре разочаровались в лозунгах, под которыми белые вожди проиграли гражданскую войну. Не был популярным среди эмигрантов и монархизм. В Европе в этот период начинало набирать силу фашистское движение, но большая часть русской эмиграции, в особенности старшее поколение, к нему относилась прохладно. Русские эмигранты были вынуждены больше думать о поисках хлеба насущного, а не о том, под какими знаменами вернуться на родину. Некоторые в поисках лучшей доли разъехались по разным странам, другие завербовались в наемники и участвовали в китайских междоусобных столкновениях. Немало эмигрантов было вынуждено взять советские паспорта и устроиться на Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД), которая к тому времени перешла к СССР.

Эмигрантским идеологам приходилось задумываться не только над текущими проблемами и объединением всех эмигрантов, но и над воспитанием подрастающего поколения. Идея же взять в качестве знамени Пушкина носилась в воздухе. Поэтому не удивительно, что часть эмигрантской интеллигенции обратила внимание на произведения А.С.Пушкина, которые могли объединить совершенно разные группы эмигрантов.

Все началось с Дней Русской культуры в 1926 г., которые были приурочены ко дню рождения великого поэта⁵. В Харбине инициативу проведения этого праздника взял на себя Беженский комитет, который стал выпускать однодневные издания⁶. Вершина же поклонения эмигрантов гению Пушкина пришлась на столетнюю годовщину со дня его смерти в 1937 г. Причем идея национального объединения с помощью Пушкина нашла отражение и в европейской эмиграции. Профессор В.В.Перемиловский, живший в Праге, писал в своей книге, опубликованной в Харбине: "И это сугубое Пушкинское празднество - там, в России, и здесь, в русской эмиграции - оно будет в самом деле единственное достойное нашего Пушкина чествование: это будет первый случай, когда обе России будут восторженно славить одного и того же своего поэта! После стольких лет вражды и ненависти настанет день, где те и другие, на один момент, протянут в Пушкине друг другу руки! Пушкин может быть счастлив: он по-прежнему объединяет собой Русский народ, даже и в эти тягчайшие годы его разъединения"⁷.

В 1930-е годы Маньчжурия была оккупирована японскими войсками. Общественная, деловая и личная жизнь русской эмиграции строго регламентировалось указаниями Бюро по делам Российской эмиграции в Маньчжурии (БРЭМ), созданном японцами. Понимая, что значит имя великого поэта для русских, БРЭМ организовало Центральный Пушкинский комитет общественных организаций. Основную роль в его деятельности играл профессор права и богослов К.И.Зайцев. С армией генерала Врангеля он эвакуировался в Константинополь, а затем переехал в Софию, где редактировал газету П.Б.Струве "Русская мысль". В 1922 г. Зайцев переехал в Прагу, где читал курс админи-

стративного права на Русском юридическом факультете и в Кооперативном институте. При Русской академической группе К.И.Зайцев сдал экзамены на степень магистра на кафедре политической экономии и получил звание приват-доцента. В 1925 г. по приглашению П.Б.Струве Зайцев уехал в Париж, где редактировал известную в те времена газету "Возрождение". Был он и редактором газеты "Россия и Славянство". По приглашению профессоров Юридического факультета в 1935 г. К.И.Зайцев переехал в Харбин. Энциклопедически образованный, Зайцев с энтузиазмом окунулся в культурную жизнь этого города. Он был ректором Педагогического института, а с осени 1935 г. стал читать на Юридическом факультете курсы начала экономики и права и основы этики. Увлеченный религией, К.И.Зайцев был профессором Богословского факультета в Харбине. В то время огромное количество его статей появилось в журнале "Хлеб Небесный" и газете "Гун бао". Будучи теоретиком культуры и философии, Зайцев интересовался также этическими проблемами и вопросами воспитания подрастающего поколения. Пушкинский юбилей 1937 г. профессор Зайцев воспринял как основную цель своей жизни, посвятив ему немало статей⁸.

В Харбине пушкинские мероприятия проходили с большим размахом. Духовенство в этом городе и других местах Китая отслужило торжественную панихиду по Александру Сергеевичу Пушкину. Всюду открывались выставки, читались лекции, проходили премьеры театральных спектаклей. Но у этого, казалось бы, чисто литературного события была видна политическая подоплека. Комитет выпустил специальное обращение, в котором отмечалось: "На Пушкине должно учиться России. Свет и тени ложатся под его пером с верностью и точностью непогрешимыми. Тому, кто хочет выработать в себе трезвую, неподкупную, духовно-просветленную патриотическую совесть, надо не просто читать и перечитывать Пушкина, а вживаться в него и сживаться с ним. Пушкин - художественно воплощенная русская совесть. Пушкин не просто живописует нам Россию, ему современную, и не просто воспроизводит Россию прошлую. Пушкин творит суд над Россией. Тот, кто на Пушкине учится России, тот не просто видит ее, и при этом видит всю, от крестьянской избы до Императорского дворца во всех изгибах ее всеобъемлющего духа, а одновременно воспринимает, непосредственно и непроизвольно, что и где в ней добро и что и где в ней зло. Тот, кто на Пушкине учится России, тот познает с силою живого видения и светлые силы, которые создавали и питали Святую Русь и Великую Россию, и темные, а порою окаянные силы, и явно восставшие против Святой Руси и Великой России, и откровенно подтачивающие их. Мы, старшее поколение, знаем и помним Россию, но и нам надо проверять свою патриотическую совесть на Пушкине. Для тех же поколений, которые не имели счастья быть воспитанными под сенью Российского Великогодержавия, значение Пушкина неизмеримо больше. Для них путь в Россию лежит через Пушкина"⁹.

В феврале 1937 г. была открыта Пушкинская выставка, организованная по предложению члена комитета П.И.Савосьянова. На выставке были представлены не только прижизненные издания поэта, но и предметы русского быта, картины. Устроители сопроводили все экспонаты подробными надписями, чтобы посетитель зрительно представил не только жизнь Пушкина, но и его эпоху. Выставка блестяще справилась со своей задачей. "[...] на выставке было представлено для обозрения до 2000 экспонатов, в том числе до 200 портретов и иллюстраций, относящихся к Пушкину и его эпохе. Выставка продолжалась четыре дня, с 7 по 10 марта, будучи открыта по два

раза в день. За 20 часов, отведенных в течение 4 дней, выставку посетило 1003 лица, из них до 300 учащихся средних учебных заведений"¹⁰.

В те февральские дни и возникла идея издать все в одном альбоме¹¹. Авторский коллектив возглавил профессор К.И.Зайцев, который также написал немало статей для альбома и отредактировал работы других авторов¹². Хотя в Харбине существовало немало библиотек, зачастую в них нельзя было найти необходимой литературы. В Китае не было и настоящих пушкинистов, до Европы же было не так легко добраться. Несмотря на скудность научной литературы и источников по пушкиноведению, составители альбома блестяще справились с задачей. Многие отметили не только хорошее полиграфическое исполнение альбома, но и исчерпывающее отражение в нем жизни и творчества А.С.Пушкина. Всего было отпечатано 1160 экземпляров, из них 16 именных и 44 нумерованных на бумаге лучшего качества и в увеличенном формате. Альбом не был единственным изданием Пушкинского комитета. Энтузиасты издали не только произведения А.С.Пушкина, но и сборники, посвященные его творчеству¹³.

Не остались в стороне от юбилея и правоведа, которые хотели придать празднованию значение объединяющего все слои неоднородной эмиграции. 1 марта 1937 г. на торжественном акте в Юридическом факультете в Харбине профессор Г.К.Гинс произнес свою речь "А.С.Пушкин - русская национальная гордость"¹⁴. В свое время харбинские газеты "Русское Слово" и "Новости жизни" открыли острую полемику между ним и Устряловым, одним из идеологов сменовеховцев. В тот период Г.К.Гинс не мог противопоставить Устрялову какой-либо идеи. Позднее Пушкин и объединительная идея стали для него аргументом в споре. "Да будет же позволено и русским эмигрантам по своему воспринимать Пушкина, и не бояться находить у него то, что более всего отвечает пережитому в страдные годы зарубежной жизни и мечтам о служении родине"¹⁵.

В ознаменование 35-летней журналистской деятельности профессора Гинса харбинское издательство "Заря" выпустило сборник его газетной публицистики "Quo vadis Еурога? (Куда идешь, Европа?)". Хотя книга была написана сухим академическим языком, она читалась легко. Сборник получил благоприятную рецензию: "Каков же будет этот новый мир, нарождающийся ныне в потоках крови, под гром пушек? Автор считает, что он будет ни национал-социалистическим, ни фашистским, ни коммунистическим, ни демократическим. По его мнению все эти системы неизбежно перегорят в пожаре войны и человечество выйдет из страшного испытания, выпавшего на его долю, обновленным не только политически, но и морально"¹⁶. В своей статье Гинс преподнес пушкинскую идею, неотъемлемую часть русского самосознания, как альтернативу фашизму в Италии. Вскоре он посвятил этому отдельную работу¹⁷. В другой статье профессор отметил: "Для молодых поколений эмиграции народный дух и чувство национальной гордости Пушкина, его пламенные стихи, посвященные героям и событиям русской истории, вновь обретенное сокровище, бесценный клад русской культуры. [...] Под этими знаменами выступила на мировую арену русская государственность, в этой обстановке и русская культура, в создании которой принимали дружное участие все национальности и все разнообразные силы, объединившиеся под сенью русского государства"¹⁸.

В 1937 г. Г.К.Гинс выступал довольно часто. Всюду, где было возможно, он проповедовал идеи культурного возрождения эмиграции и объединения ее под флагом поэзии. К сожалению, японская оккупация Маньчжурии свела эти попытки на нет. 30 июня 1941 г. Г.К.Гинс покинул Харбин и уехал к сыновьям

в Сан-Франциско. Уже в Америке Гинс писал о политической жизни в Маньчжурии: "Бюро «по делам российской эмиграции» ведает регистрацией всех эмигрантов, незарегистрированные являются как бы нелояльными и не пользуются некоторыми преимуществами, например, выдачами продовольствия, которые совершаются иногда по представлению Бюро. Кроме того, незарегистрированным трудно получить визы на выезд и т.п. Все зарегистрированные платят ежемесячно отчисления от своего чистого дохода и от этих сборов получают настолько значительные средства, что Бюро располагает даже оборотными средствами и издает газету "Голос Эмигранта", еженедельный иллюстрированный журнал "Луч Азии", календари, книги, некоторые очень ценные, как, например, "Пушкин и его время", "Русская история в русской поэзии", "Шедевры русской литературной критики". Ни один вечер, лекция, сбор не могут быть устроены без санкции Бюро эмигрантов. Оно ведает школьным делом. Само собой разумеется, что бюро следит за политическими настроениями эмиграции, помогая <японской> администрации собирать необходимые данные о русских людях"¹⁹.

Проведение Пушкинских дней в Китае нашло отклик у русских эмигрантов. Известная харбинская поэтесса и критик Наталья Резникова опубликовала интересную повесть о Пушкине²⁰. Видный общественный деятель и юрист В.Ф.Иванов опубликовал в 1940 г. полемическую книгу "А.С.Пушкин и масонство"²¹. "В освещении В.Ф.Иванова, - писала Наталья Резникова, - А.С.Пушкин - жертва масонов. Пушкин был врагом масонства, он проводил другие идеи, и масонам надо было его убрать. Так же точно, по мнению автора, был убран Лермонтов [...]"²².

Большой поклонницей А.С.Пушкина в Шанхае была педагог и писательница К.В.Шендрикова²³. В канун пушкинского юбилея она выпустила небольшую книжку, в которой рассуждала о культуре русского народа.²⁴

Хотя в Шанхае русская колония была значительно меньше, чем в Харбине, пушкинские торжества здесь прошли так же бурно. По этому поводу даже напечатали сборник²⁵. 2 февраля 1937 г. состоялся Пушкинский спектакль-концерт в театре Лусеит, затем празднование перенеслось в зал Alliance Francaise, Французский муниципальный зал и в театр "Гранд". Всюду звучали стихи поэта, песни на его слова и спектакли, поставленные по мотивам пушкинских произведений. Не обошлось и здесь без политики. Деятель гражданской войны и бывший член колчаковского правительства Г.Г.Тельберг 11 февраля прочел доклад "Пушкин в дни безвременья", в котором он провел параллели с положением русской эмиграции. Шанхай был известным театральным центром русских изгнанников, здесь творило немало художественных групп, которые объединились и 13 февраля с блеском сыграли "Бориса Годунова" в 8 действиях. Зал стоя рукоплескал В.И.Томскому, П.А.Дьякову, В.В.Пановой и другим артистам.

В Японии тоже проходили торжественные Пушкинские мероприятия. Одно из крупнейших издательств Японии "Кайзоша" выпустило полное собрание сочинений поэта в пяти томах. Первый том знатоки Пушкина получили в дни юбилея. Тогда многие отметили тщательность издания, в котором приняли участие самые лучшие переводчики Японии. "У нас в Ниппон, - писал известный философ и литературный критик Мики, - уже имеется немало переводов русских писателей, но как-то упущено самое главное и самое важное. Не могу не приветствовать то, что этот недостаток исключается появлением переводов полного собрания сочинений Пушкина. Это, надо сказать, самое замечательное событие в нашей переводной русской литературе"²⁶.

В Кобе 10 февраля 1937 г. русские эмигранты торжественно отметили столетие со дня смерти А.С.Пушкина. Для литературно-вокального вечера был арендован огромный зал Кай-им-канкан, где собрались не только русские, но и почти вся иностранная колония города. Не остались в стороне и японцы - почитатели Пушкина. Большой доклад о жизни и творчестве русского поэта сделал А.Л.Ломаев. Свое "Слово о Пушкине" прочитал Н.П.Матвеев. После этого звучали стихи Пушкина, пел русский хор и были поставлены две сцены из оперы "Борис Годунов" "Келья в Чудовом монастыре" и "В корчме"²⁷.

Прошли Пушкинские мероприятия и в Корее. Хотя здесь была очень небольшая русская колония, истинных любителей поэзии Пушкина оказалось предостаточно. Была отслужена панихида по Пушкину и состоялся торжественный вечер, где, конечно, звучали и стихи поэта.

10 февраля 1937 г. Общество культурных связей Китая и СССР провело Пушкинский вечер в Шанхае в театре Айзис. На этом вечере читались стихи поэта на китайском языке, а хор исполнил кантату "Наш поэт - Пушкин".

Эмигранты решили увековечить память Пушкина, установив ему памятник. 11 февраля 1937 г. у небольшого сквера, где встречаются 5 шанхайских улочек, было многолюдно. Там сначала освятили, а затем и открыли бронзовый бюст великого поэта у трехгранного обелиска, выполненный художниками Кичигиным и Подгурским при участии архитекторов Грана и Ливена. В то же время сквер был назван Пушкинским. Во время японской оккупации, зимой 1944 г. бюст был отправлен на переплавку.

Второе рождение памятника Пушкину состоялось уже после окончания второй мировой войны. Осенью 1946 г. просоветская газета "Новости жизни" выступила с инициативой восстановить памятник и вскоре начала сбор средств. Памятник был несколько видоизменен. К прежней надписи "Пушкину в сотую годовщину смерти 10 февраля 1937 г." и к китайской надписи "Памятник русскому поэту Пушкину, воздвигнутый по случаю столетия со дня его смерти" были добавлены слова "Памятник восстановлен в 1947 г.". Утром 10 февраля 1947 г. памятник торжественно открыли²⁸. Это был один из самых сложных периодов русской эмиграции в Китае. Пароход за пароходом с русскими репатриантами уходили из Шанхая во Владивосток. Другие же, непримиримые, бросали нажитое и снова отправлялись в никуда. Вероятно, те и другие встречались у памятника А.С.Пушкину, который так и не смог их объединить. К сожалению, судьба этого памятника оказалась недолговечной. В годы "культурной революции" бронзовый бюст был низвергнут с пьедестала. Но через некоторое время вновь восстановлен на прежнем месте.

В Нью-Йорке существовал необычный музей, где хранились книги, документы и редкие вещи, присланные русскими эмигрантами из Китая. Это собрание своим рождением обязано было знаменательному событию 1937 г. За год до торжеств был образован Пушкинский юбилейный комитет, который установил связь не только со многими американскими университетами, но и эмигрантскими организациями в Азии. Постепенно энтузиасты этого комитета собрали огромное количество пушкинских сборников, газетных статей, театральных программ, фотографий и открыток, посвященных юбилею. По окончании торжеств комитет был преобразован в Общество имени А.С.Пушкина в Америке. К сожалению, архив его погиб. Заведующий Центральным Пушкинским комитетом в Париже М.М.Федоров обратился к ним с просьбой переслать все юбилейные материалы во Францию. Вскоре туда были отправлены два больших ящика, судьба которых осталась неизвестной²⁹.

В заключение стоит привести слова посла РФ в КНР Игоря Рогачева, сказанные им в Пекине на конференции, посвященной 200-летней годовщине со дня рождения Пушкина: "Трудно назвать другое место в мире, - сказал он, - разумеется, кроме родины Александра Сергеевича, где так часто и такими огромными тиражами выпускаются его произведения. Только за последние два года в Китае издано более десятка многотомных собраний сочинений поэта".

Автор выражает признательность американским фондам IREX и ASTR, благодаря помощи которых стало возможным познакомиться в США с русской эмигрантской литературой. Не могу не выразить и благодарность русскому библиографу Гавайского университета Patricia Polansky, предоставившей возможность поработать с русской коллекцией библиотеки Гамильтон.

1. Рогов В.Н. Пушкин в Китае (Из истории культурных связей) // Восточный альманах. Сб. Вып. 3. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1960. С. 187-195; Шнейдер М.Е. Русская классика в Китае. Переводы. Оценки. Творческое освоение. М., 1977.
2. Подробнее см. Мамонов А.И. Пушкин в Японии. М., 1984. С. 151-171.
3. Там же. С. 84-101.
4. Мизутани К. А.С.Пушкин в Ниппон / Россия и Пушкин: Сб. статей. 1837-1937. Изд. Русской академической группы. Харбин: Россия и Пушкин. Тип. "Заря", 1937. С. 82.
5. Празднование "Дня русской культуры" в 1-м Харбинском Смешанном реальном училище 6-го июля
6. День Русской культуры: Однодневный вып., посвященный празднованию "Дня Русской культуры" в Харбине. Харбин, 1930. 15 июня; 1931 8 июня; 1932. 8 июня; 1933. 8 июня; 1933. 8 июня; 1934. 11 июня; 1935. 15 июня; 1936. 15 июня; День Русской культуры Сб., посвященный празднованию Дня Русской культуры в 1937 г. Харбин: Изд-во Харбинского комитета помощи русским беженцам, 1937. 10 июня (И далее ежегодно).
7. Перемиловский В. Беседы о русской литературе. Пушкин. Харбин; Прага: Русско-Маньчжурская книготорговля, 1935. С. 39.
8. Зайцев, Кирилл Иосифович (28 III 1887, СПб. - 26 XI 1975, Джорданвилль, США). Окончил экономическое отделение СПб. политехнического института им. Петра Великого (1910). Кандидат экономических наук, оставлен на кафедре государственного права для подготовки к научной деятельности, затем занимался в Гейдельбергском ун-те. Сдал экстерном государственные экзамены на юридическом факультете СПб. университета (1912), оставлен на кафедре государственного права. Священник (1945). Пострижен в монашество с именем Константин в Джорданвилле (1949). Архимандрит (1954). Профессор пастырского богословия и русской литературы в Троицкой семинарии (США).
9. Зайцев К.И. Смерть Пушкина // А.С.Пушкин. Избранные произведения. Харбин: Тип. Н.А.Френкеля, 1937. С. VIII-XXVIII.
10. От комитета // Пушкин А.С.Избранные произведения. 1837-1937. / Вступ. очерк "Смерть поэта" К.И.Зайцева. Харбин: Изд. Центрального пушкинского комитета общественных организаций при Бюро по делам Российских эмигрантов в Маньчжурской империи. Тип. Н.А.Френкеля, 1937. С. VI.
11. Пушкинские дни. Выставка в Харбине Х.С.М.Л. // Друзья от друзей. Австралия, 1990. № 33. С. 62.
12. Пушкин и его время. Альбом автотипий / Центр. Пушкинск. комитет при Бюро по делам Рос. эмигрантов в Маньчжурской империи. Сост.: К.И.Зайцев и др. Харбин: Изд. М.Н.Гордеев, 1938. С. 6.
13. Некоторые издания Пушкинского комитета в Харбине: Зайцев К.И. Киевская Русь: Исторический обзор и книга для чтения. Харбин: Изд. Пушкинского комитета при Гл. БРЭМе. 1942. 446 с.: карт.; Перизд. в сокр. варианте. Шанхай, 1949. 220 с.

- Пушкин и его время. Альбом автоотипий с сопроводит. текстом / Центр. Пушкинск. комитет при Бюро по делам Рос. эмигрантов в Маньчжурск. империи.; Сост.: Зайцев К.И. (общ. ред.), Казаков П.А. и Савосьянов П.И.; Обл. худ. Е.К.Калабанской. Харбин: Изд. М.Н.Гордеев, 1938. 216 с. Ил. Россия и Пушкин: Сб. статей. 1837-1937 / Изд. Русской академической группы. Харбин: Россия и Пушкин. Тип. "Заря", 1937. 139 с. Ил. Рекл.
- Русская история в русской поэзии. Рюриковичи. / Под ред. проф. К.И.Зайцева; Сост. П.А.Казаков. Харбин: Изд. Центрального Пушкинского комитета при Гл. БРЭМа, 1941. 346 с. Ил.
14. Гинс. Георгий Константинович (15 IV 1887 - 23 IX 1971, Беркли, США). Окончил с золотой медалью 2-ю Кишиневскую гимназию (1904) и СПб. университет (1909). Член правительства адмирала Колчака. Эмигрировал, в Харбине с янв. 1920 г., читал лекции на Юридическом факультете автор известной мемуарной книги "Сибирь, союзники и Колчак".
 15. Гинс. Г. Столетие со дня смерти А.С.Пушкина (1837-1937) // Россия и Пушкин: Сб. статей. 1837-1937. Харбин, 1937. С. VIII.
 16. Д.Н. Книжные новинки // Рубеж. Харбин, 1941. 2 авг. (№ 31). С. 23.
 17. Гинс. Г.К. А.С.Пушкин и русское национальное самосознание. 1837-1937. Харбин: Россия и Пушкин, 1937. 44, 45 с. Ил.
 18. Гинс Г.К. А.С.Пушкин. Русская национальная гордость (Речь, произнесенная на акте Юридического факультета 1 марта 1937 г.) // Право и культура. Сб. в ознаменование восемнадцатилетнего существования Юридического факультета в городе Харбине. 1920-1937. Харбин: Русско-Маньчжурская книготорговля, 1938. С. 114.
 19. Гинс. Г.К. Русские в Маньчжурии // Русская жизнь. 1944. 6 мая.
 20. Резникова Н.С. Пушкин и Собаньская: Истор. повесть. Харбин, 1936. 60 с.; Переизд. репринтом: Антиквариат, 1986. 60 с.
 21. Иванов, Василий Федорович (4 III 1885, с. Мокрое Калужской губ. - 31 VII 1944, Харбин). Окончил Саратовскую мужскую гимназию и юридический факультет Казанского университета (1912). Присяжный поверенный округа Казанской судебной палаты. Во время гражданской войны был эвакуирован в Омск, затем переехал в Харбин, прожив там несколько месяцев, уехал во Владивосток. Сотрудничал в дальневосточных газетах. Премьер-министр Приамурского временного правительства. Эмигрировал в Харбин (окт. 1920), где занимался частной практикой. Советник Бюро по делам Российской эмиграции в Маньчжурии.
 22. Н.Р. Книжные новинки // Рубеж. Харбин, 1940. 14 ноября. С. 24.
 23. Шендрикова, Клавдия Васильевна (2 XI 1882, Вятка - 13 V 1955, Сан-Франциско). Учительница Мясо-Бутовской женской гимназии. Преподаватель русского языка во Французском муниципальном колледже. Член правления Лиги русских женщин. США вынуждена заниматься уборкой квартир. Скончалась через несколько дней после принятия присяги на верность США в бесплатной больнице.
 24. Шендрикова К.В. Крещенский вечерок. Гадание о судьбах русского народа перед пушкинским зеркалом. Шанхай, "График". 1996. С. 31.
 25. Пушкинские дни в Шанхае. 1837 Pushkin century 1937. Шанхай: Изд. Пушкинского комитета в Шанхае, 1937. 109 с. 14-54 на русск. яз.; на англ., франц. и кит. яз.
 26. Мизутани К. А.С.Пушкин и Ниппон // Россия и Пушкин: Сб. статей. 1837-1937. / Изд. Русской академической группы. Харбин: Россия и Пушкин. Тип. "Заря", 1937. С. 83.
 27. Шаляпин Ф. Русский пушкинский вечер в Кобе // Рубеж. Харбин, 1937. 6 марта. С. 16.
 28. Наволочкин Н. Памятник Пушкину в Шанхае // Тихоокеанская звезда. Хабаровск, 1958. 13 июля. См. также: Рогов В.Н. Пушкин в Китае (Из истории культурных связей) // Восточный альманах. Сб. Вып. 3. М.: 1960. С. 187-195.
 29. Бразоль Б.Л. Архив Общества имени А.С.Пушкина в Америке // Museum of Russian Culture. Хранилища памятников Культуры и Истории Зарубежной Руси. Сан-Франциско: Изд. Редакционной коллегии Музея Русской культуры, 1966. С. 55-56.

Научная жизнь

Россия и Корея на пороге нового столетия 3-я научная конференция корееведов в ИДВ РАН

Незадолго до начала варварской агрессии против Югославии, развязанной силами США и их натовских союзников, газеты некоторых стран запестрели сообщениями о намерении американских военных нанести точечные ракетно-бомбовые удары по отдельным объектам Северной Кореи. Корейский полуостров, как и Балканы, удален от североамериканского континента на тысячи километров. Но и он, согласно объявленной Вашингтоном стратегии должен стать зоной его особых интересов, защищать и приумножать которые американцы, как теперь видно, намерены, игнорируя устаревшие, по их мнению, общепринятые политические и дипломатические средства.

Таким образом, происходящие в последнее время события подтверждают мнение ряда специалистов-международников о том, что Корейский полуостров, являющийся неотъемлемой частью Северо-Восточной Азии, остается регионом, где не спадает напряженность из-за нежелания некоторых стран, в частности США, вести дело в общепринятых рамках с целью урегулирования международных противоречий и конфликтных ситуаций мирными средствами.

Эти и другие, не менее актуальные темы стали предметом обсуждения на ежегодно созываемой в Институте Дальнего Востока конференции, в которой в марте с.г. приняли участие ученые-востоковеды и политологи из различных научных центров, функционирующих в рамках академических и учебных институтов г.Москвы. Происходящие в мире, особенно в Европе и Азии, тревожные события придали особую остроту развернувшейся на конференции дискуссии. У её участников зародился естественный вопрос - в какой мере последствия агрессии США и НАТО против Югославии, Ирака и некоторых других стран повлияют на последующий ход событий на Корейском полуострове, а следовательно и в СВА в целом. Были высказаны различные суждения. Преобладало, однако, мнение, что попытки кого-либо изменить или поколебать сложившийся здесь миропорядок несомненно войдут в противоречие с интересами основных стран региона, включая Россию и Китай, и вряд ли обеспечат авторам таких инициатив желаемые результаты.

В конкретном плане политическая ситуация на самом полуострове рассматривалась в целом ряде научных сообщений. Подчеркивалось, что 90-е годы ознаменовались ожиданиями на проявление новых инициатив и возможных подвижек в обстановке на полуострове. Отчасти они увязываются, как отметили А.Т.Иргебаев и В.В.Михеев, с долгожданными надеждами, особенно

к югу от 38-й параллели, на легко программируемое возрождение единой нации. Элемент своеобразия в местную ситуацию вносят социально-политические трудности, которые могли быть предсказуемы, но часто поверхностно оцениваются учеными и политиками на Севере и Юге. Положению в КНДР посвятил свое сообщение Н.М.Кобозев. Там, по его словам, сохраняется политическая стабильность, которая обеспечивается за счет всеохватывающей системы государственного контроля над всеми слоями северокорейского общества. В противовес этому экономическая ситуация остается сверхсложной и её изменение в лучшую сторону пока не предвидится.

На конференции неоднократно говорилось, что благоприятный политический климат на полуострове напрямую зависит от повседневных событий на Севере и Юге и в не меньшей степени от характера отношений между ними. Так называемая "политика солнечного тепла", провозглашенная президентом Ким Дэ Чжуном, создает определенные предпосылки для формирования атмосферы примирения и налаживания экономических контактов между сторонами. Не желая полностью упускать инициативу в межкорейском диалоге некоторые шаги навстречу Югу сделал и Пхеньян, предложив организовать при благоприятных условиях двустороннюю встречу для обсуждения более широкого круга проблем, волнующих не только Пхеньян и Сеул, но и их соседей по региону. На конференции, касаясь проблемы межкорейских отношений, ряд участников предложил развернутые сценарии развития событий в зависимости от общей ситуации на полуострове и характера военно-политических отношений обеих корейских государств с другими странами.

В ходе дальнейшей дискуссии особое внимание было уделено перспективам отношений России с КНДР и РК. Политические аспекты этих отношений на рубеже десятилетий были детально изложены в сообщении д.э.н.Толорая Г.Д. и к.и.н.Ткаченко В.П. Очерчены контуры общих российско-корейских интересов и возможные расхождения во взглядах. Об экономических интересах России на Корейском полуострове подробно говорилось в выступлении Суслиной С.С. Д.э.н.Федоровский А.Н. напомнил об особой значимости широкомасштабных проектов, предусматривающих поставки российского природного газа с Кавыктинского и Якутского месторождений в Китай и на Корейский полуостров. По имеющимся оценкам, в случае реализации этих проектов они станут выгодными и России, и её зарубежным партнерам. Развернутую оценку российско-южнокорейским экономическим и научно-техническим связям дал к.э.н.Богдан И.И. По его мнению, настало время для изменения концепции этих связей, сделав их более взаимовыгодными. Отчасти это касается высоких технологий, которые используются в Южной Корее без должной компенсации российским производителям, которые являются их разработчиками.

На конференции много говорилось о значимости для многих народов Востока проблем национального менталитета, этических и религиозных норм, национального мироощущения. Особое место они занимают в жизни корейской нации, несмотря на многие изменения, которые произошли в общественном сознании в последние несколько десятилетий. И сейчас в обеих корейских государствах, а на Севере в особенности, эти факторы влияют на политику и экономику, порой замедляют или наоборот ускоряют освоение своего национального и общемирового культурного наследия. Свой взгляд на эти явления изложил к.и.н.Ванин Ю.В. и исследователь ИДВ Минаев Д.В. Оба докладчика с разных позиций и использованием различных материалов проанализировали мировоззренческие проблемы, которые характерны, как для исторического прошлого так и для повседневной жизни современного корейского обще-

ства. Их доклады, а также выступление на эту же тему проф. Дмитриевой В.Н. были восприняты с особым интересом, поскольку открывают новое научное направление, дотоле неизвестное в российском корееведении.

Примечательной чертой состоявшейся конференции стало полноправное участие в ней молодых ученых и исследователей. Их сообщения о российско-корейских отношениях в прошлом и настоящем (к.и.н.Пак Б.Б.), политике отдельных стран на Корейском полуострове (к.и.н.Асмолов К.В.), отдельных уроках и последствиях войны 1950-1953 гг. (Юлин Б.В.) заслуженно получили высокие оценки и сопровождались широким обсуждением с участием ученых старшего поколения.

На конференции было принято заявление для СМИ, в котором её участники осудили действия НАТО и США в Югославии и отметили, что военные методы решения политических, этнических и других проблем должны быть исключены из международной практики в любом географическом регионе, включая Корейский полуостров.

На Ученом совете ИДВ РАН

29 марта с.г. на заседании Ученого совета ИДВ РАН был заслушан научный доклад д.и.н. Е.Д.Степанова "Границы и пограничная политика". Ниже публикуются основные положения этого доклада.

Среди проблем, которые чаще всего вызывают трения между государствами, заметное место занимают споры по погранично-территориальным вопросам.

Одной из важнейших обязанностей государства является защита целостности и неприкосновенности государственной территории. Однако выполнять эту функцию оно может только в том случае, если пределы этой территории, ее границы четко определены и закреплены соответствующим международно-правовым документом.

Хотя государственная граница как линия возникла лишь во второй половине XVII в., в основу ее проведения положена та же методика, что существовала при определении границ государств с глубокой древности - "привязка" ее к естественным ориентирам. В XIX в. появляются новые методы проведения пограничной линии - геометрический и астрономический.

Часть причин возникновения в современном мире погранично-территориальных споров носит объективный характер и заключается либо в неточностях, допущенных в пограничных соглашениях прошлого, либо вообще в отсутствии документа, оформляющего прохождение границы в международно-правовом порядке. Поскольку границы между вновь возникшими государственными образованиями в большинстве случаев не оформлены договорно, возникают новые потенциально опасные очаги пограничных споров. К числу стран с "рыхлыми", не оформленными договорно границами относится и Российская Федерация.

Другая часть причин возникновения погранично-территориальных споров и разногласий носит субъективный, иногда откровенно надуманный характер. Наиболее яркий пример того - позиция руководства КНР по погранично-территориальному вопросу, занятая им в 60-х - 70-х годах. Объявляя все существующие договоры о границах Китая "неравноправными", а границы страны, соответственно, "навязанными" ему, оно выступило за пересмотр фактического прохождения границ и заключение новых пограничных договоров, сопровождая в ряде случаев эти требования выдвижением территориальных претензий.

Особую опасность для межгосударственных отношений представляют открытые территориальные притязания.

В целом же отношения сопредельных государств и ситуация на границе между ними полностью зависят от их пограничной политики. Под этим термином понимается - в узком смысле - подход государства к решению тех специфических вопросов в отношениях с соседями, которые возникают именно в силу существования их общей границы.

Однако термин "пограничная политика" только этим не исчерпывается.

Формирование государственной территории - процесс длительный и сложный. В ходе этого процесса государство не только приобретает, но и теряет какие-то земли. Оценка руководством страны итогов этого исторического процесса и отношение его к этим итогам может в определенной степени демонстрировать истинный характер его пограничной политики.

Говоря в целом, пограничная политика в широком смысле - это совокупность акций внутри-, внешнеполитического, экономического и военного характера, непосредственно связанных с погранично-территориальным вопросом. Пограничная политика является действенным инструментом как защиты национальной безопасности страны, так и активного воздействия на сопредельные страны во имя реализации тех или иных интересов государства.

Рецензии

Потапов М.А. Внешнеэкономическая политика Китая: проблемы и противоречия. М.: Буква, 1998.

Подготовлено при содействии РГНФ, проект № 99-02-00052а

М.А.Потапов хорошо известен читателям журнала "Проблемы Дальнего Востока" по ряду публикаций последних лет о внешнеэкономических связях Китая.

Исследование автором этой чрезвычайно актуальной и практически значимой проблематики обрело новое качество в рецензируемой монографии, выход в свет которой стал не просто заметным событием в отечественном китаеведении, но и без преувеличения - долгожданным.

И вот почему. Проблемы собственной экономической реформы в Китае российскую общественность занимают главным образом в общем и целом: как китайцы обошлись без шоковой терапии, как им удается сочетать те или иные преобразования с приличными темпами роста в экономике и так далее. Знание же конкретных деталей интересует немногих и остается уделом узкой группы специалистов. Иное дело - политика внешнеэкономической открытости КНР. Со времен "перестройки" вошло в моду изучение отечественными чиновниками и законодателями китайского опыта специальных экономических зон, сохранившееся и в новой России и порождающее определенный спрос власть предержащих на более или менее детальную информацию о внешнеэкономических связях Китая. Еще больший спрос на информацию такого рода стали предъявлять банковские и предпринимательские круги России, ориентирующиеся на работу на китайском рынке. Российские китаеведы по мере сил старались ответить на вызов времени, изучая политику внешнеэкономической открытости Китая и периодически публикуют интересные работы по отдельным аспектам проблемы. Упомянем широко известные исследования С.А.Манежева, Э.Э.Плескановского, А.И.Салицкого, П.М.Мозиаса - хотя ими круг авторов далеко не исчер-

пывается. Однако замахнуться на труд обобщающего характера рискнул пока только М.А.Потапов. И преуспел, создав многофункциональную работу, способную выступать и вполне самостоятельным учебником, и полноценным справочником по внешнеэкономическим связям КНР.

Вместе с тем, и это хотелось бы подчеркнуть особо, рецензируемая монография в первую очередь является научной работой, анализирующей плюсы и минусы внешнеэкономической стратегии Китая, коллизии и нюансы его отношений с ведущими торгово-экономическими партнерами, региональный и мировой контекст китайской политики внешнеэкономической открытости, включая весьма важный для России рассказ о переговорах относительно вступления Китая во Всемирную торговую организацию.

Полагаю возможным отметить такие достоинства работы, как предельно ясный и четкий стиль изложения материала (заметим, по большей части отнюдь не легкого для понимания и описания), фундаментальная оснащенность статистическими данными, представляющими самостоятельную ценность, наконец ее структурно-проблемную полноту и сбалансированность: пусть в краткой форме, но практически все основные сюжетные линии внешнеэкономических связей Китая в книге отражены. В этом плане монография М.А.Потапова вызывает определенные ассоциации и параллели с хорошо известной специалистами монографией А.А.Нетрусова, обобщившей опыт развития внешнеэкономических связей КНР за первые два десятилетия ее существования.

Находя всю работу ровно и интересно написанной, субъективно хотел бы выделить главы о внешнеторговой политике КНР - именно такого рода анализ сейчас наиболее актуален для России - и о ки-

тайско-американских торгово-экономических отношениях с их многочисленными проблемами (споры о размерах положительного сальдо в пользу Китая, права интеллектуальной собственности, антидемпинговые расследования, примененные совсем недавно США и по отношению к российскому экспорту проката черных металлов и т.п.)

Самостоятельный интерес, выходящих за рамки чисто внешнеэкономической проблематики, представляют рассуждения и выводы автора о сочетании Китаем элементов импортозамещения со стратегией экспортной ориентации ряда отраслей (с. 52), о Китае и китайском рынке как наиболее вероятном звене прорыва в цепи противодействия экономическим интересам России в Азии (с. 228), о необходимости формирования производственно-инвестиционной модели китайско-российского взаимодействия (с. 148), первые шаги к которой, похоже, были сделаны в ходе визита Премьера Госсовета КНР Чжу Жунци в Россию в феврале 1999 г.

Что касается шаблонной формулы о замечаниях и недостатках, то у меня их по тексту работы практически нет, за исключением авторской интерпретации данных об участии иностранного предпринимательского капитала в инвестициях в народное хозяйство КНР (Таблица 20 "Приложения", с. 295). На мой взгляд, во-первых, более уместно сравнивать зарубежные инвестиции с общими вложениями в основные фонды Китая, а не только с государственными. Если же делается второе, то более правильно говорить не об удельном весе, а о соотношении, поскольку, строго говоря, иностранный предпринимательский капитал формирует не государственные капиталовложения, а капиталовложения выделяемых в самостоятельный сектор китайской экономики предприятий с иностранными инвестициями. Во-вторых, пересчет зарубе-

жных инвестиций в юани по официальному курсу делает сам методику оценки уязвимой: это хорошо видно по скачку удельного веса (у автора) или, по моей версии, соотношения иностранных инвестиций и государственных капиталовложений с 20,2% в 1993 г. до 30,4% в 1994 г., то есть в полтора раза, при росте самих инвестиций в долларом выражении примерно на 22%. Секрет - в девальвации юаня, порождающей, по логике, необходимость специальных комментариев к таблице.

Несомненно, проблемы и сюжеты, поднятые в монографии, нуждаются в дальнейшем углублении и развитии. Одно из возможных направлений состоит в более детальной проработке тем, только в общем виде затронутых автором, таких, как товарная структура внешней торговли, позиции Китая на мировом рынке услуг. Другое направление непосредственно связано с хронологическими рамками работы, завершаемой символической для Китая датой - 1 июля 1997 г., то есть возвращением Гонконга под юрисдикцию КНР. Как известно, "история успеха" в развитии внешнеэкономических связей страны под влиянием азиатского финансового кризиса начинает меняться несколько иной историей. В 1998 г. впервые за последние 15 лет сократился объем внешней торговли Китая. Под вопросом оказалась роль внешнего спроса как фактора экономического роста КНР. В 1997 г., например, 2 процентных пункта из 8,8% годового прироста ВВП было обеспечено экспортом товаров и услуг.

Изменяющаяся ситуация требует от Китая еще более активного стимулирования экспорта, корректировки других направлений внешнеэкономической политики. Добротная монография М.А.Потапова служит хорошей отправной базой для анализа любых возможных новаций и изменений во внешнеэкономическом комплексе КНР

**Willem van Kemenade. China, Hong Kong, Taiwan, Inc.
Vintage Books. A Division of Random House, Inc.
New York. 1998. - 480 p.**

Книга голландского востоковеда У. Кеменаде посвящена анализу актуальных проблем политического и экономического развития современного Китая, включая Гонконг и Тайвань. Особый интерес представляет попытка автора показать специфику происходящих там преобразований на фоне сложных внутренних процессов и международных событий с привлечением богатого фактического материала, который составляет добротную основу для выводов и размышлений относительно перспектив совместного развития этих важнейших частей «конфуцианского ареала».

В структурном плане книга состоит из нескольких крупных разделов, раскрывающих «анатомию трех систем», некоторые особенности их эволюции и сосуществования, а также проблемы экономического роста и политической стабильности в каждой из них и в регионе в целом. В связи с этим следует заметить, что автор более двадцати последних лет проработал в Пекине, Гонконге и Тайбэе и поэтому отлично ориентирован в событиях, наполняющих содержательную часть жизнедеятельности политических систем в Китайской Народной Республике, Гонконге и на Тайване.

Смысл всего происходящего в современном Китае, по мнению У. Кеменаде, заключается в поиске новой системы, которая, будучи сориентированной на «экономическую реформу, стабильность и развитие», позволила бы постепенно отойти от «революционной идеологии и классовых борьбы», свойственных для политической жизни в 50-70-е годы. Решить эту стратегическую задачу для страны с более чем миллиардным населением не просто. Тем не менее, китайское руководство в основном успешно продвигается к тому, чтобы продемонстрировать всему миру «новое восточно-азиатское чудо». Анализируя в этом контексте динамику развития Китая и ситуации вокруг него, У. Кеменаде констатирует, что в условиях, когда Советский Союз распался, а роль Великобритании и Франции в международных делах неуклонно снижается

(при том, что Германия и Япония пока находятся на начальном этапе своего «возрождения»), Китай имеет все необходимое для того, чтобы обрести равное положение с Соединенными Штатами, а в долгосрочной перспективе - положение первой державы мира (с. xiii).

Следует отметить, что эти рассуждения не лишены оснований. Темпы экономического роста КНР в 90-е годы носят устойчивый характер и составляли в 1992 г. 12,8%, в 1993 г. - 13,5%, в 1994 г. - 11,8%, в 1995 г. - 10,2%. Таким образом, за период 1979-1995 гг. этот показатель для китайской экономики в среднем составил 9,9% (в 1989 г. - 4%); доля государственного сектора в промышленном производстве уменьшилась за это же время с 80% до 40%; и наоборот - сельские и поселковые предприятия со смешанной формой собственности, совместные с иностранным капиталом фирмы и частные предприятия достигли 60-процентного рубежа. При этом данные предприятий «негосударственной собственности» имели темпы экономического роста в 1995 г. 15,8% (в 1994 г. - 27,9%), в то время как для государственных предприятий этот показатель равнялся в 1995 г. 9,5% (в 1994 г. - 5,5%). Примерно, 80% всех товаров в Китае продавалось по рыночным ценам (с. 6). Эффективно действующая практика привлечения иностранных инвестиций создает гарантии для последующего экономического роста Китая. Так, иностранные инвестиции поднялись с 51 млн. долл. США в 1979 г. примерно до 200 млрд. долл. США в конце 1995 г. Из этой суммы 161 млрд. долл. являются освоенными. В результате в КНР сегодня реализуется 260 тыс. различных проектов с участием иностранных инвестиций. Данные показатели выводят Китай на уровень второго в мире (после США) реципиента иностранных инвестиций. Однако при этом отмечается, что по объему реализованных инвестиций на душу населения (105 долл. США) китайский показатель составляет лишь одну треть от аналогичного показателя в Мексике и одну

десятую часть - в Малайзии (с. 7).

Политика реформ и открытости внешнему миру превратила Китай в активного субъекта международной торговли. В 1993 г. совокупный показатель объема торговли КНР, Гонконга и Тайваня («Великий китайский торговый союз») составил 8,5% всего объема мировой торговли и впервые превысил тот же показатель для Японии. До 1995 г. темпы роста китайского экспорта были выше аналогичных японских экспортных показателей. Располагая огромным потенциалом дешевой рабочей силы, Китай способен, как считает У. Кеменаде, в избытке обеспечить мировой рынок дешевыми товарами и услугами. В итоге это может привести к тому, что положительное торговое сальдо КНР в несколько раз превысит позитивные показатели, характерные для успешно работающей в настоящее время японской внешней торговли. В июне 1996 г. дефицит США в торговле с КНР впервые превысил американский дефицит в торговле с Японией. По данным американских источников, динамика в развитии дефицита США в китайско-американской торговле выглядела следующим образом: 1993 г. - 22,8 млрд долл. США; 1994 г. - 29,5 млрд долл.; 1995 г. - 33,8 млрд долл. К 1995 г. КНР в общемировом списке торгующих стран заняла десятое место (в 1978 г. она занимала 32 место), а ее объединенные с Гонконгом валютные свободные резервы составили сумму, превышающую 150 млрд долл. США, что примерно равно валютным резервам Японии, которая занимает по данному показателю первое место в мире (с. 33).

Приводимые данные имеют важное значение для позитивных выводов относительно стабильности нынешнего политического режима в Китае, поскольку поддержание его высокой экономической эффективности формирует гарантии управляемости и относительной устойчивости политической системы КНР в целом. Упор на всемерное укрепление китайской экономики сохранит свою актуальность и в дальнейшем, что было в очередной раз подчеркнуто и на мартовской (1998 г.) сессии ВСНП девятого созыва.

В данном контексте У. Кеменаде обращает внимание на важные тактические шаги, которые позволяют китайскому руководству успешно противодействовать в отдельных случаях попыткам американской администрации оказать давление

при принятии решений по некоторым внутренним и международным проблемам. Так, китайская сторона не приемлет принудительное навязывание ей западных представлений о правах человека и рецептов, как поступать в тех или иных конкретных случаях, связанных с данной проблемой. В этом отношении Китай склонен придерживаться «азиатских ценностных ориентаций в понимании прав человека», одобренных в июне 1993 г. Бангкокской декларацией, которая предусматривает право любого государства «самому определять собственную политическую систему, распоряжаться ресурсами (природными и людскими), вырабатывать направления экономического, общественного и культурного развития» (с. 40). При этом Китай продемонстрировал, что с ним бесполезно разговаривать языком ультиматумов: когда в 1994 г. КНР посетил госсекретарь США У. Кристоффер с целью «инспектирования» положения дел с правами человека в Китае в преддверии принятия решения о продлении для КНР режима наибольшего благоприятствования, там были произведены аресты десятков диссидентов. Одновременно Китай продемонстрировал для западных инвесторов свои значительные возможности в качестве прибыльного рынка для продажи «современных самолетов, передовых информационных и телекоммуникационных систем, вложения средств в строительство автозаводов, аэропортов, скоростных автомагистралей, атомных электростанций, нефтепроводов». В октябре 1994 г. министр финансов КНР Лю Чжунли заявил о том, что в течение десяти лет Китай рассчитывает привлечь 500 млрд долларов инвестиций только на создание инфраструктуры. В то же самое время глава CitiCorp Джон Рид, оценивая перспективы Китая, сообщил, что этой стране потребуется 55 триллионов долларов для превращения ее в развитое во всех отношениях современное государство, то есть на решение той задачи, которую ставит современное китайское руководство (с.с. 36, 37). После таких заявлений в результате давления, оказанного на правительства своих стран представителями промышленных и банковских деловых кругов, проблема прав человека в Китае была отодвинута на задний план. Франция, Германия, Канада и другие страны заключили выгодные контракты с китайской стороной. При этом Франция, учи-

тывая позицию Пекина, аннулировала имевшиеся договоренности с Тайванем о поставках на остров вооружений и боевой техники, поскольку контракты с КНР оказались более выгодными. США также были вынуждены пойти на определенную корректировку своей китайской политики. Суть этой корректировки заключается в том, что Вашингтон со второй половины 1996 г. отказался от жесткого противодействия политико-идеологической системе КНР и обратил главное внимание на развитие торгово-экономического сотрудничества между двумя странами. Иначе, как заявлял советник У. Клинтон по китайским делам У. Лорд, европейские страны и Япония будут продолжать использовать в своих экономических интересах политическую конфронтацию Вашингтона и Пекина, пренебрегая стараниями США принудить китайцев пойти на уступки (с. 39).

У. Кеменаде в своей книге не обошел вниманием многие внутренние проблемы, с которыми столкнулся Китай на пути модернизации общества и государства. Среди них - трудности реформирования государственных предприятий и госаппарата; отсутствие в отдельные периоды единства в политическом руководстве относительно понимания приоритетности экономических преобразований, а не политических; проблема взаимоотношений центральных и региональных властей; коррупция среди руководящих работников различных уровней и др. Например, только в конце 1993 г. в г. Цзямусы (находится в районе, примыкающем к дальневосточной российско-китайской границе) за связь с организованной преступностью было привлечено к различным видам ответственности 136 прокуроров, судей и старших полицейских чинов - 59,4% всех служащих прокуратур, судов и полиции города (с. 19). И такая ситуация не являлась исключением, поскольку аналогичные факты У. Кеменаде приводит по Пекину, Шанхаю, провинции Гуйчжоу и другим местам (с. 21). Анализируя отношения центра с регионами, автор показывает, что в «упорном перетягивании каната» победу, как правило, одерживают региональные силы (с. 273). По указанным темам автор приводит немало примеров, призванных показать не только степень серьезности проблем, но и усилия властей по их разрешению.

Важное место в книге отведено Гон-

конгу накануне его перехода под суверенитет КНР. При этом автор сконцентрировал внимание на некоторых наиболее важных, по его мнению, вопросах, связанных с развитием ситуации в бывшей британской колонии. В частности, У. Кеменаде объясняет причины того, почему Гонконг оставался как бы в стороне от бурных событий в течение более чем трех десятилетий после провозглашения Китайской Народной Республики. Дело в том, что в 1949 г. вооруженные силы КНР, дислоцированные на юге Китая, действительно готовились штурмом овладеть Тайванем, где укрепились остатки разбитой гоминьдановской армии, а также окончательно решить в свою пользу гонконгский вопрос. Это облегчалось в тот период решением президента США Г. Трумэна о том, что с 1 января 1950 г. Соединенные Штаты освобождали себя от ответственности защищать остров Тайвань. Однако с началом корейской войны ситуация стала выглядеть по-иному; уже с июня 1950 г. США вновь взяли Тайвань под свою защиту, а 7-й американский флот блокировал практически все китайское побережье. Таким образом, военно-стратегическая ситуация круто изменилась. В этой обстановке китайское руководство пошло на то, чтобы нейтрализовать Гонконг путем достижения определенных договоренностей с Великобританией. Эти договоренности допускали посылку британских войск в Корею и не ставили впрямь под сомнение права Великобритании в Гонконге. Однако взамен британцы не должны были участвовать в блокаде китайского побережья и разрешать использовать Гонконг в качестве военно-морской базы для американского флота. Кроме этого в Гонконге ограничивалась деятельность партии Гоминьдан и были приняты меры по блокированию каких-либо демократических преобразований, способных привести к активизации движения за независимость колонии. В последующем большая часть этих договоренностей была подтверждена в 1955 г. в ходе встреч в Пекине премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая и губернатора Гонконга А. Грантхэма (с.с. 59, 60). В результате ситуация в Гонконге оказалась в некотором смысле застрахованной на долгие годы от дестабилизирующего влияния внутренних и внешних факторов. Это привело к тому, как пишет У. Кеменаде, что китайцы в Гонконге на десятилетия впе-

ред получили возможность в спокойной обстановке активно заниматься бизнесом, «делать деньги», в то время как британцы осуществляли «правление» (с. 59).

Однако сама подготовка к передаче Гонконга под суверенитет КНР 1 июля 1997 г. не была простой. Она охватывала более чем десятилетний период, насыщенный сложными противоречиями, переговорами и подготовительными мероприятиями, включая разработку законодательной базы Сянганского особого административного района КНР, постепенную адаптацию деятельности его законодательной и политико-административных структур в новых условиях после изменения статуса бывшей британской колонии. Здесь следует отметить, что автор книги знакомит читателей с рядом особенностей этой деятельности, которые могут представить определенный интерес для широкого круга исследователей политических систем и реинтеграционных процессов в современных условиях. Особенно важным, наряду с другими факторами, представляется то, что Пекин действовал настойчиво, неторопливо, скрупулезно придерживаясь достигнутых ранее китайско-британских договоренностей, последовательно добиваясь не только формально-юридического закрепления, но и психологического признания населением прав центральной власти в Гонконге. Все это позволило обеспечить устойчивую основу для «гладкого» перехода территории под контроль Пекина. Подтверждением этому являлись, прежде всего, данные экономического и социологического барометра. Так, в последние месяцы существования колониального статуса Гонконга специалистами прогнозировался на 1997 г. экономический рост на 5,4% (в 1996 г. - 4,7%); стоимость недвижимости увеличилась в 1997 г. на 29% по сравнению с предыдущим годом, что свидетельствовало об уверенности инвесторов в экономической и политической стабильности Гонконга после изменения им своего политико-юридического статуса; авторитетные международные организации (например, The Heritage Foundation) в 1996 г. (третий год подряд) объявили Гонконг обладателем «самой свободной экономики» в мире (с. 101). Определенное значение для оптимистических оценок перспектив Гонконга имеют приводимые автором книги и данные социологического опроса, осуществленного в 1996 г. Гон-

конгским университетом среди молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет. Так, 30 % этой категории жителей, за которыми будущее Гонконга, испытывают глубокое удовлетворение по поводу возвращения колонии Китаю, 15 % выразили обеспокоенность возможными негативными изменениями в условиях их жизни. Большинство же (55 %) пока не определили своего отношения к переменам, и их поведение в значительной мере будет зависеть от того, насколько успешным окажется функционирование нового политического режима в Сянганском особом административном районе КНР (с. 102).

Конечно, не приходится сомневаться в том, что процесс «врастания» Гонконга в политико-экономическую систему и социо-культурную среду единого государства займет длительное время и будет сопровождаться преодолением многих трудностей. В этой связи показательно, например, что 62,5% молодых людей в ходе упомянутого выше опроса предпочли называть себя «гонконгцами», а не «китайцами». Однако опыт прошлого и планы китайского руководства относительно будущего Гонконга при неизменности курса на «реформы, стабильность и развитие» внушают обоснованные надежды на успешную реализацию объединительных тенденций в рамках формулы «одна страна, две системы».

Тайвань в треугольнике Пекин - Гонконг - Тайбэй занимает особое место. Являясь частью Китая, он имеет де-факто все признаки самостоятельного государства, которое по своим экономическим показателям намного превосходит сегодня многие страны-члены ООН. У. Кеменаде подробно освещает особенности становления режима Чан Кайши после поражения его армии на континенте, прослеживает развитие китайско-тайваньских отношений, анализирует причины, побудившие западные страны, Южную Корею разорвать ранее существовавшие дипломатические отношения с Тайбэем, а также представляющие сам Тайвань усиленно развивать экономическое сотрудничество с континентальным Китаем. Автор подчеркивает, что стремление тайваньского бизнеса на континент является вполне понятным, поскольку стоимость трудовых затрат для них на территории КНР составляет 5-10% от тех расходов, которые они несут на острове. Бизнес с Китаем позволяет тайваньским предпринимателям

иметь двойную, а то и тройную прибыль, а положительное сальдо Тайваня в торговле с КНР равно 80% от всего объема двусторонней китайско-тайваньской торговли (с. 113). Стратегия Пекина по постепенному втягиванию Тайваня в сферу своего влияния заключается на данном этапе в следующем: дальнейшее поощрение крупномасштабных тайваньских инвестиций в КНР и двусторонней торговли; недопущение признания Тайваня в качестве независимого субъекта в системе международных отношений; оказание давления (в том числе и военного) на те силы на острове, которые выступают в защиту его независимости от КНР (с. 112). В связи с этим предлагаемый автором обзор развития внутриполитической ситуации на Тайване и отношений его руководства с нынешним политическим режимом в КНР не дает оснований надеяться на то, что Пекин и Тайбэй смогут в обозримом будущем найти общую политическую основу для сближения позиций в рамках формулы «одна страна, две системы».

Тем не менее, процесс реальной интеграции КНР, Гонконга и Тайваня действует уже достаточно продолжительное время и имеет вполне конкретные результаты. В частности, успешно формируется «южнокитайская экономическая зона», куда входят Гонконг с провинцией Гуандун («Большой Гонконг»), Тайвань с провинцией Фуцзянь и островная провинция Хайнань в качестве моста в Юго-Восточную Азию. Если в 1988 г. гонконгские предприятия, расположенные на территории КНР, производили 35% экспортной продукции территории, то в 1995 г. она составила уже 60%. В 1995 г. гонконгские фирмы участвовали в 120 тыс. промышленных проектов на территории всего Китая, 80,5% из которых расположены на юге Китая в дельте реки Чжуцзян. Объем реализованных гонконгских инвестиций к этому времени составил 63 млрд. долларов США, что равнялось 62,5% всех иностранных инвестиций. При этом инвестиции и участие Гонконга в различных экономических проектах на территории внутреннего Китая имеют устойчивую тенденцию к росту (с. 173-175). Аналогичная ситуация складывается и в отношениях Тайваня с КНР, несмотря на серьезные политические препятствия к развитию полномасштабного сотрудничества. Тем не менее, данные на этот счет, которые приводит У. Кеменаде в своей

книге, внушительны, даже если взять только одну специальную экономическую зону Сямынь. Так, в 1987 г. в Сямыни было лишь 20 фирм с участием тайваньских инвестиций. В ноябре того же года Тайбэй снял запрет на посещение тайваньцами континентального Китая, и уже через год количество таких фирм увеличилось в четыре раза. В 1989 г. из 740 млн. долларов США инвестиций в Сямыни 690 млн. долларов приходилось на тайваньские инвестиции. Характерно, что тайваньские бизнесмены старались взять полностью под свой контроль инвестиционные проекты с их участием. И в этом они далеко опередили даже гонконгских предпринимателей, активно работающих в провинции Гуандун. Например, в 1989 г. из 242 инвестиционных проектов в Сямыни тайваньцы полностью контролировали 177 (в 1991 г. - 369 из 476). В то же время полностью в руках гонконгских бизнесменов в Гуандуне находилось лишь 235 объектов из 5 291. Складывающаяся ситуация показательна в том плане, что она демонстрирует значительные потенциальные возможности Тайваня по проникновению в Китай в случае устранения политических препятствий на пути тайваньских предпринимателей и бизнесменов. У. Кеменаде считает, что данный поток рано или поздно пробьет себе дорогу, поскольку к этому усиленно подталкивает конкурентная борьба с Гонконгом, Южной Кореей и Сингапуром, которые сегодня успешно используют в своих целях китайское дешевое сырье и рабочую силу (с. 194). Рано или поздно Тайвань все-таки пойдет на более активные связи с континентом, что, в свою очередь, будет объективно способствовать его интеграции с Китаем.

Развитие отношений между КНР, Гонконгом и Тайванем неизбежно ставит вопрос о перспективе реформирования политической системы в Китайской Народной Республике, степени ее устойчивости к воздействию иных политико-идеологических ориентаций. В связи с этим в недалеком будущем важное значение будут иметь итоги реализации в КНР установок 6-го пленума ЦК КПК четырнадцатого созыва и 15 съезда КПК относительно усиления идейно-политического воспитания на всех уровнях китайского общества, а также развитие демократических институтов в СОАР и на Тайване. Нынешнее китайское руководство понимает, что рост экономического могущества

страны и материального благосостояния ее жителей ведет не только к имущественному расслоению, но и к духовной поляризации общества. Ясно и другое: реформы в Китае уже не остановить, но их содержание и темпы регулировать можно. В частности, период китайских реформ после ухода из жизни Дэн Сяопина характеризуется, по мнению У. Кеменаде, некоторым смещением акцентов из сферы экономических приоритетов в область «совершенствования социалистической духовной цивилизации» (362, 363). Данные проблемы, как и другие особенности формирования и деятельности политичес-

ких институтов, развития теоретической мысли в сфере политики и идеологии (в основном это связано с изложением позиций отдельных представителей политических и академических кругов), нашли сравнительно широкое отражение в книге.

Книга У. Кеменаде актуальна по содержанию, увлекательна по манере изложения, и некоторая предвзятость автора в освещении ряда вопросов политико-идеологического порядка несколько не умаляет ее достоинств и ценности не только для специалистов, но и для всех читателей, интересующихся Китаем и Дальним Востоком.

© 1999

*К.А. Кокарев, Г.А. Степанова,
кандидаты исторических наук*

Егоров К.А. Представительная система Китая: история и современность. М., СПАРК, 1998. 240 с.

Рецензируемая книга доктора юридических наук К.А.Егорова сразу же привлекла к себе внимание как специалистов-синологов, так и юристов, изучающих государственно-правовые проблемы зарубежных стран, поскольку она является уникальным в своем роде исследованием одного из важнейших политических институтов Китая - его представительной системы.

Используя богатый фактический материал, малоизвестные у нас нормативные китайские источники, в том числе - Тайваня и Сянган (Гонконга), автор подробно исследует историю и эволюцию представительных учреждений Китая в XX веке, начиная с периода Синьхайской революции (1911-1913 гг.) и до настоящего времени. Основной акцент, вполне закономерно, сделан на анализ деятельности представительных учреждений современного Китая как важнейшего государственного и политического института страны. При этом впервые в отечественной литературе рассматривается представительная система не только "материкового" Китая, включая представительные органы Сянганского особого административного района, но и Тайваня - "государства де-факто" - острова и провинции Китая, которая унаследовала государственную символику существовавшей на всей территории Китая в 1912-1949 гг. Китайской Республики.

Книга отличается логичностью и четкой структурой, ясностью изложения содержащегося в ней весьма сложного фактического и нормативно-правового материала. В первой части монографии автор показывает становление и эволюцию представительной системы Китая в период 1911-1949 гг., начиная с Синьхайской революции и до образования КНР, справедливо отмечая, что сами идеи создания представительной системы зародились в прогрессивных демократических кругах Китая еще в конце XIX века. На основе богатого фактического материала автор убедительно доказывает, что "синьхайская революция способствовала изживанию идеи монархизма как единственно возможной формы правления в Китае" (с.8). Согласно Временной Конституции Китайской Республики от 11 марта 1912 г. Китай провозглашался унитарной парла-

ментской республикой, в которой высшим представительным органом государственной власти объявлялся парламент.

Последующие исторические события подтверждают правильность вывода автора о том, что "представительная система становилась орудием как революционно-демократических сил, так и реакции, стремившихся использовать парламентские структуры для прикрытия авторитарного режима" (с.13). Исследуя практику государственно-правового строительства в Китае в период с 1911 по 1949 гг., первые китайские конституции и начальный опыт создания в стране представительных органов власти, автор называет основные факторы, в силу которых Китай оказался неспособным к восприятию буржуазного парламентаризма и основных атрибутов буржуазной демократии, в их числе - экономическую, политическую и культурную отсталость страны, доминирование натуральной экономики, иностранное вмешательство во внутренние дела страны, засилье местной милитаризма, резкие диспропорции в уровне развития различных регионов, отсутствие в обществе цивилизованных форм правосознания и уважения к писаным законам и т.д. Эти же обстоятельства во многом обусловили невозможность практической реализации в Китае концепции "разделения властей" как важнейшего демократического принципа организации государственной власти. Сформулированная же Сунь Ятсеном в 1924 г. Программа государственного переустройства, основные положения которой весьма подробно анализируются в монографии, в отличие от классической концепции "разделения властей" Ш.Монтескье (на законодательную, исполнительную и судебную) предусматривала принятие "конституции пяти властей" (уцюань сяньфа) и предполагала разделение государственной власти (цзюнь цюань) на пять элементов: законодательную, исполнительную, судебную, экзаменационную и контрольную, что в большей степени соответствовало национальным особенностям Китая.

Несомненный научный интерес представляет сравнительно-правовое исследование представительных органов власти в районах, контролировавшихся

Гоминьданом, и представительных учреждений советского типа в партизанских и освобожденных районах, находившихся под контролем Коммунистической партии Китая (КПК), которые стали прообразом будущей системы собраний народных представителей (СНП) в Китайской Народной Республике.

Характеристике представительной системы КНР посвящена вторая, наиболее значительная по объему часть монографического исследования. Автор показывает эволюцию представительных органов власти в КНР на основных этапах ее развития начиная с периода образования КНР в 1949 г., особенности их формирования и функционирования в "период деструктивных кампаний" (1957-1966 гг.), исследует кризис представительной системы КНР в годы "культурной революции" (1966-1976 гг.) и шаги по его преодолению. Особый интерес у читателей вызывает глава 7, где рассматривается современная представительная система КНР в условиях реализации провозглашенного курса на реформы и открытость страны внешнему миру. Как известно, КНР является в настоящее время одной из немногих стран, относящихся к так называемому советскому типу, государственно-правовое строительство которой осуществлялось на основе социалистической доктрины. Система, принципы организации и деятельности государственных органов в КНР во многом соответствуют советской модели организации государственной власти, при которой имеет место формальное закрепление принадлежности власти народу и ее осуществление через систему представительных учреждений, составляющих основу государственного механизма. Все другие государственные органы прямо или косвенно формируются представительными учреждениями и несут перед ними ответственность. При этом полностью отрицается принцип разделения властей и провозглашается формальное верховенство и полновластие представительных учреждений. На наш взгляд, автор сумел дать объективную характеристику реальной роли и места представительных органов государственной власти КНР - собраний народных представителей различных ступеней в общем механизме власти в стране, где "важнейшие политические решения по-прежнему принимаются партийным руководством", поскольку "КПК не пошла на отказ от всеобъемлющего руководства обществом, от монопольной распорядительной деятельности, от положения монопо-

листа в области принятия политических решений" (с.127). При этом партийные органы и аппарат КПК сами непосредственно не осуществляют государственную власть, а реализуют принятые ими решения через непартийные органы и организации, прежде всего - через представительные учреждения. Неоднократно предпринимавшиеся в КНР попытки разделения функций партийных и государственных органов не дали реальных результатов.

В монографии используется огромный фактический материал и новейшее избирательное законодательство, исследуются вопросы формирования представительных органов власти в КНР, показаны наиболее существенные особенности избирательной системы, в частности - многостепенные выборы, особое представительство Народно-освободительной армии Китая во Всекитайском собрании народных представителей (ВСНП) и местных СНП и др., проанализированы количественные и качественные изменения депутатского корпуса. Большое внимание автор уделяет анализу компетенции и практики деятельности собраний народных представителей различных ступеней, отмечая при этом наиболее важные нерешенные проблемы в этой области, в частности - вопрос о "разделении труда" в законодательной сфере между ВСНП и его Постоянным комитетом, о расширении круга субъектов нормотворчества, о механизме конституционного контроля и т.д. В этой связи чрезвычайно интересными представляются приведенные в книге и практически не известные в нашей стране мнения и идеи ведущих китайских правоведов по вопросам совершенствования государственного строительства в КНР.

Исследование представительной системы КНР позволяет автору сделать вполне обоснованный вывод о том, что эта система еще находится в стадии становления, а совершенствование и развитие ее институтов "тесно связано с проведением реформы политической системы. В то же время от несовершенства представительных органов зависит состояние всей политической системы" (с.187).

Несомненный интерес читателей вызывает третья часть монографии - "Представительные органы на Тайване и в Сянгане", где впервые в отечественной научной литературе исследуется эволюция представительной системы Тайваня в 1950-1997 гг., а также продолжающийся вплоть до настоящего времени процесс формирования представительной системы

Сянганского особого административного округа КНР. Опыт развития политической системы Тайваня, в том числе его представительных учреждений чрезвычайно интересен и персепективен для других государств, вступающих на путь демократии, поскольку Тайвань, где на трехпартийной основе сформированы парламентские учреждения и законодательные утверждены статус местных представительных органов, "представляет небезынтересный и для нас пример мирной эволюции партократической авторитарной диктатуры в многопартийную демократию" (с.5). В этой связи в монографии проводится сравнительно-правое исследование "двухэтажного" парламентаризма на Тайване и системы высших представительных органов власти КНР - ВСНП и Постоянным комитетом ВСНП (с.201), а также - аналогичных структур в других странах.

Чрезвычайно интересным и важным с точки зрения дальнейшей территориальной интеграции Китая представляется глава 9 монографии, где исследуется опыт деколонизации Сянгана (Гонконга - бывшей британской колонии), прежде всего в области государственно-правового строительства и формирования представительных органов власти. Возвратившийся в 1997 г. под суверенитет Китая по формуле "одно государство - два строя" Сянган имеет в настоящее время статус особого административного района КНР, причем его автономные права значительно шире обычной административной автономии. В монографии рассматривается происходящий в настоящее время процесс формирования основных государственных структур Сянганского особого административного района (СОАР), анализируются правовые основы этого процесса, в частности - Основной закон СОАР, при этом отмечается наличие отдельных элементов колониального прошлого в существующей системе управления СОАР, прежде всего - схожесть правового положения Главы администрации Сянгана и губернатора Гонконга в колониальный период

На основе глубокого анализа правовых документов СОАР, результатов практической деятельности Центрального народного правительства, сянганской администрации и представительных структур в монографии делаются важные выводы, касающиеся будущего этой территории, в частности, отмечается, что результаты выборов высшего представительного органа Сянгана (Временного законодательного совета) и данные социологических исследований "свидетельствуют - в пользу легитимности новых органов власти, что в свою очередь позволяет говорить о некоторых объективных гарантиях стабильности сянганского режима" (с.232).

В целом, данная монография является профессионально выполненным исследованием, хотя не все в ней представлено равномерно по глубине научного анализа. Она является итогом многолетней плодотворной научно-исследовательской работы д.ю.н. К.А.Егорова - одного из ведущих отечественных синологов-государствоведов, автора многочисленных работ по проблемам государства и права Китая. Вместе с тем нельзя не отметить большую помощь, оказанную автору доктором юридических наук, профессором Л.М.Гудошниковым и кандидатом исторических наук К.А.Кокаревым при доработке рукописи на завершающем этапе написания (в особенности - второй и третьей части) и при подготовке ее к печати, что в немалой степени способствовало выходу в свет данной монографии в ее нынешнем виде. Несомненно, что монография К.А.Егорова является существенным вкладом в отечественное китайведение. Вместе с тем она является ценным правовым исследованием и займет достойное место среди трудов ученых-юристов. Книга будет, безусловно, полезной всем тем, кто занимается проблемами Китая, а также она может быть рекомендована политологам и юристам, преподавателям и студентам при изучении вопросов государственно-правового развития современного Китая и для использования в учебном процессе.

Ощепков В.П.: Россия и Китай в зеркале региональной политики. М: Научная книга, 1998. 163 с.

В книге молодого российского исследователя В.П.Ощепкова рассматривается геополитическое положение в Северо-Восточной Азии (СВА), а также современное состояние и перспективы российско-китайских отношений. Методологической основой предпринятого автором анализа стала концепция геополитических интересов, которые определяются как "наиболее устойчивый базисный, объективно заданный компонент национальных интересов" (стр. 29).

Посвятив первую главу книги некоторым теоретическим проблемам, связанным с категорией геополитики в трактовке этого понятия отечественными и зарубежными политологами, В.П.Ощепков дает свои геополитические характеристики ситуации в СВА, оценивая ее в целом как сложную и трудно предсказуемую. Исходя из такой оценки, он формулирует две основные стратегические задачи, стоящие, по его мнению, перед Россией: осуществление в СВА максимально взвешенной и гибкой внешней политики, важнейшим элементом которой является установление добрососедских отношений со странами региона и активное экономическое сотрудничество с государствами СВА при ускоренном социально-экономическом развитии российского Дальнего Востока. От успешного решения этих задач "объективно зависит будущее геополитическое положение РФ в СВА" (стр. 37).

Во второй главе автор прослеживает эволюцию геостратегии Китая в СВА, уделяя главное внимание складыванию и оформлению концепции национальной безопасности КНР в 80-е и 90-е годы и широко привлекая публикации по этой проблематике китайских политологов Су Си-ня, Янь Сюэтуна, Лю Сюя и других. Во

многом солидаризируясь при оценке китайской концепции национальной безопасности с российским исследователем В.В.Стефашиным, автор рецензируемой книги справедливо делает особый акцент на то, что геостратегия КНР была и во многом продолжает быть тесно связанной с идеологией, с внешнеполитическими воззрениями китайских руководителей (стр. 61).

Совершенно закономерно то обстоятельство, что В.П.Ощепков уделяет много места подходам КНР к глобальным и региональным проблемам безопасности и китайским концепциям многополюсного мира и нового международного экономического и политического порядка. Связь между этими подходами и концепциями прослежена в книге достаточно убедительно. Можно согласиться с автором и в том, что концепции многополюсного мира и нового международного порядка находятся в КНР в стадии разработки и выглядят пока несколько неопределенно (стр. 70).

Китайские политологи высказываются за создание в первую очередь системы субрегиональной безопасности для государств СВА без активного участия США. Такой вариант формирования механизмов безопасности для АТР, начиная с субрегионального уровня, излагается и в книге В.П.Ощепкова, однако он включает и США как одного из основных участников этого процесса (стр. 136).

Российско-китайские отношения и их будущее являются предметом подробного рассмотрения в третьей главе книги, где проанализированы важнейшие российско-китайские совместные декларации о развитии взаимоотношений после 1992 года, прослежена эволюция этих взаимо-

отношений, выделены существующие в них проблемы, требующие особого внимания обеих сторон.

В целом оценки, даваемые автором, не вызывают возражений. Бесспорно утверждение, что хорошие партнерские отношения нужны и выгодны и России, и Китаю на современном этапе. Вместе с тем тезис об "обреченности" России на стратегическое сотрудничество с Китаем (стр. 136) практически не аргументирован, а такая аргументация была бы бесполезна. Тем более, что сам В.П.Ощепков пишет, что Пекин, сближаясь с Россией, преследует прежде всего свои цели, и "поэтому в будущем нельзя исключить того, что с превращением Китая в реальную сверхдержаву мира его стратегия в отношении России может обрести новые черты, которые сегодня трудно обрисовать в полном объеме" (стр. 137).

Не очень ясно из текста, почему автор считает, что превращение Китая в один из полюсов в многополюсном мире противоречит принципу невступления

Китая в союзы и блоки или "неангажированной" внешней политике, которую КНР так долго проводила (стр. 139). Хотелось бы также, чтобы было подкреплено каким-нибудь фактическим материалом высказывание о том, что "по сути в Пекине готовят почву для внесения корректив во внешнеполитические принципы или по крайней мере стараются изменить их толкование" (стр. 139). В выступлениях китайских руководителей по внешнеполитическим вопросам и в известных нам публикациях китайских политологов пока трудно выявить подобную тенденцию.

В заключение можно согласиться с В.П.Ощепковым, что будущий характер отношений между Россией и Китаем зависит от многих факторов, тщательный анализ которых должен проводиться российскими специалистами. Свой вклад в этот анализ внес и автор рецензируемой книги, которая может быть с интересом прочитана всеми, кто интересуется проблемами и перспективами российско-китайских отношений.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 10.04.99 г. Подписано к печати 17.05.99 г. Формат бумаги 70x100 $\frac{1}{16}$
Офсетная печать. Усл.печ.л. 13,0. Усл. кр.-отт. 13,3 тыс. Уч.-изд.л. 15,0 Бум. л. 5,10
Тираж 1012 экз. Зак. 2472.

Оригинал-макет © 1999 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в типографии "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6.